

ДЕТЕСТЕД

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

**Звезда
российского
нуара**

**Мирон
Володин**

**Сорок
лет
назад**

Психологический триллер. Больной дядюшка жаждет перед смертью встретиться с племянником, которого никогда не видел. Но тот исчезает при загадочных обстоятельствах, и ему подыскивают замену, имеющую, для большей убедительности, внешнее сходство с дядюшкой. Впрочем, так ли все обстоит на самом деле? Крайне опасно недооценивать интеллект последнего.

Мирон Володин
Сорок лет назад

— Какой хрен посминал на этом все углы? — недовольно ворчал механик, пытаясь открутить гайки, удерживающие толстое «камазовское» колесо.

Широко раздвинув ноги, он сидел на новом колесе, приготовленном для установки. Над ним, опираясь прямой рукой о борт машины, стоял молодой водитель в ожидании, когда будет закончена эта часть работы. Как и на механике, на нем был промасленный комбинезон, а тыльной стороной ладони, не испачканной в мазуте, он то и дело поправлял прядь длинных волос, настырно лезших ему в глаза. Механик был постарше, но еще не настолько, чтобы тот обращался к нему на «вы».

«КамАЗ» с длинным крытым кузовом и еще несколько грузовых машин оставалось в просторном и полупустом гараже. Окон было недостаточно, чтобы осветить огромное помещение. Поэтому они держали открытыми ворота, пропускавшие не только свет, но также и морозный воздух, напористо врывавшийся с улицы.

Отборная ругань механика, которой он проклинал застрявшее крепление, отдавалась во всех концах гаража.

Из дальней коморки вышел и направился к ним пожилой слесарь со сморщенным лицом, в берете и заношенной спецовке, с которой он, вероятно, расстанется лишь тогда, когда она окончательно изорвется в клочья.

— Кто-то взял у меня разводной ключ, — пожаловался он, подойдя и сходу окидывая подозрительным взглядом разбросанный инструмент.

— Иваныч, не брал я твоего ключа, — не прекращая работы, ответил механик. — На фиг он мне нужен! У меня свой есть. Ты, наверное, сам его где-то посеял. Всем известно, что у тебя склероз. Возраст, Иваныч! — он лукаво подмигнул водителю. Механик повеселел: долго не поддававшаяся гайка наконец сдвинулась с места.

— Ох, шалопай! — беззлобно упрекнул слесарь.

Однако тот не унимался.

— Сколько уже твоей внучке?

— А тебе-то что? — проскрипел старик.

— Да не мне — вот ему, — кивнул он на водителя. — Погляди, какой парень! Бери его себе в зятя!

Старик, довольный, хмыкнул. Водитель смущенно заулыбался, щеки его порозовели.

— А что, Максим? Как ты на это смотришь?... А то выбирай себе кого-нибудь из конторы. Там такие девочки есть... — механик причмокнул языком. — Эх, будь я на твоём месте... Вот хотя бы та рыженькая, помнишь? Как она тебе?

— Ничего, — глядя все больше себе под ноги, тот неохотно кивнул.

— Ну, не нравится — хватай другую, которая нравится. Глаза-то на месте. Чего ждешь? Будет тебе ворон ловить! Под лежащий камень вода не потечет. Тащи с собой в рейс — а там она и не устоит. Давай, парень, не теряйся! А то оглянуться не успеешь — всех разберут!.. Правду я говорю, Иваныч?

Колесо соскочило на пол. Вдвоем они начали устанавливать новое. Старик стоял сбоку и наблюдал за ними. Сдвинув берет набекрень, он неуклюже почесал себя за ухом. После этого с горечью вздохнул.

— Ох уж это нынешнее поколение! В мое время кто бы назвал тебя стариком в

двадцать-то лет? Мы женились, только когда нам было по тридцать, а семнадцатилетними бегали в коротеньких штанишках и стреляли из рогаток по воробьям.

Механик отчаянно заржал.

— А я-то думал, что в молодости ты был монахом.

Старик с досады лишь махнул рукой: «да что с тобой говорить!» — и пошел прочь.

Водитель сел за руль, заставил завестись мотор, заглушил и снова завел. Поочередно включил и выключил передние и задние огни, ближний и дальний свет, габаритные и огни поворота. Проверил «дворники». Правый западал. Механик тут же подкрутил что-то, и «дворник» заработал.

— Порядок, — сказал он, прислушавшись еще раз к равномерному стучанию двигателя.

Максим легко нажал на педаль, из выхлопной трубы вырвался клуб серого дыма, и он медленно вырулил за ворота.

Гараж заслоняло приземистое здание, обогнув которое, можно было выехать на широкую аллею, ведущую к основным складам. За поворотом он притормозил: его начальник в расстегнутом пальто и с папкой подмышкой посреди дороги объяснял что-то на повышенных тонах двум управленцам, мужчине и женщине. По нему было видно, что ему не терпелось поскорее от них отделаться.

Максим высунулся из кабины, не став сигналить, поскольку тот его уже заметил. Его напарника вчера вечером встретили в темном переулке и избили так, что он попал в больницу с двумя сломанными ребрами и раздробленной кистью руки. Он сам позвонил утром оттуда и предупредил, что не сможет выйти на работу. Начальник гаража обещал, что попробует подыскать ему замену. Но, увидев Максима, не дал ему и рта раскрыть — еще издали развел руками:

— Извини. Нет у меня сейчас никого. Придется тебе одному ехать. Ничего не поделаешь. Но обещаю: к следующему рейсу обязательно что-нибудь придумаем.

— Да, но...

— Послушай, Максим, я верю, ты и сам справишься!

— Но как же...

— Можешь не волноваться, — снова перебил он водителя, полагая, что знает причину его беспокойства, — все расходы фирма берет на себя. В конторе тебя ждут документы и командировочные. Получи и езжай. И помни: я на тебя надеюсь! — прибавил он уже на ходу, спеша оторваться от водителя, прежде чем тот успеет задать хотя бы один вопрос.

Максим безнадежно покачал головой, дал парочку предупредительных сигналов беспечно шныряющим рабочим и задним ходом осторожно подъехал к длинной рампе. Высокие складские ворота были открыты настежь, туда-сюда через них сновал погрузчик, выкладывая на край рампы десятилитровые бутли, содержащие этиловый спирт и упакованные в дощатые ящики с тырсой, выглядывавшей сквозь щели. Не успел он выключить двигатель, грузчики резво принялись затаскивать в кузов эти самые ящики, ставя один на другой и сдвигая между собой вплотную. Посыпал снежок, порывы ветра заносили его под навес, прикрывавший рампу, но там он долго не залеживался, начиная таять под подошвами грузчиков.

Кладовщица в наброшенной на плечи стеганной куртке без рукавов выглянула из-за кузова.

— Максим! Чернецкий! Тебя просили зайти в торговый отдел!

Максим собрал инструмент, впопыхах оставленный на полу кабины, и спрятал его под

сидение. Из ящика под пожарным щитом возле входа в склад зачерпнул горсть песка. Песок удалял комки мазута, забившиеся под ногти. Затем вытер руки грязной тряпкой, валявшейся у него под ногами. Убедившись, что в результате этой нехитрой процедуры они стали немного чище, он там же, прямо на дороге, стащил с себя спецовку и бросил ее к инструменту. Под нею оказались довольно приличные брюки, в которых смело можно было отправиться хоть на любовное свидание, и белая полоска носков щегольски блеснула между ними и черными, до лоска начищенными туфлями.

Максим обошел длинный ряд складских помещений и поднялся на третий этаж административного корпуса. На первой же двери, расположенной напротив лестничной клетки, висела табличка с надписью: «Торговый отдел». Он толкнул ее и переступил порог довольно большой комнаты — большой, но нельзя сказать, просторной, поскольку она была сплошь забита письменными столами.

В гуще их сидела та самая блондинка, о которой как бы невзначай упомянул механик. Волосы у нее, бесспорно, были роскошные, волнами спадающие на плечи. Наверное, она могла отрастить их и подлиннее, и тогда напоминала бы русалку — этим, а также своими мечтательными глазами. Однако настоящая причина, побудившая заговорить о ней механика, заключалась в другом, и Максиму она была доподлинно известна. Пожалуй, об этом знали все. Достаточно было услышать ее имя, и каждый считал своим долгом тут же проверить реакцию Максима, женская половина при этом загадочно улыбалась, а мужская подшучивала. Этими вот мечтательными глазами она, не умея скрыть своих чувств, кидала трепетные взгляды в его сторону, а самого Максима от них кидало в жар, хотя он и старательно делал вид, будто не понимает, чего от него хотят.

Он не сомневался, что ему уготовано очередное испытание, и не ошибся. Ее ресницы в панике дрогнули, как только она увидела его прямо перед собой. Все дружно подняли головы, затем, разумеется, перевели взгляды на нее, после чего вернулись к работе, но у него все же сохранилось ощущение актера, который не видит зрителей по той единственной причине, что зрительный зал погружен в темноту.

Ему было отлично известно, что фактуру на экспорт выписывает она, но он сделал вид, будто забыл, и обратился к другой. Выслушав его, та сама окликнула блондинку.

— Наташа, это к тебе. Обслужи молодого человека.

Протиснувшись к ней между столами, он как ни в чем ни бывало положил перед нею заграничный паспорт, хотя кому-кому, а ему она уж точно поверила бы на слово. В толстой кипе бумаг она нашла заранее подготовленные документы и указала место, где ему следовало расписаться.

— Едешь один? — поинтересовалась начальница, цветущая женщина с сильным голосом.

Сколько лиц при этом повернулись к нему! Словно только и ждали момента. А еще минутой назад с таким небывалым усердием трудились над столами.

— Один, — подтвердил он. — Напарник в больнице.

У той сразу же пролегла складка через лоб.

— А что стряслось?

Максим не знал всех подробностей. Только то, что сообщила диспетчер, которой его напарник позвонил сегодня из больницы. Какие-то типы окружили его, сбили с ног, долго избивали ногами, потом забрали бумажник, бросили на земле и ушли. Больше ничего. Никто пока не навещал его. Возможно, это сделает он, Максим, когда вернется из рейса. Но едва ли

он рассчитывал услышать что-то новое. И милиция тут не поможет. Была темень, парень не узнает никого из нападавших. Женщина сочувственно причмокивала губами и покачивала головой.

— Ну, даст Бог, все обойдется, — ободряюще сказала она.

Максим кивнул в подтверждение того, что не имел бы ничего против. Она снова переменяла тон.

— Ну а ты, что ж, так и поедешь один? Не скучно будет? Взял бы кого с собой, как-никак, а вдвоем все ж веселее в дороге. Да и теплее было бы.

Кругом рассмеялись. Похоже, начальница не особенно старалась удержать язык за зубами.

— А то здесь уже тоскуют за тобой.

А вот это уже против правил. Блондиночка быстро опустила глаза. Ее эта реплика тоже, по всему виду, шокировала.

Хотя, в общем-то, неплохо, что шокировала. Все-таки скромная девочка. И, что не менее важно, совсем не уродина. При других обстоятельствах он, без всякого сомнения, пригласил бы ее куда-нибудь. Но когда за каждым твоим словом, обращенным к ней, за каждым жестом следят, когда ты уверен, что стоит вам хотя бы случайно оказаться рядом в столовой или пройтись по территории, как тут же этот факт будет взят на заметку и соответствующим образом интерпретирован! Нет, им недостаточно собственной жизни, им подавай театр, настоящий живой театр с настоящей жизнью, который разворачивался бы прямо у них на глазах. Максим был явно не готов для главной роли в таком спектакле.

— Непременно, в следующий раз, — пообещал он, стараясь казаться в меру вежливым.

Начальница, тем не менее, лукаво прищурила глаза.

* * *

Ведя машину по узкому шоссе, соединяющему Винницу и Хмельницкий, он продолжал раздумывать, правильно ли поступил, что не подарил девушке по крайней мере лучик надежды.

А впрочем, не одна она такая на белом свете. Пускай себе чуток повздыхает. У него не должно быть проблем с покорением женских сердец. Перед ним в зеркале подрагивало его собственное отражение. Типично славянские черты лица в их наиболее изящном выражении, с той незначительной долей неправильности, которой не портит, а лишь делает гармонию своеобразной. И в самом деле, ему не на что было жаловаться. Такое вдохновение на Господа Бога находит не каждый день. Убедившись, что так оно и есть, Максим с улыбкой продолжал следить за дорогой. Кто сказал, что кокетничают только женщины? Он не раз ловил на себе их жадные взгляды, и ему, чего уж там, бывало от этого чертовски приятно.

«Дворники» еще гоняли по стеклу талый снег, а робкое чересчур февральское солнце, прорываясь сквозь дымчатую пелену туч, уже посыпало ему свое рассеянное сияние. Из-за деревьев, обступивших дорогу, выглядывал простилавшийся до самого горизонта снежный пейзаж. Снег поглотил все: поля, отдаленные леса и горы, превратив все это в единый белый монолит.

Мало-помалу всякие там блондинки, брюнетки отошли на задний план. Он все еще с беспокойством поглядывал на стрелку спидометра. Таможня отняла слишком много

времени. Необходимо увеличить скорость еще на пару километров, если он хочет к десяти вечера попасть во Львов. Но погода стояла не из лучших, до сих пор мешал падавший снег, и ему никак не удавалось выжать из машины максимум того, что она могла бы дать. В пути он уже почти час, за это время ни одна грузовая не рискнула обогнать его на трассе. Значило ли это, что ему не в чем себя упрекнуть?

Несколько раз посмотрев в зеркало, он, к своему удивлению, обнаружил, что у него на «хвосте» висит белый «БМВ». Вот даже как! «БМВ» — у него на «хвосте»? «БМВ», спокойн развивающий до двухсотпятидесяти километров в час! Дистанция между ними составляла около ста метров и устойчиво держалась на этой отметке. Похоже, что тем, позади, некуда было торопиться.

Машиной он был доволен. До сегодняшнего дня он на ней не ездил и боялся какого-нибудь подвоха. Но она великолепно слушалась руля, и мотор стучал исправно. Вот только правый «дворник», начавший снова западать, скоро окончательно перестал подавать признаки жизни. Ну и черт с ним, подумал Максим. Ему некогда было возиться с «дворником», тем более, если это правый.

Он потерял «БМВ» при въезде в Летичев, но за Летичевым тот снова объявился у него на «хвосте».

Почему они едут так медленно? Легковые обгоняли их стаями. Он поймал себя на слове «они». Собственно, почему он подумал: «они»? Салон «БМВ» не просматривался насквозь. Откуда ему знать, внутри только водитель, или он до отказа набит пассажирами? У него были тонированные стекла. У Максима они вызывали изжогу. Он мог ничего не иметь против БМВ, но темных стекол просто не переваривал. Встретиться на дороге с такой машиной — все равно что беседовать с кем-то, у кого на носу непроницаемые солнцезащитные очки. Ему обычно казалось, будто сквозь стекла над ним насмеваются.

Впрочем, после Меджибожа «БМВ», словно передумав, внезапно прибавил обороты и на скорости всех своих двухсотпятидесяти километров с презрением обогнал неповоротливый «КамАЗ». За небольшим холмом впереди он тут же скрылся из виду. Все это заняло считанные минуты. Пару раз после этого он еще быстро вынырнул на взлете шоссе, с каждым разом заметно уменьшаясь в размерах, пока серая дымка на горизонте окончательно не поглотила его.

Максим вздохнул облегченно. Этот эскорт почему-то действовал ему на нервы.

Он попрежнему торопился, задавшись целью приехать во Львов к ночи, там переночевать, а оттуда — два часа до границы, и с восходом солнца он уже будет в Шегинях.

Между тем, хоть он и прибавил в скорости, казалось, будто машина еле ползет. Сейчас его окружало с обеих сторон полностью открытое пространство. По левую сторону дороги, подернутый тончайшей коркой льда, протекал начинавший брать недалеко отсюда свои истоки Южный Буг. Летом берега утопали в камышевых зарослях. С высоты шоссе можно было увидеть прятавшихся в них уток. Сейчас они были едва различимы. Снег толстым шаром лежал на скате насыпи и дальше постепенно уменьшающимся накатом — на ледяной корке.

Наконец справа показалась гранитная плита, означавшая, что дорога в этом месте пересекает черту Хмельницкого. Не углубляясь в центр города, он сразу поехал за стрелками, указывающими на Тернополь.

Хмельницкий остался позади. Часы показывали четверть шестого. Начинало смеркаться. Солнце позолотило рваные края туч, золотистые прожилки разрезали небо.

Впереди алый ореол окружал лесистые вершины холмов. Дорога вела прямо к нему и растворялась в этом зареве. Он нажимал на педаль до отказа, как если бы надеялся догнать уходящее солнце, но оно скатывалось все ниже, и наконец прожилки из золотистых стали опять голубыми, а тучи темнее, чем кусочки неба между ними. Сумерки сгущались на глазах, постепенно скрадывая контуры окружающей местности. Теперь она все больше обозначалась неровной цепью точечных огней. Небо продолжало безудержно темнеть, при этом стараясь еще хоть как-то сохранить очертания облаков.

Дорога стала видна не дальше пятидесяти метров. Вдруг ему пришлось до отказа нажать на тормозную педаль. Взвыв тормозами, «КамАЗ» пронесся по скользкому шоссе еще метров двадцать и замер. В свете фар, прикрываясь ладонью, стоял какой-то парень. Рука его сжимала продолжающий светиться карманный фонарик, которым он только что, стоя посередине дороги, размахивал над головой с требованием остановиться. На обочине Максим увидел белый «БМВ» с открытым капотом и торчащими оттуда ногами водителя. Затемненные стекла казались черными и угрожающе поблескивали.

Парень вскочил на подножку кабины и открыл дверцу.

— Друг, выручай! Подбрось до Тернополя! Ужасно тороплюсь. Мотор подвел, чтоб его!

Пришлось согласиться, хоть парень и не внушал ему симпатий. Самоуверенный, спортивная стрижка, кожаная куртка, еще и кэйс впридачу. Большой черный кэйс с кодовым замком. Наверное, набит деньгами. У него был вид рэкетира. А кто же еще мог выйти из «БМВ» с тонированными стеклами?

Парень плюхнулся рядом, и «КамАЗ», дернувшись, тронулся с места. К нему быстро вернулось хорошее настроение, чего никак нельзя было предположить, пока он стоял на дороге.

— Я — в Польшу, — сообщил он о себе. — А ты?

Сходу — на «ты». Такой не потеряется.

— Я тоже, — нехотя признался Максим.

— О! Так нам, значит, по пути! — обрадованно сказал парень, а Максим еще больше скис, чувствуя, что теперь тот уже не отвяжется.

Он угадал, парень дружелюбно протянул ему ладонь.

— В таком случае, не мешает познакомиться. Меня зовут Виктор.

Компанейский парень, досадливо подумал Максим и в ответ процедил сквозь зубы свое имя. Тот не заметил его неудовольствия.

— Ты что везешь?

— Спирт, — проворчал он, не глядя в его сторону, однако краем глаза все же видел, как Виктор многозначительно кивнул головой.

— Толково. А я вот, по делам фирмы. (Деловой, это Максим сразу отметил, по «кейсу» и по «БМВ»). Торговые операции. Импорт — экспорт.

— Желаю успеха.

Пассажира вновь не смутил его ироничный тон. Казалось, что его вообще нельзя было ничем смутить. Он играл костяшками пальцев по крышке своего «кейса» и пытался насвистывать какую-то мелодию. Назло ему Максим попробовал включить приемник. Он отыскал в эфире какую-то зажигательную музыку и сделал звук погромче. Возможно, это наконец заставит Виктора замолчать.

К его удивлению, музыка пришлась Виктору по душе. Закатив глаза, он стал трести головой и постукивать пальцами уже в такт с ее ритмом. Внезапно он наклонился к

Максиму и сказал, обдав его дыханием, смешанным с запахом мяты:

— В прошлом году во Львове у меня была одна телка... Ну, я навещал ее иногда проездом... Понимаешь, та же гостиница, только с полным обслуживанием, — он заговорщически подмигнул. — Так вот, она это делала прямо под музыку. Какой это был слух, какое чувство ритма! — он широко растянул губы в самодовольной усмешке, обнажив застрявшую в зубах жевательную резинку. — И у нее была эта запись, — ткнул он пальцем в приемник и снова усиленно забарабанил по кэйсу, возрождая в памяти волнующие эпизоды.

Максим проезжал Львов, отсыпаясь на лежаке позади водительского кресла в кабине «КамАЗа». Прикрывшись собственной курткой и убаюканный мерным покачиванием. Это все, что он мог противопоставить экзотике Виктора.

— Но все же самые классные девочки, это — польки. Те же цены — и настоящий сервис, — прибавил тот со знанием дела.

Максим резко повернул руль, высветив едущую впереди крестьянскую телегу. Этот Виктор раздражал его с каждой минутой все больше. И самое неприятное то, что, как видно, он раздумал выходить в Тернополе.

В половине одиннадцатого они подъезжали ко Львову. Город вырастал перед ними мириадой ярко светящихся точек. Выеди Максим из Винницы часом раньше, вероятно, сейчас он просто обогнул бы город по кольцевой и заночевал бы чуть дальше, в Мостиске. Оттуда до границы рукой подать. Но он чувствовал, как предательски слипаются веки и понимал, что не в состоянии дальше без передышки вести машину.

Где-то здесь должен быть кемпинг для автотуристов. Он внимательно всматривался в каждый указатель.

Поворот. Дорога вела к лесу. А вот, наконец, и он. Один за другим несколько элегантных коттеджей на лужайке перед лесом, изящно прикрытых парой стройных сосен со стороны шоссе. Обок — освещенная прожекторами стоянка, Максим свернул туда.

У ворот, приподнятая на сваях, торчала крохотная кабинка сторожа. Сквозь стекло было видно фигуру человека в униформе, сидевшего неподвижно, подперев голову рукой. Шум мотора заставил его оживиться. Надвинув на лоб фуражку, он спустился по металлической лестнице, гулко зазвеневшей под его подошвами, и без вопросов опустил цепь, перекрывавшую въезд. Затем пальцем начертал место, куда следовало поставить машину.

— Только поосторожнее мне тут с воротами! — на всякий случай предупредил он, опасливо соизмерив их ширину с габаритами «КамАЗа». Оказывается, он умел разговаривать.

Максим загнал машину под самое ограждение. Мотор сделал еще несколько усталых оборотов и окончательно затих.

— Я выхожу, — сообщил он Виктору. — А ты оставайся, если хочешь, — этим он дал понять, что его не касаются намерения попутчика, что каждый — сам по себе, и поэтому нет нужды следовать друг за другом.

Пока тот не передумал, он быстро соскочил с подножки и побрел в сторону ближайшего коттеджа, куда его кивком головы направил сторож, снова натягивавший цепь.

Вход в коттедж был обозначен неоновой лампой, светившейся над дверью. Переступив порог, он увидел тесноватый, но зато очень уютный холл, в котором его встретила администратор, на вид приятная женщина в форменном жакете.

— Я вас слушаю, — у нее, к тому же, оказался мягкий, певучий голос, сразу понравившийся Максиму.

— Мне нужно где-то переночевать, — сказал он, сожалея, что нельзя сию же минуту, без всяких там формальностей, упасть куда-нибудь. После непрерывных девяти часов напряженной езды он просто валился с ног.

Ее лицо говорило о том, что ей было жаль его огорчать.

— Сожалею, но есть только номер для новобрачных. Он стоит пятьдесят долларов, — с очевидным сомнением посмотрев на его руки со следами прочно въевшегося мазута, ответила она — конечно же, думая, что ему он придется не по карману. Откуда ей было знать, что расплачиваться-то будет фирма!

— Тогда пусть будет номер для новобрачных, — согласился он устало, с приятным равнодушием к названной цене. — Если вы, конечно, не против того, что невеста, как бы это сказать...

— Ну, для этого у вас еще будет время, — придя ему на помощь, убежденно заметила

администраторша.

Максим не успел обратить внимание, улыбнулась она при этом или нет.

Он открыл дверь ключом, который она ему дала. Внутри и в самом деле оказалось довольно мило. Просторная комната в розовых обоях, ванная, туалет, кругом вазы с цветами, ковровые дорожки и, разумеется — сдвинутые вместе кровати. Прелестный уголок! Не хватало еще только зеркала напротив.

Он попробовал кровать — какая она была мягкая! Так вот на чем спят молодожены. О такой он мечтал от самого Тернополя. Его единственным и почти непреодолимым желанием было сейчас же растянуться на ней и безмятежно проспать до утра.

Но, отвернув край одеяла, Максим невольно отдернул руки: против иссиня-белых простыней они поражали своей чернотой. С администраторшей утром случится обморок, если она увидит на них отпечатки его пальцев. Нет, придется отложить этот желанный миг еще на некоторое время.

Раздеваясь на ходу, он поплелся в ванную. Из крана с шипением вырвалась мощная струя горячей воды. Ощувив ее расслабляющее прикосновение, он с минуту наслаждался игрой с нею, поочередно подставляя то одну, то другую руку, то плечи, то шею. Неожиданно для него это оказалось чуть ли не приятнее мягкой постели. Наконец он заставил себя перекрыть кран. Вода, тоже как будто недовольно, схлынула.

Вытираясь полотенцем, он вышел из ванной раздетый до пояса.

— О! Никак, мы опять вместе! От судьбы не уйдешь, — услышал он знакомый голос и вздрогнул всем телом.

Полотенце слетело с его вытянувшегося лица. Перед ним стоял Виктор, все так же самодовольно ухмыляясь.

— Кажется, я забыл запереть дверь, — подумал Максим вслух.

— Да. Дверь была открыта, — непринужденно подтвердил тот, — иначе как бы я вошел, — Виктор прошелся по комнате, открыл шкаф и повесил туда свою кожаную куртку. — Нас поселили вместе. Здорово, правда?

Максим находил, что это вовсе не так уж и здорово. Само намерение выспаться за ночь ставилось под вопрос.

— А я-то думал, что это номер для новобранцев, — кисло заметил он.

— У них не осталось свободных номеров. Нельзя же допустить, чтобы кто-то ночевал на улице. Если хочешь, мы можем раздвинуть эти чертовы кровати.

— Мне от этого легче не станет.

— Как хочешь, — Виктор пожал плечами, его ничуть не затрагивал откровенно недоброжелательный тон. — А я вот, уже позаботился, — кивком головы он указал на край стола, где на круглом подносе стояли раскрытая бутылка коньяка и две наполненные рубиновой жидкостью рюмки.

Он взял рюмки и одну из них протянул Максиму.

— Выпьем за начало нашего знакомства.

Максим покрутил носом.

— Послушай! Должен же я хоть как-то тебя отблагодарить, — настаивал Виктор.

Максим неохотно взял свою рюмку, они чокнулись. Виктор потребовал: «Давай до дна», — и он влил в себя обжигающий напиток.

— Ну как, повторим?

Он резко запротестовал.

— Хорошо, хорошо, я тебя не заставляю, — и Виктор поставил на место опустевшую рюмку. — В таком случае, схожу-ка я тоже приму душ.

Закинув на плечо полотенце и послав с порога прощальный жест рукой, он исчез в ванной. Вскоре оттуда послышался шум стекаемой воды. Максим искал, на чем бы сорвать свою злость, потому что возненавидеть Виктора, в конце концов, было бы несправедливо. Впрочем, урезонил он себя, могло быть гораздо хуже. Могло быть и так, что пришлось бы заночевать в кабине, а это не слишком радужная перспектива, особенно, если на улице февраль. Конечно, за пятьдесят долларов ему, по крайней мере, могли бы дать возможность спокойно выспаться. За свои пятьдесят долларов он бы им тут устроил... За свои — конечно. Но ведь они были не его. А на бюджет фирмы они не произведут никакого впечатления.

Оригинальный вывод, что потеряла на этом вроде как бы фирма, а не он сам, несколько его успокоил. Пожалуй, сейчас самое разумное, пока тот тип моется, выключить свет и лечь в постель, а когда он наконец выйдет, притвориться спящим. Тогда он, по крайней мере, не будет приставать к нему со всякими там расспросами и уговорами, короче говоря, его должны оставить в покое. Максим оценивающе посмотрел на обе кровати. Какая из них удобнее?

Виктор забыл свой кэйс прямо на дорожке, посреди комнаты, Максим о него чуть не споткнулся. Он поднял его за ручку, чтобы убрать с прохода, и тут кэйс неожиданно раскрылся. Что-то тяжелое брякнуло на ковровую дорожку, он не успел заметить — что, после чего оттуда лавиной, накрыв собой таинственный предмет, посыпались полиэтиленовые пакетики, туго набитые белым порошком. С нехорошим предчувствием он взял в руки один, пробуя на ощупь. Пакетик был мягкий и нежный, словно там был крахмал или сухое молоко. Он знал, что в таких случаях содержимое безошибочно определяется на вкус. Но он не опер и не таможенник, ему не нужно было ничего доказывать. На глаз один такой пакетик весил грамм сто. И весь пол был усыпан ими. Тут не один килограмм наркотиков. Максим выпустил из рук пустой кэйс и, присев на корточки, осторожно разгреб кучу у своих ног. Здесь должен быть тяжелый предмет, издавший при падении короткий глухой звук. Вот и он. Это был пистолет «Беретта».

Максим взялся руками за голову, сосредоточенно уставившись на всю эту атрибутику преступного мира. Тут уже было не до шуток. Ему начинало казаться, что он порядочно влип.

В ванной попрежнему шипел душ. Он тревожно покосился на дверь, как бы опасаясь, чтобы Виктор не вошел в эту самую минуту и не застал его перед опустошенным кэйсом.

Скорее все назад! Лишь бы Виктор ни о чем не догадался... Он кинулся собирать разбросанные пакетики и складывать их назад. Наконец пакетики были на месте. Он бросил сверху пистолет и с облегчением захлопнул крышку. Все! Пусть лучше стоит себе в углу: не приведи Бог сам Виктор возьмется за ручку, и снова не выдержат замки. Послала же ему судьба попутчика!

Максим выключил свет и забрался под одеяло не снимая брюк. В это момент в ванной перестала течь вода.

В наступившей тишине Виктор медленно подошел к его кровати, очевидно, желая убедиться, что он уже спит. Только сейчас Максим распознал давно бьющий его озноб. Сердце отчаянно колотилось в груди, но он боялся шелохнуться, и тем самым выдать себя. Лежа спиной к окну и накрывшись одеялом с головой, он полагал, что в густой тени может безбоязненно держать глаза открытыми, и однако же его обнимал холодный страх, пока

Виктор, остановившись всего лишь в метре от изголовья, напряженно всматривался ему прямо в лицо. Закрывать глаза было поздно, да и тогда он не смог бы следить за Виктором.

Все-таки, похоже, тот поверил ему, судя по тому как молча зашел с другой стороны и начал раздеваться, не пытаясь включить свет. С замирающим сердцем Максим прислушивался к доносившимся звукам: он слышал, как два-три раза звякнула пряжка поясного ремня, как просела соседняя кровать, как оркестром закрипели пружины по всей ее длине. Они начинали скрипеть еще не раз, но спустя некоторое время, показавшееся ему вечностью, он услышал за спиной ровное сопение.

Выждав для верности еще столько времени, на сколько был способен, он осторожно спустил ноги на пол, но обуваться не стал, боясь разбудить Виктора громыханием подошв. Натянул на себя часть одежды, остальное собрал в охапку и тихонько выскользнул в коридор.

Кругом все спали, не слышно было ни малейшего движения. Присев на ступеньках лестницы, он наконец обулся. Затем встал, накинул куртку и сошел вниз.

Из комнаты администратора через открытую дверь лился свет. Услышав шаги, она выглянула на звук, и непонимающе уставилась на Максима. Вероятно, он должен был ей что-то объяснить. Но она опередила его.

— Так вы уже нас покидаете?

— Д-да... к сожалению, — протянул он, на ходу стараясь придумать подходящий предлог.

— Что-нибудь не в порядке? — допытывалась она.

— О нет, пожалуйста, не беспокойтесь. Все... замечательно. Просто я вспомнил... Мне нужно торопиться. У меня срочный груз.

— Конечно, понимаю, — кивнула администраторша, хотя оставалось неясным, поверила она или нет. — Приезжайте еще.

— Непременно, в следующий раз.

— Ах, вот еще что, — она остановила его у самого порога. Он вопросительно посмотрел на нее с полуоборота. — Вы забыли вернуть ключ, должно быть, он в дверях?

— Ключ? — удивленно переспросил Максим. — Боюсь, вы меня неправильно поняли. Уезжаю я один. Мой сосед немного задержится. Он крепко спит наверху.

Теперь уже администраторша изобразила крайнее удивление.

— Какой сосед? О ком вы говорите? Я вас не понимаю.

— Сосед, которого вы сами подселили ко мне в номер! — возмущенно напомнил Максим.

Она еще спрашивает, какой сосед! И вдруг что-то екнуло у него внутри.

— Извините, молодой человек, но к вам в номер я никого не подселяла! — ответила она с таким видом, словно под угрозой оказалось ее собственное достоинство.

— Но тогда... — он метнул настороженный взгляд поверх лестницы. — Что же он там делал?

— Собственно, в чем дело, вы объясните, наконец?

— Скажите, а тот парень, который появился после меня...

Она должна была его запомнить!

— Пойдите! Примерно вашего возраста, м-м... такого же роста, — она измерила его взглядом, — одетый в кожаную куртку, кажется, так? Ведь вы его имели ввиду?

— Вот именно! Что ему было нужно?

— То есть, как это — что? То же, что и всем, переночевать.

— Значит, вы его все-таки поселили?

— Ну разумеется. В номере по соседству с вами. Он такой же, как и ваш.

— А он спрашивал обо мне?

— Он сказал, что вы приехали вместе. Я предупредила, что вы будете в соседнем номере.

Максим кивнул головой. Он начинал понимать. Точнее, он уже ровным счетом ничего не понимал!

— Сделайте одолжение, не будите его, — попросил он с порога.

Не найдя, что ответить, администраторша проводила его глазами, в которых попрежнему стояло недоумение.

Его трясло, будто в лихорадке. Крепкий ночной мороз только усилил это ощущение. Снег звучно хрустел под ногами, мелкие искорки вспыхивали в свете прожекторов, освещавших стоянку. Сторож дремал на посту.

— Эй! — крикнул он, надеясь голосом разбудить сторожа, но тот никак не отреагировал.

Тогда он скатал ком и бросил в окно кабины. Сторож испуганно протер глаза. При помощи жестов Максим объяснил, что выводит машину.

Продолжая стучать зубами, он завел мотор. В непрогретой кабине было почти так же холодно, как и на улице. Мороз затуманил окна, пришлось соскребать лед. Боковые стекла он расчистил лишь самую малость — так, чтоб были видны зеркала, — и включил «дворники». Те забегали по лобовому стеклу, рисуя аккуратные треугольники. Остальное его не беспокоило: оттаит в дороге. Равномерный рокот мотора подействовал на него ободряюще. Даже правый «дворник» (только сейчас он об этом вспомнил) работал безотказно, подчистую выбирая снег. Он мог бы застегнуть куртку, пока не прогрелся воздух в кабине, но ему это не приходило в голову. Он хотел лишь одного: скорее исчезнуть, покуда Виктор его не хватился.

Наконец можно было ехать. Сторож к тому времени отпустил цепь и дожидался обок, чтобы потом сразу же натянуть. Максим нажал на педаль, «КамАЗ» судорожно вздрогнул и потянулся к воротам.

Коттеджи кемпинга быстро уменьшались в обоих зеркалах. Скоро только отдельные огоньки еще выдавали их местонахождение, да и те, обещая вот-вот исчезнуть, робко мелькали за стволами деревьев.

Прямая лента шоссе белела от инея. Грузеный «КамАЗ» мчался по ней куда-то на полной скорости, остервенело врезаясь в ночь. Деревья с обеих сторон плотно обступили дорогу. Снопы фар внезапно выхватывали из темноты подернутые инеем белые кроны оголенных ветвей, которые, будто фосфоресцирующие на черном фоне скелеты чудовищ, вырастали у него над головой.

«БМВ» медленно проехал по алее на подступах к пограничному пункту и остановился рядом с припаркованным «КамАЗом». Из кабины последнего вылезла темная грузная фигура и прилипла к задней дверке «БМВ» в ожидании, когда опустится стекло. Ее лицо закрывала тень. Тонированное стекло, сумрачно поблескивая, поползло вниз.

— Полный порядок, — ежась на крепком морозе, произнесла фигура. — Прошло, как по маслу.

Ответа не было. Вместо него открылась передняя дверка и выпустила Виктора переодетого в короткую спортивную куртку, похожую на те, что обычно носят водители.

— Ключи, — коротко потребовал он, подставляя ладонь, затянутую в кожаную перчатку.

— В машине, — ответила фигура.

Виктор легко взобрался на водительское место и, не снимая перчаток, включил зажигание. Мотор послушно заурчал. Тогда он высунулся из кабины и показал на пальцах, что все идет по плану.

«КамАЗ» тронулся с места и, объезжая вереницу ожидающих в очереди машин, направился сразу к пропускному пункту. Здесь, посигналив одному из грузовиков, вклинился в колонну. Никто не пробовал протестовать.

Очередь постепенно, хоть и не очень быстро, продвигалась, он был уже совсем близко от ворот. Под навесом слаженно работали таможенники. Виктор сосредоточенно наблюдал за их действиями. Они проверяли все подряд: заглядывали под днище, вскрывали пломбы и осматривали кузов. Похоже, что их предупредили. Хотя об этом он и раньше мог догадаться. Кинолог держал на поводке собаку. Ее запускали в машину, отцепив поводок. Нет, определенно, его «КамАЗ» такой контроль не пройдет.

Перед ним уже никого не осталось. У ворот торчал пограничник, готовый в любую минуту махнуть рукой, разрешая въезд. Дальше оттягивать было нельзя. Он и так здорово рисковал, подъехав к самым воротам; впрочем, он любил риск. Пограничник смотрел в противоположном направлении. Осторожно приоткрыв дверцу, Виктор еще раз убедился, что рядом нет никого, кто мог бы его остановить. Тогда он спрыгнул на асфальт, метнулся назад, пробрался между рядами машин, затем уже не кроясь отошел в сторонку вроде как бы по нужде, здесь снова оглянулся по сторонам — и окончательно растворился в темноте.

* * *

Спустя несколько минут Максим благополучно вырулил на трассу. В три часа ночи она была пустой. Лишь однажды ему показалось, что его обогнал «БМВ», очень похожий на тот, который следовал за ним по пятам от самой Винницы. Максим подумал о том, насколько ему не хватает самообладания. Теперь он будет вздрагивать при виде каждого белого «БМВ».

Менее чем через два часа он уже был на пропускном пункте в Шегинях и пристроился в хвост очереди. Несмотря на то, что до рассвета еще оставалось время, граница бурлила, как потревоженный улей. Целые отряды пограничников наводнили заставу. Максим насчитал до десятка машин, выкрашенных в защитный цвет. Таможенники сновали взад и вперед с

фонарями, он также видел собак на поводке. Он знал, что эти собаки натасканы на наркотики. Их приучали к ним, добавляя в еду наркотик, и спустя некоторое время они сами становились «наркоманами». Они долго не жили, лет пять от силы.

Что-то случилось на границе. Краем уха среди водителей он слышал, поговаривали о какой-то машине, в которой якобы обнаружили большую партию спрятанного героина, и что разыскивали исчезнувшего водителя, но вот нашли или нет, этого никто не знал. Пограничники предпочитали хранить молчание.

Наконец подошла его очередь. Угрюмый таможенный инспектор потребовал сопроводительные документы.

— Что за груз? — спросил он сухо, начиная листать страницы.

— Спирт, — растирая ладони от холода, ответил Максим.

Оторвавшись от бумаг, таможенник прощупал его внимательным взглядом, но не произнес ни слова. Заглянул в кабину, затем обошел кузов, проверил пломбу, бегло сверил номер машины и направился в контору, попрежнему не раскрывая рта. Максим покорно последовал за ним.

В помещении было жарко. Таможенник развалился за столом и, положив фуражку на самый край, продолжал сосредоточенно изучать бумаги. Наконец, отобрав копии и шлепнув штамп с отметкой о выезде, он вернул их Максиму. При этом еще раз колко посмотрел ему в глаза.

— А шутите лучше в другом месте. Здесь не советую, — и вручил на миг задержанные в воздухе документы.

Максим заторопился к себе в кабину. Он ничего не понял из того, что сказал таможенник. Но у него не было ни времени, ни желания над этим задумываться.

Метров через двадцать он остановился у пограничного поста. Пограничник холодно взял под козырек. У них у всех были почему-то одинаково кислые лица. Он не мог с ними согласиться, ведь все складывалось вполне удачно. Скоро и Виктор, и неприятные воспоминания о прошедшей ночи останутся по ту сторону границы. Очередная отметка в паспорте — и он проехал мимо поднятого шлагбаума. Проверка с другой стороны — и он в Польше.

Максим радостно выхватил паспорт из рук удивившегося поляка. Сразу за погранзаставой остановился у первого попавшегося магазинчика, где купил плитку шоколада, подарив симпатичной белокурой продавщице приятную улыбку. Его захлестнуло внезапное воодушевление, окончательно вытеснившее страх. Ему хотелось смеяться и шутить.

Нетронутый снег поблескивал на обочине. Вдыхаемый воздух был морозный, свежий и необыкновенно чистый. На востоке, пробиваясь сквозь сизую дымку облаков, брезжил рассвет.

* * *

Рядом с пограничным пунктом в Медыке находилась автозаправка, в нее вклинился небольшой павильон с магазинчиком, который посещали одни автотуристы. Магазин работал круглосуточно, так же, как и заправка, хотя в ночное время площадка для автомобилей большей частью пустовала. Толстяк, подъехавший на «Польском фиате»,

заправив полный бак, отправился в магазин за пачкой сигарет. Скучающая симпатичная блондинка с заспанными глазами долго соображала, что ему от нее нужно. Покрутившись у прилавка с купленными сигаретами в руках, он снова вышел на трескучий мороз и, будучи раздетым, трусцой побежал к машине. Пустой салон пронизывали снопы фар обгонявших ее автомобилей.

Повернув ключ зажигания, он включил обогреватель, и, пока остывший салон наполнялся горячим воздухом, заставил ее выползти на трассу. Его и самого тянуло вздремнуть. Не бросая руль, он обеими руками распечатал упаковку, вытащил сигарету и сунул себе в рот. Спустя секунду после того, как погасло пламя зажигалки, он посмотрел в салонное зеркало и ничего не понял. Вид на дорогу заслонила чья-то голова, на тыльном сидении кто-то находился.

От неожиданности толстяк позабыл о том, что ему нужно вести машину.

— Кто вы такой? Что вы тут делаете? — испуганно взвизгнул он; сигарета вывалилась у него изо рта.

Не получив ответа, он перекинул ногу на тормозную педаль.

— Эй, послушайте! Я таких шуток не признаю! Немедленно выходите! — но несмотря на грозное с виду предупреждение, голос выдавал засевающий в нем страх.

Сзади их стал догонять поток светящихся фар.

— Ладно, только без шума! — миролюбиво уступил пассажир, и толстяк сразу ощутил прилив сил. — Ну что за вредный народ! Даже подвезти не хотят!

Автомобиль остановился. Однако он не спешил выходить. Толстяк снова беспокойно заерзал на сидении.

— Долго я буду ждать?

— Сейчас, сейчас!

У себя под локтем водитель неожиданно почувствовал упершееся в него дуло пистолета. Дыхание перехватило судорожной спазмой, теперь он не смог бы возмутиться, даже если бы захотел.

— Не двигаться!

Предупреждение было излишним. В застывших позах они молча дожидались, когда пройдет колонна. Пронизывая салон ярким светом, отражавшимся в зеркалах, машины промчались одна за другой. Свет озарил лицо пассажира, тотчас нахмурившееся в глубине зеркала.

Выждав, пока они исчезнут из поля зрения, Виктор еще раз оглянулся назад. Трасса была темной и пустой. Небо запеленали почти неразличимые облака. Деревья, выстроившиеся по обе стороны шоссе, сгущали тень.

— Теперь выходи, — сказал он, все так же угрожая пистолетом.

Водитель с готовностью подчинился, он, вероятно, думал, что сейчас его отпустят восвояси, впрочем, это самое худшее, на что он мог рассчитывать. Откуда ему было знать, что никто не имел права опознать угонщика.

В точности выполнив все указания, он сошел на обочину, и тут Виктор, приспустив боковое стекло, просунул ствол в образовавшуюся щель и плавно нажал на спуск. Толстяк с разинутым ртом, не успев даже закричать, нелепо взмахнул руками и скатился в овраг.

Виктор закрыл окно с таким равнодушием, точно выбросил объедки, и пересел в водительское кресло. Автомобиль послушно тронулся с места. Нажав на клавишу приемника, он покрутил ручкой настройки. Из динамика полилась мелодия, которая в

«КамАЗе» Максима привела его в экстаз. С видимым наслаждением повторяя губами милые сердцу звуки, он уверенно вел машину по ночному шоссе.

«Фиат» мчал по направлению к Пшемыслию. Он уже пробежал километров десять. Не перед развилкой впереди неожиданно показались огоньки. Виктор перестал напевать и в следующий момент увидел, как кто-то замахал фонарем. Сбавив скорость, он напряженно всматривался в темноту, и наконец подъехал достаточно близко, чтобы разглядеть стоящий справа на обочине белый «БМВ».

* * *

Теперь Максим мог снова до отказа нажимать на «газ»: перед ним лежала прямая дорога на Пшемысль. Небо из фиолетового стало синим и продолжало светлеть. Он был в отличном настроении, несмотря на ужасную ночь. Впрочем, он почти о ней забыл. Словно пережил страшный сон, и только. Виктора он наверняка больше не увидит. Их пути основательно разошлись, его закончится в Кракове, а Виктор...

Неожиданно впереди, по правую сторону дороги выросло столпотворение. Груда машин, вылезшие из них люди (просто проезжие, остановившиеся поглазеть), пограничники, дорожная полиция — все они сгрудились на обочине. Полицейские старались отогнать любопытных и расчистить проезд.

На минимальной скорости его «КамАЗ» прополз мимо этого сбирища. Причина стала очевидной, как только он поравнялся с передним постом. На обочине перпендикулярно шоссе торчал остов легковой машины. Двери, должно быть, выломало взрывом. Салон опустел, если не считать покарещенного железа. Пламя растопило снег в радиусе нескольких метров, и бурая земля проглядывала сквозь зияющие отверстия.

Полицейский руками в белых обшлагах нетерпеливо замахал у него перед носом.

— Проезжай, проезжай! Быстрее!

Документы, второпях оставленные им в проеме между водительским и пассажирским креслами, во время движения постепенно сдвинулись к краю и грозили упасть. Теперь, когда затор остался позади, а впереди снова бежала ровная дорога, он открыл «бардачек», чтобы положить их на место. Но они оказались в таком беспорядке, что пришлось брать частями и, сортируя, складывать один лист на другой. Пока левая рука удерживала руль, правая выполняла эту кропотливую работу. Бросив короткий взгляд на дорогу, он на секунду снова возвращался к бумагам. Вдруг что-то в них привлекло его внимание. Взгляд просто прикипел к прыгающим буквам. Он оторвался от чтения, только почувствовав, что сейчас куда-нибудь наверняка врежется. И в самом деле, «КамАЗ» уже норовил въехать на встречную полосу.

Он свернул на обочину и остановился. Все. Теперь можно вернуться к просмотру, и это положит конец сомнениям.

Максим жадно впился глазами в заполненный бланк. По несколько раз они перебежали от строчки к строчке, от одной графы к другой, и по мере того, как сомнения и вправду рассеивались, он приходил в бешенство.

Ну конечно, на границе ему всучили чужую фактуру. То, что он держал в руках в настоящий момент, было товаро-транспортной накладной, выписанной на имя какого-то там Шемейко, который должен был доставить по назначению столько-то метров кабельных изделий. И как это они умудрились! Путаница могла быть только у них. У себя на базе он

проверил каждый лист. Тем более, что здесь отправителем была совершенно незнакомая ему фирма. Черт бы их побрал, этих таможенников! «Шутить не советую»!

Он вытащил на поверхность остальные документы, которые уже успел спрятать в «бардачек». Необходимо проверить все. Продолжая переворачивать страницы, он едва не застонал. Везде — одно и то же. Тот же самый Шемейко. Та же фирма. Ну нет! Это уже чересчур! Максим со злостью швырнул их себе под ноги, и вдруг растерялся. Что-то здесь не клеилось. Если документы подменили украинские таможенники, то как же, в таком случае, поляки не обратили внимание на разницу в номерных знаках? А если — поляки?...

Минуту! — сказал он себе. Что-то с этим номером не то. Он старался припомнить номер своей машины, только это ему плохо удавалось. И ничего удивительного, ведь он сел на нее впервые. Максим соскочил на асфальт и обошел кабину спереди, сам не понимая, почему он это делает. Но увидев номерной знак, он решил, что у него начались галлюцинации. Нет, не может этого быть! Он вернулся в кабину, еще раз лихорадочно перелистал страницы: невероятно, однако номера все же совпадали!

Бред какой-то! Не в состоянии переварить это своим умом, он снова и снова ошарашенно смотрел то в раскрытый альбом, то на передок машины. Но от этого номер не менялся.

Он был на грани помешательства. Одна спасительная мысль пришла ему в голову: его паспорт! Хоть он-то наверняка не чужой! Максим начал торопливо рыскать по карманам. Слава Богу! Он облегченно вздохнул: паспорт был на месте. Он раскрыл его на той странице, где была приклеена фотография — очередной вздох облегчения! Еще никогда с таким удовольствием не смотрел он на собственное лицо.

Вдруг паспорт задрожал у него в руках. Протерев глаза, Максим перечел еще раз, с трудом пытаясь вторить себе непослушным языком: «ШЕМЕЙКО ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ».

Черным по белому. На паспорте с его собственной фотографией.

Что это, в самом деле? Наваждение, галлюцинации?

Что ж. Нехорошо усмехнувшись, он извлек из-под сидения монтировку и, обойдя кузов с тыла, продел ее в ушко висячего замка. Несколько решительных ударов заставили замок отскочить. Максим распахнул настежь обе створки. При свете дня он увидел штабеля лежащих друг на друге кабельных бухт.

Нет, это было уже слишком! Он не застонал — взвыл. Волна возмущения захлестнула его. Он исступленно замолотил монтировкой сначала по днищу, а затем с размаха саданул по внутренней поверхности до отказа раскрытой дверцы. Отдача была такой значительной, что ему пришлось выпустить монтировку из рук. И тут ярость неожиданно схлынула, будто он выместил ее в последнем ударе.

Пошатываясь, Максим добрал до края оврага, присел на корточки и умылся снегом. По телу пробежала мелкая дрожь, и сразу куда-то исчезла. После этого ему стало легче. Он уже ничего не чувствовал, как если бы переступил порог чувствительности.

* * *

Стиснув зубы, Максим продолжал путь, через Радымно и Ярослав, дорогой на Краков. Ни одного вопроса не задал он себе с того момента, как снова сел за руль. Слева и справа мелькали уютные домики, покрытые шапкой снега, ветер сдувал с них снежную пыль, небо

закрывала серая пелена облаков, и только у самого горизонта протянулись огненные полосы. Но он этого не замечал. Все это откладывалось не более чем в его подсознании. Он аккуратно включал сигналы поворота, тормозил на пешеходных переходах, позволял обгонять себя легковушкам. И эти действия он тоже выполнял совершенно не задумываясь, почти автоматически, как робот. Какое-то из его мозговых полушарий, отвечающее за интеллектуальную деятельность, было словно отключено, он мог вести машину или устранить дорожную поломку, но вряд ли сумел бы объяснить, зачем он это делал.

Позади были Дембица и Жешув с развилкой Краков — Варшава. До Кракова оставалось не больше сотни километров. Однако перед Тарнувым его остановил патруль дорожной полиции.

Полицейский взял в руки путевой лист, и тут его брови недоуменно потянулись вверх.

— У вас указана пунктом следования Варшава. Почему же вы едете в Краков?

Максим не знал, что ответить. Готовый взвыть, он схватился за голову.

Полицейский, предположив, что он не знает языка, повторил вопрос при помощи жестов. Наконец он терпеливо спросил:

— Что такого с паном? Вам плохо?

Максим расправил плечи и откинулся на спинку кресла.

— Ничего. Уже все нормально.

— Вот ваши документы, — сказал полицейский, возвращая ему путевой лист. — Здесь — дорога на Краков. Краков, — громко повторил он, махнув рукой в западном направлении. — Вам нужно вернуться. Варшава — на север. Понял пан?

Максим молча кивнул в знак подтверждения, хлопнул дверцей — провожаемый глазами полицейского, развернулся и поехал в обратном направлении. Около Жешува он повернул на автостраду, ведущую к Варшаве. При этом снова делал только то, что ему было предписано, ничего более, в полной мере ощущая себя бильярдным шаром, который мчится туда, куда направит его кий игрока.

Но в какой-то момент что-то вдруг произошло с его обоими полушариями, как будто он только что вышел из-под гипноза и больше не желал слепо подчиняться чужой воле. Он резко нажал на педаль тормоза. Сзади идущий «Полонез», издав испуганный гудок, едва успел увернуться от двадцатитонного кузова «КамАЗа».

Максим даже не взглянул в его сторону. Спрыгнув на землю, он направился в дальний конец кузова. Открыл дверцу, легко вскочил на край контейнера и выбросил мешающие перегородки. Поднатужившись, потянул за нижнюю бухту. Штабель зашатался, и свернутый в бухты кабель посыпался с машины. Удовлетворенный первым результатом, он принялся энергично выбрасывать бухту за бухтой. В метре от дороги начинался глубокий овраг, поросший кустарниками. Черные, белые, желтые кольца скатывались вниз по крутому склону, падая, одни сползали, другие цеплялись за торчащие кусты и повисали на них. Возле машины образовалась насыпь. Он зарывался все дальше вглубь, но не останавливался и не чувствовал усталости. Он продолжал швырять кабель, упражняясь в попадании в открытый проем, а который, ударившись о стену, не долетал до края — беспощадно сталкивал ногами вниз.

Наконец все было кончено. Максим хладнокровно закрыл створки дверей, сел в кабину и завел мотор. Развернувшись, поехал обратно. Без груза машина шла легко. Кабель в бухтах грудой остался лежать на краю обрыва.

В третий раз Максим пересекал Жешув. Только теперь он возвращался домой. Пошли они все! Он не собирался участвовать в навязанной ему странной игре. Кто бы ее ни затеял и с какой целью, пора положить этому конец. Не будет он метаться по всей Польше на чужой машине и с чужим паспортом в кармане. Пусть на нем и красуется его фотография.

Ланьцут, Ярослав, Пшемысль промелькнули в обратном порядке. Нигде больше не задерживаясь, кроме как на светофорах, он на полной скорости летел к восточной границе, приближение которой отмечал по знакомым ориентирам. Пальцы до побеления сжимали руль. Глаза напряженно всматривались в линию горизонта. И хотя он пытался убедить себя в том, что уже ничто не остановит его на этом пути, но именно страх, в котором ему так не хотелось признаваться, сильнее чем что-либо толкал его вперед.

И все-таки что-то должно было произойти. Подсознательно или нет, но он это чувствовал.

До границы оставалось километров десять. За холмом он увидел бы Медыку. Но в эту минуту мотор неожиданно стал «чихать», один короткий взгляд, брошенный на приборную панель, объяснил буквально все: запас топлива был на нуле. Как это раньше он не обратил внимание! Ему бы следовало заправиться где-нибудь по дороге, но он был настолько увлечен гонкой, что больше ни о чем не думал. Непростительное ротозейство! Он с досадой посмотрел на верхушку холма, до нее было рукой подать, и тяжело вздохнул.

Вслед за тем наступила тишина. Невдалеке от шоссе величаво застыл зимний лес. С другой стороны — поля. Лес огибала дорога, ведущая в деревню.

Максим вышел на середину шоссе и стал голосовать. В течение десяти минут не останавливаясь проскочило мимо него несколько машин. Вдруг какая-то легковая, двигавшаяся в том же направлении, остановилась, не доезжая метров пятьдесят до «КамАЗа». Максим похолодел: это была не просто легковая, а белого цвета «БМВ». Конечно, это мог быть совершенно другой «БМВ», но что странно: после того, как тот остановился в таком малопривлекательном месте, из него никто не вышел.

У него по спине снова поползли мурашки. Что все это значило? Что там происходило за темными окнами «БМВ»? Отсутствие ответа само по себе внушало страх.

Охваченный этим паническим страхом, Максим со всех ног бросился бежать по направлению к деревне. Это было ближайшее место, где он мог чувствовать себя в относительной безопасности. А с другой стороны, как только они поедут следом, он тут же свернет в лес.

Впрочем, за ним никто не поехал. Они даже не пытались его настичь, хотя шансы были примерно одинаковы. Но это его не успокоило. Как видно, они были полностью уверены в себе, и в то же время Максим напрасно ломал голову, стараясь понять, что они там задумали.

Вконец запыхавшийся, хватаясь за деревянную ограду приусадебных участков, он вошел в деревню. Посреди широкой площадки находился бар, в котором кроме кофе, спиртных напитков и пепси-колы подавались также горячие сосиски. Его клиентами были как свои, так и заезжие автотуристы. В доказательство сбоку припарковалось несколько машин. Здесь должно бытьлюдно, решил Максим и свернул туда.

В самом деле, внутри оказалось человек восемь-десять. Для небольшого помещения

(четыре столика плюс стойка) это было не так уж и мало. Тут они не посмеют его тронуть. Разве что подкараулят под дверью. Вот этого-то и следовало опасаться.

Сориентировавшись, Максим направился к стойке. Бармен еще издали посмотрел на него вопросительно. Его глаза были не то осоловевшие, не то круглые от природы. Усы беспомощно провисали. Для полной ясности не хватало только услышать бессвязную речь. Максим уже приготовился к чему-то подобному. Но оказалось, что бармен прекрасно владел своим языком, и, более того, когда он заговорил, не осталось никаких сомнений, что это совершенно трезвый человек.

— Слушаю пана.

Максим порыскал глазами в поисках телефона. Аппарат действительно чернел за спиной у бармена.

— Вы позволите? — ткнул он в него пальцем. — Мне необходимо срочно позвонить в полицию.

Бармен слегка оторопел.

— Что пану угодно?

Ему помешал телефонный звонок. Он сказал: «Извините», — и поднял трубку. Затем обвел глазами крохотный зал.

— Пан Шемейко! — выкрикнул он. — Пана Шемейко просят к телефону!.. Есть тут пан Шемейко? — громко повторил бармен и уже приготовился ответить в трубку, что такого здесь нет, как вдруг Максим сообразил, что спрашивают, собственно, его.

— Это я, — хрипло произнес он и не узнал своего голоса, как если бы вместо него и впрямь ответил кто-то другой.

— Вы? — бармен посмотрел недоверчиво, но все же вручил ему трубку.

В ней раздался густой, приятный баритон.

— Пан Шемейко?

Максим сначала прочистил горло, чтобы ничего не заметили те, на другом конце.

— С кем я разговариваю?

— Сейчас это неважно. Лучше слушайте и не задавайте лишних вопросов, — нет, определенно, у его собеседника был прекрасно поставленный актерский голос. — Прежде чем вы сделаете очередной шаг, хочу вас предупредить о последствиях. Мне понятно ваше беспокойство. Но, уверяю вас, все, что вы по этому поводу можете подумать, не соответствует истине. Впрочем, всему свое время. А пока что просто постарайтесь не натворить глупостей. Попросите бармена включить телевизор и дождитесь очередного выпуска новостей. Обещаю, там будет кое-что для вас интересное. Это стоит посмотреть! А в полицию позвонить всегда успеете, — не дожидаясь ответа, на другом конце повесили трубку. Максим услышал короткие гудки.

Он так и застыл возле стойки, продолжая разглядывать безмолствующий аппарат, словно в ожидании еще одного звонка. Бармен, крикнув, вывел его из оцепенения.

— Будете что-нибудь заказывать?

— Да, пожалуйста... — Максим безразлично прошелся глазами по ряду наклеек. — Пепси! — а как только тот наполнил стакан, кивнул в сторону выключенного телевизора. — И, если можно...

С пепси-колой Максим примостился на вращающемся табурете у стойки, откуда изредка косился на экран, в то время как из головы не выходили загадочные намеки незнакомца. Кстати, откуда тот мог звонить? Из своего «БМВ»? А, может, из собственной

виллы — после того, как ему доложили из «БМВ»? Сидит себе в домашнем халате у растопленного камина и раздает указания, влюбленный в звук собственного голоса.

Задумавшись, он пропустил момент, когда закончился рекламный блок, уступив экран комментатору выпуска новостей. «О сегодняшнем происшествии на восточной границе — репортаж из Медыки...».

При упоминании о Медыке Максим опустил стакан с недопитой водой. Вероятно, это была именно та часть выпуска, о которой предупреждал «баритон».

«Сегодняшней ночью на польско-украинской границе была задержана грузовая машина, следовавшая со стороны наших соседей, в которой оказалось более двух килограммов спрятанного героина. Как стало известно из хорошо поинформированных источников, водитель заблаговременно успел скрыться, оставив таможенникам машину и наркотики. Спустя лишь полчаса после этого инцидента пограничная служба зафиксировала нелегальный переход границы. А еще через час на пшемысльской дороге был угнан автомобиль, а его водитель застрелен. Полиция считает, что все эти события имеют непосредственное отношение друг к другу, иначе говоря, преступник, бежавший через границу, добавил к попытке провезти наркотики убийство человека на польской территории. В настоящее время ведутся интенсивные поиски. Но независимо от их результатов вполне очевидно, что пришла пора пограничникам сделать наконец соответствующие выводы из многочисленных просчетов, допущенных в минувшем году, а правительство, в свою очередь, должно обратить внимание на крайне скудное выделение средств для охраны государственных границ...».

Дальнейшие разлагольствования комментатора по поводу того, сколь бедна граница, Максим пропустил мимо ушей. Да и в целом сообщение, вероятно, вызвало бы у него лишь недоуменную гримасу, если бы не нечто такое, что успела запечатлеть пленка оператора. Это был «КамАЗ». Его «КамАЗ». Крупным планом камера выхватила номер, и тут совершенно отчетливо он вспомнил, что это был его номер. Его машина — и наркотики. Наркотики — и убийство. Кто был за рулем?... Впрочем, ведь сказано: ведутся поиски. Наверное, они уже идут по следу. Хотя бы скорее нашли! Тогда все образуется... И вдруг он похолодел. Неожиданная догадка блеснула, как молния в ночь. Господи! Машина-то была его! Значит, и разыскиваемый преступник — он сам?!

Максиму показалось, что он летит куда-то в бездну, хотя на самом деле неподвижно сидел за стойкой бара, будучи, разве что, несколько бледнее обычного. Посетители, с вялым интересом выслушавшие сообщение, тут же забыли о нем за своими разговорами. Тем не менее он поневоле вздрагивал при каждом случайном взгляде, брошенном в его сторону.

Максим залпом осушил свой стакан. В это время бармен снова подошел к зазвонившему телефону.

— Слушаю... Минуту. Это еще раз пана, — сказал он, протягивая трубку.

Та задрожала у Максима в руке.

— Пан Шемейко? — переспросил тот же голос. — Полагаю, что теперь это имя звучит несколько приятнее, чем Максим Чернецкий?

Выходит, он не обманулся, подумалось Максиму. Они и в самом деле решили взвалить на него всю ответственность!

— Что вам от меня нужно?

— Мне? — переспросил насмешливо «баритон». — Ошибаетесь, это вы нуждаетесь во мне, а не я в вас. Сами видите, я вас до сих пор и пальцем не тронул. Наоборот, стараюсь

ПОМОЧЬ.

— Ценю вашу заботу.

— Я — ваша единственная надежда, — продолжал он, пропуская мимо ушей ироничное замечание Максима. — Советую это усвоить.

— Короче! — раздраженно подхлестнул его Максим. — Говорите, чего вы хотите.

— Кажется, мы достигли взаимопонимания. Уверяю вас, выполнить мое условие будет нетрудно. Да, собственно, от вас ничего и не потребуется, кроме как оставаться тем, кем вы сейчас есть, то есть Петром Николаевичем Шемейко, но и это, как вы успели убедиться, прежде всего в ваших собственных интересах. Всего лишь сделайте то, что сделал бы пан Шемейко в настоящий момент: отправляйтесь в Варшаву и остановитесь в отеле «Мариотти», где на ваше имя зарезервирован номер, и не беспокойтесь о расходах.

— И это все? — настороженно спросил Максим.

— Я же предупредил, что помогу вам выпутаться.

— Вы меня не так поняли. Я хочу знать, что от меня потребуется взамен.

— Взамен? Что вы, ничего. От вас ничего не потребуется. Вы решите сами, воспользоваться моим предложением или нет. Вы можете отказаться сейчас, но вы сможете это сделать и в дальнейшем, в любой момент. Выбор за вами остается всегда, это я вам гарантирую.

— Я что-то не совсем понимаю. Вы из благотворительной организации?

— Пожалуй, это интересная мысль, — подхватил «баритон». — Можете считать, что так... Впрочем, я заканчиваю наш разговор. У вас есть время подумать до принятия первого решения. Но учтите: заказ на номер действителен только до конца завтрашнего дня.

Разговор оборвали короткие гудки. Максим размышлял. Чертовщина какая-то! Странно, однако чем дальше, тем труднее было во всем разобраться. Незнакомец с приятным голосом внушал ему непреодолимое отвращение. Хотя в одном он, по крайней мере, был все-таки прав: у Максима не оставалось другого выхода. Этот мафиози заигрывал с ним будто кошка с мышью.

Бармен нерешительно протянул руку за телефонным аппаратом.

— Пан еще собирается куда-то звонить?

Максим с сожалением отстранился.

— Нет, благодарю вас. В этом уже нет необходимости.

* * *

Выйдя из бара, он уже смело пошел обратной дорогой к автостраде. «КамАЗ» сиротливо стоял у обочины. Зато «БМВ» и след простыл.

Вскоре ему удалось остановить какой-то «МАЗ», ехавший в сторону границы.

— Что стряслось, земляк? — спросил водитель по-русски, высунувшись из кабины.

Максим ответил, что у него кончилось топливо.

— Ну, тогда тащи ведро, — с готовностью сказал парень и, как только Максим подошел с ведром, сунул в рот конец шланга, а затем резко отпустил.

На дне ведра забурлила маслянистая жидкость. Отвернувшись, парень с отвращением выплюнул солярку, попавшую ему в рот.

Ему очень хотелось поддержать разговор, несмотря на то, что Максим отвечал слишком

неохотно. После обычных выяснений, кто, что и откуда он неожиданно спросил:

— Послушай, а ты контрабандой не занимаешься?

Максим при этих словах онемел. Хорошо еще, что тот неотрывно следил за струей и не видел его лица. Водитель расценил молчание по-своему.

— Выходит, тебе проще. А я вот, нагрузился, — не дождавшись ответа, признался он доверительно. — масло, кетчупы, мясные консервы. Всего понемножку. За рейс на этом можно заработать около сотни «баксов». Конечно, косметику и жевательную резинку возить куда выгоднее, но зато труднее продать, а вот продукты питания покупают оптом... Не знаешь, как там сейчас граница? Трясут здорово? А то я уже неделю, как оттуда. Стоял под погрузкой.

Максим догадался пожать плечами.

— Не знаю... Хотя, в общем, боюсь, что трясут.

— Ну да ладно, — слегка обеспокоенный, парень вздохнул и принялся сворачивать шланг. — Ты ведь тоже туда? — он кивнул на его машину, развернутую на восток.

— Я — в Варшаву, — сам не зная как, неожиданно ответил Максим, и только сейчас начал понимать, что для него этот вопрос уже давно решенный. Еще там, баре, еще до того, как «баритон» положил трубку. Ненадолго же его хватило! А впрочем, что он мог поделаться?

— А... Ну, тогда нам в разные стороны! — сказал тот и, прощаясь, добавил. — Везет же тебе! А я вот, дальше Жешува пока ни разу не был... Ну, приятель, держись! Мне пора.

Максим залез в кабину и, пропустив его вперед, в несколько приемов развернул неповоротливый «КамАЗ». На месте он рассчитывал быть завтра к полудню. Хотя ему становилось не по себе при всякой мысли о той нешуточной игре, в которую его втянули, не спросив согласия. Причем на неравных условиях, не оставив и шанса ухватиться за кий. Биллиардный шар, который загоняли в лунку. И этой лункой, по всему видать, была Варшава.

* * *

Отель «Мариотти», полуторасотметровая стеклянная башня, подпирала небо в самом центре Варшавы, напротив ушел под землю железнодорожный вокзал, и только чуть правее, как бы в неустанном соперничестве с произведением новой эпохи, еще тянулся вверх острый шпиль здания, некогда подаренного Иосифом Виссарионовичем завоеванному городу.

Очевидно, номер в таком отеле стоил недешево. Максим почувствовал себя немного скованно. Оттуда навстречу ему выходили респектабельные западноевропейцы.

Толкнув раскачивавшуюся стеклянную дверь, он увидел просторный вестибюль, отмеченный диковатыми причудами современного дизайна. Портье в черно-белой униформе остановил на нем вопросительный взгляд.

— Слушаю пана, — произнес он с профессиональной вежливостью.

— Я... Для меня у вас должен быть зарезервирован номер, — сказал Максим, однако портье не шелохнулся, и у него был вид человека, который вообще не понимает, о чем идет речь. Максим хлопнул себя по лбу. — О, прошу прощения, — и представился. — Петр Шемейко.

Портье сразу оживился, исчезла прежняя натянутость.

— Пан Шемейко?! — переспросил он и засуетился, заставив Максима подумать, что его новое имя, быть может, вещь не настолько обременительная, как ему показалось вначале. —

О да, для вас действительно приготовлен номер. Прошу сюда, — он подвел его к стойке, из-за которой выглядывала тщательно уложенная женская прическа и черный жакет, видимо, составлявший часть униформы. — Извините, обычная формальность.

Через верх стойки Максим протянул паспорт и проследил за тем, как на экране монитора появилось имя Петра Шемейко.

— Здислав! — в следующую минуту портье прищелкнул пальцами, подзывая служащего и вручая ему ключ. — Проводи пана в номер 4219. С видом на Варшаву, — прибавил он весьма келейно, обращаясь к гостю. — А вещи пана... — он посмотрел вокруг и растерянно замолчал.

— Благодарю вас, — успокоил его Максим, полагая, что не стоит показывать свой более чем скромный багаж. — Они в машине. Чуть позже я перенесу их сам.

— Ну зачем же себя утруждать?... А впрочем, как пану будет угодно. Здислав! — настойчиво повторил портье, указывая глазами на лифт. — Проводи пана!

Высокий молодой человек с такими ручищами, что на него можно было спокойно вешать любой багаж, вышагивал впереди, и половицы громко скрипели под его подошвами. Он нажал на кнопку вызова лифта, и, когда двери раскрылись, пропустил гостя вперед. Скоростной лифт мигом вынес их на сорок второй этаж, хотя с непривычки могло показаться, будто они вышли где-то на четвертом.

Служащий открыл двери номера. В нем оказались две жилые комнаты, спальная и гостиная, утопающие в зелени цветов, он раздвинул кружевные портьеры, и яркий свет неба сквозь стену — стекло от потолка до пола — ударил прямо в глаза. Портье сказал правду. Привыкнув к свету, Максим увидел как бы уменьшенный до макетных размеров город, раскинувшийся где-то внизу, и ему показалось, что пол вдруг заходил у него под ногами. Он быстро отвернулся от окна, и головокружение прошло. Здислав стоял у самого края, абсолютно равнодушный к зияющей пропасти, как если бы не имел ни малейшего понятия о том, что такое страх высоты, и, кажется, беспокоился только о своих чаевых. У Максима что-то еще бреньчало в кармане, и хотя он сам с удовольствием потратил бы на себя остатки денег, полученных от фирмы, вероятно, тому, кто остановился в роскошном номере отеля «Мариотти», не пристало выпроваживать обслугу слишком простонародным способом. Зажав в руке монету, Здислав отвесил привычный поклон и исчез за дверью.

Максим послонялся по комнатам, изучая обстановку, присел на мягкий пуфик, провалившийся под ним. Роскошные апартаменты. Что, все-таки, задумал этот ненормальный из «БМВ»?

Снова вопросы. Они кого хочешь загонят в угол. Лучше об этом вообще не думать. Тогда он решил, что неплохо бы компенсировать потерю на чаевых, подошел к телефону, заглянул в справочник и набрал номер ресторана. Ему ответил располагающий женский голос. Все они тут были располагающие.

— Я бы хотел заказать что-нибудь в номер.

— К вашим услугам. Что желаете?

Максим задумался.

— Возможно, что-нибудь из мясных блюд.

— Тогда цыпленок в соусе с грибами и жареным картофелем? Фирменное блюдо.

— Годится.

— Овощные закуски?

— На ваш вкус.

— Напитки?

— Предпочитаю безалкогольные, — он вдруг подумал, что ему следовало иметь холодную голову.

— Будьте любезны подождать. Вам скоро принесут.

«Будьте любезны»! — про себя передразнил ее Максим. Вокруг него происходило столько непонятного. И несмотря на его старания ни о чем не думать, эта неизвестность вызывала в нем растущую тревогу.

Он включил телевизор. Возможно, к этому времени уже появились свежие новости. Однако почти все эфирное время новостей было посвящено забастовке шахтеров. О происшествии на границе не упоминалось ни единым словом. Пройдясь по каналам, он остановился на какой-то телеигре, в которой нужно было по отдельным намекам угадывать названия предметов, и с ногами взобрался на диван, стараясь мысленно принять в ней участие. Это заставит его отвлечься.

В дверь постучали. Он тотчас слетел с дивана, считая, что обслуга не должна видеть его в такой нескромной позе. Должно быть, это из ресторана. Но на пороге снова вырос Здислав, в руке у него был какой-то конверт.

— Прошу прощения, — сказал он, — вам забыли вручить. Это телеграмма пану. Она пришла еще утром, до вашего приезда. Прошу извинить, — еще раз сказал он, положил телеграмму на стол, затем вернулся к двери, поклонился и вышел.

Максим осторожно взял конверт со стола. На нем был указан адресат — то есть его новая фамилия и название отеля. Ему стало страшно. Усилием воли он заставил себя вскрыть конверт, так, словно внутри мог находиться его приговор. Но ничего подобного там не оказалось. Это даже близко не напоминало то, что он ожидал увидеть.

«Дорогой племянник, буду искренне рад твоему приезду. С нетерпением жду момента, когда смогу тебя обнять. Любящий тебя дядя».

Он посмотрел на обратный адрес. Господи, Коломбо! Это же край света! Он ошарашенно вертел в руках телеграмму. Даже не сразу обратил внимание, что текст был на русском языке, хотя и набран латинским шрифтом. Он просто прочел его и осознал смысл. Час от часу не легче! Кто еще такой этот любящий дядюшка? Во что его втянули?

Снова раздался стук в дверь, на этот раз в его номер вкатили столик, заставленный блюдами из ресторана.

Он вяло пережевывал пищу и при этом искоса поглядывал на белый конверт, лежавший сбоку. Эта злосчастная телеграмма, к тому же, портила ему аппетит. У него было такое ощущение, словно он поедал чужой обед. Например, настоящего Шемейко. Подумав о нем, он с ненавистью швырнул на стол вилку и нож. Нет, он не может в безмятежном спокойствии сидеть и обедать в этом номере! И ждать, что с минуты на минуту явится настоящий хозяин.

Он вскочил и выбежал в коридор, дорогой прихватив свою куртку. Скорее вниз! Ему казалось, он начинает задыхаться в этом отеле. Лифт задерживался. Цифры на табло указывали, на каком этаже в данный момент застрял лифт, и теперь при одолевавшем его нетерпении он уже двигался слишком медленно. Кажется, Максиму никогда его не дожидаться. Он махнул на лифт рукой и бросился к ступенькам. Лишь бы не ждать.

Ступенек сорока двух этажей вполне хватило ему для того, чтобы остыть. Но он все равно вышел на улицу: подышать свежим воздухом и, быть может, окончательно придти в себя.

Прогулка и в самом деле пошла ему на пользу. Толпы спешащих людей ничуть его не стесняли. Он неторопливо проходил мимо закусочных, игнорируя рекламу. Поток пешеходов переносил его на противоположные стороны улиц, позволяя на некоторое время забыть о светофорах. Только одна витрина все же завладела его вниманием, заставив войти вовнутрь магазина: того, в котором продавались телевизоры. Они разместились на стеллажах, заполнив все стены.

Некоторые из них были включены. По одной из программ шел выпуск новостей. Мелькнули знакомые кадры, и он сразу сообразил, что это продолжение утренней передачи. Озвучанию, правда, мешали другие программы. Рядом покупаемый телевизор включили едва не на полную громкость, слова глушила эстрадная музыка. То, что ему удалось разобрать, было лишь обрывками фраз, позволяющими догадываться о содержании в целом. Тем не менее он отчетливо расслышал собственное имя. «...Им оказался двадцатилетний Максим Чернецкий из Винницы, по заявлению украинской милиции, ранее никогда не значившийся в ее архивах. Дальнейшее расследование, очевидно, заходит в тупик, поскольку предполагается, что он погиб в автокатастрофе спустя час после... Такое стечение обстоятельств вызывает вполне обоснованное подозрение, что и тут не обошлось без вмешательства мафии, заматающей следы. Можно ли на этом считать дело закрытым?».

Максим подавленно отвернулся от телевизора и подумал, что самое время вернуться в отель.

В шесть часов вечера в его номере негромко зазвонил телефон. Хотя он и был готов к этому звонку, а все же у него засосало под ложечкой, когда он снимал трубку.

— На вашем месте я бы соблюдал осторожность, пан Шемейко.

— Что вы имеете ввиду? — спросил он дрогнувшим голосом, внезапно заподозрив, что за ним, вероятно, следили с того момента, как он покинул отель.

— Постарайтесь никуда не выходить из номера. В данный момент это может быть опасным.

Впрочем, возможно, наблюдения не было, они только пытались ему звонить.

— Вы, очевидно, знаете, где я был, — наугад бросил Максим.

«Баритон» наживку проигнорировал.

— Возможно. И все-таки настойчиво советую не покидать номер. Вы мне скоро понадобится.

Он для него вещь, которая должна все время находиться под рукой!

Максим чуть не забыл спросить о телеграмме.

— Послушайте! Что это еще за дядюшка с Цейлона, разыскивающий своего любимого племянника? Скоро он узнает, что в отеле под этим именем кто-то живет, и решит, что здесь его племянник. А если, чего доброго, он захочет связаться с ним по телефону? Что, в таком случае, я ему скажу?

— Пусть это вас не волнует. Тот, о ком идет речь, не пользуется телефоном уже много лет. И вообще, нет никаких причин для беспокойства. Если вы будете в точности следовать моим указаниям, с вами ничего не случится.

— Кто этот человек? — не унимался Максим. — Что за игру вы ведете?

— Вы задаете много вопросов, — недовольно заметил тот.

— Я имею право!

— Ваши права зачитает вам полиция, если хотите, — напомнил «баритон». Максим прикусил язык. — Ну вот что. Или вы слушаетесь меня, или выпутывайтесь сами, но тогда я не поставлю на вас и ломаного гроша. Вы меня поняли?

— Можно не повторять, — угрюмо ответил Максим.

— Вот и договорились. В таком случае, ложитесь лучше спать. Завтра я вам позвоню.

Звонок прозвучал на следующий день в такое же время.

— Пан Шемейко? Вы не забыли о нашем соглашении?... Тогда ровно в девятнадцать тридцать вы выйдете из отеля. Я пошлю за вами автомобиль.

Максим вышел, как и было велено, ровно в половине восьмого. В это время на улице уже стемнело. Фонари тускло освещали широкую лестницу, спускавшуюся на площадь. Однако машину, которую прислал за ним «баритон», он узнал бы с закрытыми глазами. Она стояла внизу, напротив входа. Когда до нее оставалось несколько шагов, заднюю дверцу толкнули изнутри. Он пригнулся, и его поглотила темнота, скрыв от посторонних глаз за черными трапециями окон.

Автомобиль резко рванул с места. Присмотревшись, он понял, что в машине, кроме него и водителя, никого нет. Лицо водителя только изредка и только на короткий миг появлялось в зеркале, освещенное фарами встречного движения. Кажется, ему было лет под сорок, и нос у него был мясистый, а, возможно, он был молод, и это лишь темные впадины вокруг носа,

резко очерченные прямым светом, придавали ему такой вид. Его голоса он и вовсе не слышал, Максиму не удалось вырвать из него ни единого слова, он даже спрашивал себя, не был ли этот водитель глухонемым.

С километр они ехали по прямому шоссе, затем свернули в сторону и начали петлять улочками, как бы стараясь затеряться между домами. Здесь они завернули в какой-то двор, въехали под свод арочного проезда и остановились. В тот же миг слева и справа от стен отделились едва различимые фигуры, обе задние дверцы одновременно открылись, и с обеих сторон на Максима грубо навалились дохнувшие никотином две здоровенные детины. От них разило, будто из урны с окурками.

— Эй, потише! — закричал Максим, испугавшись, как бы они его в темноте невзначай не раздавили.

Он, правда, не видел, с кем имеет дело, но, в отличие от водителя, эти хотя бы умели разговаривать.

— Ну-ка, ты, двигайся, — не слишком вежливо потребовал тот, который был справа.

«БМВ» просел, наверное, на весь запас пружин.

— Эй, в чем дело? — возмутился снова Максим, почувствовав на запястьях холодный металл наручников.

— Потерпишь, ничего с тобой не случится.

Те же руки попытались надеть ему на глаза повязку, но на этот раз он увернулся.

— А это еще зачем? Нет, так мы не договаривались! Знаете что, звоните вашему боссу. Скажите ему, что я никуда не еду.

Наверно, если бы сейчас зажегся свет, Максим увидел бы снисходительное выражение на их лицах.

— Вообще-то нам проще тебя оглушить, — прозвучал спокойный голос слева. — Но пока что мы этого не делаем.

Максим не поверил своим ушам: ему при этом еще и оказывали услугу!

— Вы очень любезны, — проворчал он, уступая их вполне убедительным доводам и позволяя завязать себе глаза.

Машина дала задний ход. Они снова вырулили на шоссе. Максим слышал, как один из громил сообщил по мобильному телефону, без сомнения — своему хозяину:

— Все в порядке. Мы едем.

Хотя его глаза и закрывала повязка, но как-никак, а все же он был профессиональным водителем. Он точно знал, когда машина движется в потоке, а когда несется одна по свободной трассе. По тому, как все реже они останавливались на светофорах, он определил, что они выехали на окраину города, а отсутствие крутых поворотов и высокая скорость подсказали, что они мчатся по загородному шоссе. Поворот на девяносто градусов и начавшееся затем петляние могли означать только то, что поездка подходит к концу.

Сначала его отбросило влево, затем вправо. Автомобиль остановился, а через несколько секунд затих и мотор. Открывшиеся дверцы впустили морозный воздух.

— Ну-ка, вставай, — тронул Максима за плечо сосед справа. — Приехали.

Стараясь не удариться головой о верх дверного проема, Максим выбрался из машины. Снег хрустел у него под ногами. Поддерживаемый с обеих сторон, он взошел по ступенькам на какое-то крыльцо, переступил порог навстречу теплу, и только внутри с него сняли повязку.

Ему не пришлось зажмуриться от яркого света. Света почти не было. Стоял полумрак, который рассеивали только тлеющие головешки в растопленном камине. Их красноватый отблеск терялся в углах просторной комнаты, внушая гостю ощущение, будто в тени кто-то прячется. Два пустых кресла стояли развернутые к камину. Покой, тишина, греющий камин. Именно такую обстановку он себе и представлял. Не хватало лишь в одном из кресел больного старика, прикрывающего пледом ревматические ноги.

Настоящий старик, вопреки всему, вошел в дверь достаточно уверенным шагом. Его возраст выдавали морщины, сеткой избороздившие лицо, вероятно, ему и в самом деле было между шестидестью и семидестью, однако по его молодецкому виду, исполненному оптимизма, можно было подумать, будто он собирается жить вечно.

— Не выношу яркий свет, — это было первое, что он произнес, очевидно, считая своим долгом предупредить гостя на сей счет. Максим невольно вздрогнул, узнав этот голос. — Надеюсь, это не помешает нашей беседе. Прошу вас, — «баритон» указал на одно из кресел, сам же занял другое.

Максим охотно вытянулся у камина. Хозяин подкинул в огонь пару новых поленьев. Искры сыпанули во все стороны.

— Ваши люди увязались за мной еще в Виннице, — начал было Максим, стараясь первым ухватить инициативу. — Вы заранее подготовили паспорт, машину и все такое. Не принимайте меня за идиота! Ведь это вы приказали избить моего напарника, чтобы я отправился в рейс один, не так ли? Мой напарник был для вас лишним. Думаю, пора наконец объяснить.

«Баритон» выслушал его реплику с нескрываемым интересом.

— А вам не откажешь в наблюдательности! Это радует. Выходит, я в вас все-таки не ошибся.

— Значит, вы признаете, что спланировали мое похищение задолго до нашей встречи? Тогда вам остается только назвать причину. Так что же вам от меня нужно?

— Правда, вы очень нетерпеливы. Но и это не такой уж серьезный недостаток.

Он прищелкнул пальцами. Максим только сейчас обратил внимание, что один из громил, притаивших его сюда, попрежнему торчал в глубине комнаты. На знак хозяина он наполнил два бокала чем-то похожим на бренди и обошел сидящих с круглым подносом, терпеливо дожидаясь, пока каждый не возьмет по бокалу в руки. Бренди в бокалах, как ни странно, оказалось ровно наполовину, этот наемный убийца был прирожденным гарсоном.

— Так вот. Один мой давний приятель и партнер по бизнесу, выходец из ваших краев, как-то попросил меня помочь ему в поисках брата, с которым его разлучила война. Почти полвека прошло с тех пор, как они расстались. Скитаясь по свету, он не имел о нем никаких вестей. Кажется, прежде это его не очень беспокоило. Но вы же знаете, как старики подвержены ностальгии. Они готовы на что угодно, лишь бы навести хоть какой-то мостик в прошлое. Некоторые прямо-таки маячат этим... И что ж? Увы, поиски привели к могиле его брата... Но зато утешением старику было узнать о существовании племянника, брат успел жениться и оставить после себя сына. Приятель потребовал от меня доставить его к нему. Извольте! Я все устроил, дядюшка вот-вот должен был обнять своего племянника... Как вдруг случилось непредвиденное: автокатастрофа. Да, это ужасно! Племянник погиб, так и

не встретившись с дядюшкой.

— Вашему приятелю пришлось нелегко, — заметил Максим, хотя от его слов за версту несло откровенной подделкой. — Должно быть, он сейчас сильно переживает.

«Баритон» поспешил возразить.

— В том-то и дело! Он ничего не знает. Старик очень плох. Я бы ни за что не решился сообщить ему о случившемся, это означало бы попросту свести его в могилу.

— Скажите лучше, вы боитесь, что он вам не поверит, не так ли?

— Что вы хотите этим сказать? — «баритон» удивленно приподнял брови.

— Только то, что автокатастрофы происходят не каждый день. Ваш приятель может не поверить в простое совпадение. Ведь вы это имели в виду?

— Мне нравится ваш ход мыслей, — откровенно признался он. — И вы мне все более симпатичны.

— Зато меня кое-что настораживает, особенно, когда я думаю над тем, почему я здесь и с кем имею дело.

— Да? И что же именно?

— Скажите, вы и в самом деле непричастны к смерти его племянника?

— Ну что вы. Я, конечно, не святой, но было бы слишком несправедливо повесить на меня еще одно убийство.

— Значит, его все-таки убили?

— Я этого не говорил.

— Но вы сами только что произнесли это слово.

— Как я уже заметил, вы умны не по годам, но вместе с тем жутко настырны. Смею предупредить, что излишнее любопытство не доведет вас до добра.

— Это я-то настырный? Да это же вы от меня все время чего-то добиваетесь. Кто всучил мне документы на имя Петра Шемейко, кто заставил меня приехать в Варшаву и поселиться в отеле под его именем? Так что, быть может, вы перестанете играть со мной в прятки и объясните, в конце концов, какое отношение ваша мелодрама имеет ко мне?

«Баритон» зачарованно посмотрел сквозь золотистый бокал на пламя, разбушевавшееся за чугунной решеткой, и пожал плечами.

— Очевидно, вы уже догадались, но хотите услышать это от меня? Что ж. Я не могу сообщить правду моему приятелю, но я также не могу отказать ему в его просьбе. Надеюсь, вы меня понимаете. Тем более, что я успел его предупредить о том, что Петр уже в дороге. Так что... вам придется поехать к нему в качестве его племянника.

Максим и вправду был готов услышать нечто подобное, и все же едва не расплескал бренди на пол, когда «баритон» произнес это вслух.

— Что?! Да вы в своем уме?

Собеседник неодобрительно качнул головой.

— Вижу, вы не настроены отнестись к моему предложению серьезно?

В его голосе прозвучала на этот раз скрытая угроза. Максим взял себя в руки: с этим человеком следовало быть поосторожнее.

— Ну, допустим, я соглашусь. Допустим, — подчеркнул он. — А если ваш приятель заподозрит обман?

«Баритон» развел руками.

— Уж вы постарайтесь, чтобы этого не случилось. Успех целиком зависит от вас. Кстати. Вашу задачу максимально облегчит то обстоятельство, что до сих пор у него не было

возможности познакомиться со своим племянником — ни в лицо, ни по переписке. Пожалуй, он не знает о нем ничего, кроме имени и того, что он сын своего отца. Вот вам и карты в руки.

— И все же, если я проколуюсь — такое ведь не исключено, верно?

«Баритон» мрачно вздохнул.

— Что ж, тогда он вас убьет.

Запала мертвая тишина. Максим затаил дыхание, он лихорадочно соображал, сознательное ли это преувеличение с его стороны, или же все действительно настолько серьезно. Хотя «баритон», кажется, не собирался шутить.

— Ничего не поделаешь, придется поработать на совесть. От этого, как-никак, будет зависеть ваша жизнь. Кроме того, как я уже сказал, мы с вашим дядюшкой добрые старые приятели, когда-то у нас был общий бизнес, а сейчас он щедро платит за оказанные ему услуги, поэтому я предпочитаю не портить с ним отношения. Так что учтите: если вы сядете в лужу, тогда и на мою благодарность не рассчитывайте.

— Понимаю, — кивнул Максим.

— А с другой стороны, он довольно богат, ваш дядюшка, и вы сможете неплохо устроиться, — неожиданно прибавил «баритон».

— Вы так говорите, как будто он и в самом деле мой дядюшка.

— Думаю, что к этому вы скоро привыкнете.

— Почему вы так уверены, что я туда поеду?

«Баритон» секунду выждал, что-то обдумывая, затем снова щелкнул пальцами, привлекая внимание телохранителя и указывая глазами на телевизор. Верзила подошел и вставил кассету в видеомагнитофон. Экран засветился, появившаяся на нем «картинка» ожила.

Глядя на нее, Максим ничего не понимал. Припорошенные инеем, застывшие деревья, кладбище, похоронная процессия, впереди несут скромный гроб из наспех сколоченных досок, за ним следуют родственники с поникшими лицами...

В этот момент он резко подался вперед, и словно прикипел к экрану. Внутри у него что-то оборвалось.

— Что все это значит? — спросил он внезапно охрипшим голосом.

Сам «баритон», отвернувшись, шевелил кочергой в жаровне.

— А вы не догадываетесь? — безучастно поинтересовался он. — Ваши похороны.

— Мои похороны?!

— Впечатляющее зрелище, не так ли? Даже Яцек прослезился. Верно, Яцек? — обратился он к своему громиле за подтверждением.

Тот оскалил зубы. «Баритон» разочарованно вздохнул.

— Моим каннибалам незнакомо чувство сострадания.

Максим залпом допил свое бренди. Затем вытер пот со лба.

— Плохо себя чувствуете?

— Я же умер, как вы только что изволили выразиться.

— Все это очень занимательно, — продолжал «баритон», не обращая внимания на последние слова. — Сначала на границе задерживают вашу машину, напичканную наркотиками. Вы, естественно, успеваете вовремя скрыться. Тут же тайком переходите границу, захватываете чей-то там «Фиат», убиваете водителя и после этого исчезаете, — выдержав небольшую паузу, он с явным наслаждением потянул из бокала. — Впрочем, вы

так торопились сбежать, что бросили в кабине «КамАЗа» проездные документы и паспорт, выписанные на имя Максима Чернецкого. Отпечатки ваших пальцев остались на пакетах с героином и на пистолете, из которого был убит водитель «Фиата». Пистолет тоже вскоре нашли, всего в двух метрах от сгоревшей машины, наверное, отбросило взрывом. Да, да, как видите, вам все же повезло, потому что угнанный вами «Фиат» обнаружили в кювете между Медыкой и Пшемыслом, а заодно и ваш обгоревший до неузнаваемости труп. Ваша смерть не вызовет кривотолков, поскольку, как заявила полиция, она считает ее делом рук самой мафии. Вполне справедливое замечание. Ну что ж, как говорят святые отцы: amen! — да будет так!

— Вижу, вы хорошо все продумали, — согласился Максим, с грустью заглядывая на дно опустевшего бокала. — Но, быть может, у меня еще остался какой-нибудь шанс? Например, вы забыли, что Виктора видели со мной в кемпинге. Или вы думаете, что полиция им не заинтересуется как возможным соучастником? Они найдут, о чем его спросить.

— Виктор?... — задумчиво произнес «баритон». — Нет, я ничего не забыл. Но прежде его необходимо найти.

Максим, однако же, ухватился за эту идею.

— А разве это так уж невозможно?

— Весь вопрос в том, где он сейчас, — и «баритон» как-то странно посмотрел на экран телевизора.

Максим проследил за его взглядом. В эту минуту могильщики медленно опускали гроб на дно вырытой ямы.

— О, нет! Нет! — вырвалось у него дважды вместе со стоном. — Только не это!

— Отчего же? — «баритон» невозмутимо пожал плечами. — Вы с ним одного роста, одного телосложения. Это же так замечательно.

— Признаюсь, он не вызывал у меня симпатий, но все же... Вы страшный человек.

— А по-моему, это был весьма удачный ход.

— Вы убили двоих человек и пожертвовали партией героина на кругленькую сумму, что для вас, очевидно, еще важнее. И все — ради того, чтобы заставить меня принять ваши условия?

— Это должно убедить вас в том, что я ни перед чем не остановлюсь, чтобы довести дело до конца.

— Вы и в самом деле страшный человек, — повторил Максим.

Вместо ответа «баритон» ткнул пальцем в толпу на экране.

— Видите вон того, в черной куртке с капюшоном? Этот из вашей милиции. Он из шкуры лезет, надеясь что-нибудь выведать про ваши связи с преступным миром. Его так и тянет на мертвечину, — добавил он с неожиданным презрением. — Это шакал. Нюх у этого зверя лучше, чем у собаки. Ко всему, он просто обожает слабых и незащищенных, — он снова повернулся лицом к собеседнику, — таких, как вы. Это по-настоящему трусливое животное, сильного оно не тронет, зато на того, кто споткнулся, набросится и растерзает.

Максим старался не смотреть на экран.

— Ну так как? — бесстрастно продолжал «баритон». — У вас еще есть возможность сделать выбор. Я обещал вам предоставить в этом полную свободу, и, как видите, держу свое обещание. Вы спокойно можете ехать к своему дядюшке на Цейлон, не опасаясь, что «Интерпол» ринется по вашему следу. Со смертью Максима Чернецкого дело практически закрыто. Или вы остаетесь Максимом Чернецким, и вам предъявляют обвинение в убийстве

и провозе наркотиков.

— А если я только сделаю вид, что принимаю ваши условия? Вы не боитесь, скажем, что я сбегу по дороге на Цейлон? Вы же сами обеспечили мне надежное прикрытие.

— Верно. Я обеспечил вам прикрытие, — «баритон» попрежнему оставался невозмутим. — При условии, что в назначенный срок дядюшка увидит своего племянника. Согласитесь, это было бы справедливо. Полиция получает убийцу, а дядюшка — вас. Теперь скажите, что он, по-вашему, сделает, узнав о вашем исчезновении? Заявит об этом в полицию, не правда ли? А что решит полиция? Поставьте-ка себя на ее место. Сейчас у нее только один труп — и один кандидат в покойники: Максим Чернецкий. Вы следите за моей мыслью? Потому что после дядюшкиного заявления у нее появляется второй претендент на это место — Петр Шемейко, пересекший границу одновременно с Чернецким, но так и не доехавший до пункта назначения. Таким образом, Максим Чернецкий снова попадает в розыск, только на этот раз, вероятнее всего, под именем Петра Шемейко, которого он сам убил, чтобы занять его место и направить полицию по ложному следу. Вы со мной согласны?

Максим нервно заерзал в кресле.

— Вы правы, — сказал он, боясь и ненавидя «баритона» с каждой минутой все больше. — Не стоит продолжать, я вижу, вы все учли. Мне нужно подумать.

— О, пожалуйста, — охотно согласился «баритон». — В вашем распоряжении целые сутки.

— Как я с вами свяжусь?

— В этом не будет нужды, — ответил он с уверенностью, говорившей за то, что он полностью владел ситуацией. — Всего лишь попросите портье заказать вам билет на самолет. Он вылетает завтра в десять вечера. Я предупрежу дядюшку о вашем прибытии.

Он встал, видимо, считая разговор законченным. Максим сделал то же самое. Громила шагнул в его сторону.

— Если позволите, еще один вопрос.

«Баритон» остановился и посмотрел на него выжидательно.

— Почему — именно я?

— Поверьте, очень скоро вы это узнаете и без моей помощи, — недаром у Максима сохранилось ощущение, будто он чего-то не договаривает. Затем он добавил, распрямляя плечи и пряча руки за спину. — Мои люди отвезут вас обратно. Надеюсь, вы не в обиде за причиненные вам неудобства? Мера предосторожности.

Он стремительно вышел в ту же дверь, через которую вошел. Максим на этот раз безропотно позволил завязать себе глаза. Его вывели на улицу и снова втолкнули в машину. Загудел мотор, и спустя полчаса с него сняли повязку перед входом в отель.

— О, пан Шемейко! — портье келейно улыбнулся. — Будут ли какие-то пожелания?

— Пожелания? — скосив на него подозрительный взгляд, Максим уже сжимал в руке ключ от номера. — Ну разумеется. Позаботьтесь о том, чтобы меня не беспокоили.

Еще несколько секунд портье продолжал стоять с разинутым ртом. Потом дурацкая улыбка сбежала с его лица, уступив место презрительному выражению, с которым он проводил молодого человека. Но по крайней мере до завтра Максим мог себе такое позволить.

Все же утром, едва раздвинув шторы, он снова отпрянул от прозрачной стены, внезапно обнажившей перед ним глубокую пропасть. Небо полностью затянули облака, а в серой

дымке у его ног лежала Варшава.

Несмотря ни на что, он проспал как убитый, никаких кошмаров, никакого ворочания с боку на бок. Память вернула его к реальности, столь же очевидной и настолько же внушающей страх, как и этот город, распростершийся внизу. Ночь не могла ничего изменить. Напротив, с еще большей ясностью он сознавал свою беспомощность. Любая надежда, любая попытка найти другой выход было не что иное, как самообман.

Он подошел к телефону и, поколебавшись еще самую малость, снял трубку. Меньше всего ему хотелось, чтобы на другом конце ответил вчерашний портье. У него из головы не выходила его приторно-нагловатая улыбка. Впрочем, голос оказался незнакомый.

— Мне нужен авиабилет на самолет, вылетающий ближайшим рейсом в Коломбо, — решительно сказал он.

Солнечные блики неутомимо играли на ободке иллюминатора. Ровно, со свистом, гудели турбины реактивного двигателя. Под крылом расстилалась подернутая легкой рябью бескрайняя голубизна океана. Ее прорезали одинокие суда, как бы застывшие вместе с коротким шлейфом тянущейся за ними белой пены. Впрочем, бесконечность существовала только в воображении. Это был не более чем Манарский залив, разделяющий южный выступ Индийского полуострова и остров Цейлон. Берег появился внезапно, быстро став надвигаться широким фронтом. Сверху казалось, будто его покрывал сплошной зеленый ковер. Самолет дал крен на правое крыло. В иллюминаторах мелькнул крутой излом коломбийского порта с выступающими пирсами и баржами на рейде. Ровный голос стюардессы прозвучал из динамика, на нескольких языках призвав пассажиров занять места и пристегнуть ремни.

Около одиннадцати часов дня по местному времени, когда солнце уже почти достигло зенита, авиалайнер компании «ЛОТ», прибывший рейсом из Варшавы, совершил посадку в аэропорту Катунаяке, расположенном к северу от Коломбо. Ступив на шаткий трап, Максим зажмурился от яркого цейлонского неба, залитой солнечным светом посадочной площадки и блестящей поверхности крыла, отражавшей солнечные лучи. За его плечом висела спортивная сумка, куда он успел спрятать верхнюю одежду. Вдохнув горячий воздух, он подумал, что жарче могло быть разве что в сердце самого ада, похоже на то, что и в тени здесь доходило до тридцати градусов. Ноздри защекотал аромат орхидей, особенно ощутимый в первый момент, когда еще только спускаешься по трапу самолета. Это был до противоположности иной мир. Кажется невероятным, что где-то свирепствует зима и люди замерзают от холода.

— Мистер Шемейко? — внезапно услышал он где-то совсем рядом, но, оглянувшись, так и не понял, кто это спросил.

— Вы — мистер Шемейко? — вежливо повторил невысокий, как они все, человек с типичным лицом индокитайца. Сразу трудно было поверить, чтобы какой-то вьетнамец или таиландец, одетый, к тому же, как сингальский рикша, разговаривал на безупречном английском, без восточного акцента, и это в первый момент сбilo Максима с толку. — Я сразу вас узнал. Меня зовут Чан. Так все меня зовут. Ваш дядюшка поручил мне встретить вас.

— Как же вы меня узнали? — еще больше удивился Максим.

— О, это совсем не трудно. Вас нельзя было не узнать. Вы так похожи на своего дядюшку... разумеется, когда он был еще молодым, — Чан легко подхватил сумку, которую Максим на секунду выпустил было из рук. — Прошу вас, следуйте за мной.

На вид ему было лет пятьдесят, а сколько на самом деле — кто знает? Возраст этих выходцев из джунглей с трудом поддается определению. Хотя сумка, весившая семь-восемь килограммов, для него была как перышко. Максим привык считать, что это хилый, тщедушный народ, но, обратив внимание на его крепкие, жилистые руки, понял, насколько был неправ.

Миновав длинный ряд машин, тесно сбившихся на паркинге, они остановились у джипа с открытым верхом, выкрашенного в скромный тускло-песочный цвет, такой окраски не бывало уже лет двадцать. Чан услужливо открыл заднюю дверцу со словами: «пожалуйста»

сюда, сэр». И когда Максим взобрался на сидение, захлопнул ее за ним, а сам сел за руль. Задним ходом они стали выбираться на автостраду. Скоро встречный поток ветра остудил машину, накалившуюся под тропическим солнцем. Чан покрутил ручкой настройки приемника. Соревнуясь с шумом мотора и свистом ветра, из него полилась музыка: старая, но попрежнему очаровательная мелодия боссановы.

Когда это было? В сороковых? Пятидесятых? Тесные окраинные улочки с их прижавшимися друг к другу невысокими домами, нависающими балконами, неровной каменной мостовой, полуголыми ребятишками, врассыпную убегающими из-под самых колес, пришлось как нельзя кстати.

Проехав окраинами города, они выбрались на магистральное шоссе и понеслись дальше на юг. Вдоль дороги цепью потянулись спрятавшиеся в тени раскидистых пальм коттеджи, небольшие ресторанчики, торговые лавки.

Солнце висело прямо над головой. Не сбавляя скорости, Чан поискал рукой под сидением и, тщательно отряхнув от пыли, протянул Максиму соломенную шляпу с болтающимися обрывками шнурков.

— Прошу вас, наденьте, сэр, — увидев на его лице кислое выражение, он добавил. — Я обещал вашему дядюшке позаботиться о вас. Если же вы этого не сделаете, вас, чего доброго, хватит солнечный удар, и тогда мне останется только уйти в богадельню, так как он мне этого не простит.

Движение по шоссе заблокировала медленно едущая колонна, и они были вынуждены ползти со скоростью шестьдесят километров в час. Дорога пошла вверх, это стало чувствоваться по натужному реву мотора. То слева, то справа мелькали густые каучуковые плантации, заросли бананов, ряды кокосовых пальм. На склонах холмов, опоясанных искусственными террасами, нежно зеленели рисовые поля. Над местностью начали вырастать горные вершины, напоминающие вздыбившихся великанов. Их подножия заботливо укутывала зелень лесов, так, словно они стеснялись наготы.

Изворачиваясь и вихляя, дорога упрямо поднималась в горы. На крутом повороте выросла маленькая буддистская часовенка, стены которой были увешаны пестрыми ленточками и лоскутками материи. Ехавший впереди автофургон резко остановился, с опозданием включив предупредительные огни. Завизжав тормозами, джип едва не влетел в его кузов. Максим по инерции съехал на край своего сидения.

Темнокожий водитель автофургона молитвенно сложил руки и беззвучно зашевелил губами. Потом из кабины выскочила смуглая девочка и, подбежав к часовенке, нацепила на стену обрывок алого ситца.

— Что они делают? — удивился Максим, не имевший возможности увидеть водителя, зато прекрасно видевший девочку.

— Просят духов гор, чтобы те пропустили их вперед.

— Мы тоже будем просить?

Чан позволил себе пропустить эту реплику мимо ушей.

Пользуясь вынужденной остановкой, Максим попробовал разузнать у него хоть что-нибудь о своем новоявленном родственнике.

— Я думал, что дядюшка живет в Коломбо или где-то поблизости.

Чан развернулся к нему в поворот.

— Он избегает городской суеты. На людях не показывается и никого даже близко к себе не подпускает, кроме ограниченного числа старых друзей. Из них же только немногие

навешают его по разу в неделю, остальные — не чаще одного раза в год. Он ведет замкнутый образ жизни. Вам придется с этим смириться.

— А как же телеграмма, отправленная из Коломбо? Видимо, иногда ему все же приходится бывать в столице?

Но Чан отрицательно покачал головой.

— Никогда. Ваш дядюшка вообще не покидает виллу. Все его дела, в том числе финансовые, веду я. А что до телеграммы, то это я ее отправил от его имени.

— Говорят, он и телефоном не пользуется, — вспомнил Максим.

— Это правда. Два года тому назад ураганом повредило линию, но он запретил восстанавливать обрыв.

— Дядюшка немного со странностями, — вслух подумал Максим.

— И впрямь, очень даже со странностями, — согласился Чан, придав лицу такое серьезное выражение, что Максим больше ни о чем не спросил.

За поворотом движение стало посвободнее. После очередного, резкого, поворота машины вообще исчезли из поля зрения. Их не осталось уже ни спереди, ни сзади. На узком шоссе, пересекающем саванны, они были одни. Грубые злачные травы оказались бы Максиму по плечи. Среди них росли отдельные чахлые деревца и небольшие рощи. Далеко отсюда, внизу, на склонах плоскогорья, видимый, только если взмыть в воздух, угрожающе темнел лесной массив. Там начинались джунгли. Только вблизи речных долин природа принимала более или менее ухоженный вид. Тут ютились деревни, а к деревням примыкали рисовые поля, насаждения джекфрута, манго, аккуратные рощицы кокосовых пальм. Последний отрезок пути пролегал в живописном окружении кустарниковых, огромных папоротниковых зарослей, а возвышавшиеся над ними кроны деревьев нависали над дорогой с обеих сторон, почти сомкнувшись между собой и погружая ее в некий сумрак, прорезаемый тонкими солнечными лучиками, и эти лучики оставляли яркие пятнистые следы по всему асфальту и на кустах.

Море пряталось чуть ниже, где-то там, за этой непроходимой стеной. Но никакие лесные чащи уже не скрыли бы его присутствие. Его свежестью проникался воздух. Иногда шоссе приближалось к нему настолько, что в просветах, оставленных листвой, мелькала его голубоватая дымка, практически сливающаяся с небом.

* * *

К шоссе под углом примыкала изъезженная проселочная дорога, затвердевший глинозем сохранил глубокие борозды от колес. Последние километры оказались самыми трудными. Джип немилосердно швыряло на ухабах, но, вихляя, он продолжал упрямо двигаться вперед.

Совершенно неожиданно она кончилась у решетчатых ворот, выросших вслед за еще одним, на этот раз уж точно последним поворотом. Окруженная лесом, от них отходила высокая кирпичная стена.

Чан вышел из машины, чтобы открыть ворота.

Аллея, по которой они медленно проезжали, была выложена каменными плитами и с обеих сторон обсажена ровно подстриженными кустарниками, густые ветви которых не позволяли ничего сквозь них разглядеть. Максим рассчитывал увидеть дом перед собой, однако тот неожиданно показался слева. Построенный, скорее всего, еще английскими

колонизаторами, старый, но уютно выглядывший коттедж, он был увит дикорастущей лианой, которая настолько освоилась, что смело заглядывала по крайней мере в половину окон. Две стройные пальмы раскинули свои ветви над покатою черепичной крышей. Большая клумба пестрела пурпурно-красными, ярко-желтыми и нежно-голубыми лепестками орхидей, размещенных в мозаичном порядке. Джип совершил полуоборот вокруг клумбы и остановился у крыльца, через козырек которого перекинула свои длиннющие стебли все та же захватническая лиана.

Из-за кустов тут же с визгом вывалилось какое-то грязно-коричневое чудовище в половину человеческого роста и стало на радостях вытанцовывать вокруг джипа, хватаясь за дверцы. Насколько Максим разобрался в животных, это был молодой шимпанзе.

— Дэн! Дэн, хватит! — прикрикнул на него Чан, стараясь открыть дверцу, в которую прочно вцепилась обезьяна. — Дэн, я к кому обращаюсь? Ты мне надоел! Прочь! Пошел прочь! Убирайся!

Наконец шимпанзе сделал ему поблажку. Чан вышел из машины, обошел ее сзади и открыл дверцу со стороны Максима.

— Приехали, сэр. Не бойтесь, — кивнул он на обезьяну. — Его зовут Президент, а если коротко, то — Дэн. Он вас не тронет, он безобидный.

Чан предупредительно распахнул дверь, ведущую вовнутрь дома, и сделал шаг в сторону, пропуская его вперед. Едва переступив порог, Максим ощутил легкую дрожь в коленях. При одной мысли, что сейчас должно произойти, ему хотелось развернуться и долго-долго бежать без оглядки.

Холл показался ему чересчур просторным, темноватым и прохладным. Как и все те комнаты, в которые они вдвоем заглядывали. Но дядюшки нигде не было. Тогда Чан открыл дверь с противоположной стороны от входа. Через небольшой коридорчик она выводила на открытую террасу.

Тут Максим ахнул. Сомневаясь, верить или нет своим глазам, он застыл прямо на пороге. В каких-нибудь ста метрах перед ним лежал Индийский океан. Ступенчатая аллея, обсаженная экзотическими растениями, спускалась прямо к морю. Внизу полоса зеленеющей травы и ухоженных кустов вдруг обрывалась и переходила в золотистый, избалованный солнечными лучами песок. Любовно его облизывая, волны белой пеной тихо накатывали на берег, и, отступив, оставляли за собой приглаженную ровную кромку. Несколько невысоких пальм заслоняли морской пейзаж. Ветер лениво теребил их великолепные кроны.

В тени одной из пальм стоял небольшой столик с парой плетеных кресел. В одном из них лицом к морю кто-то сидел неподвижно, как будто уснув.

Чан подошел и остановился перед ним. Максим не расслышал, сказал он что-нибудь или нет. Затем он наклонился, помогая сидящему встать на ноги. Дрожащей рукой тот вцепился в его плечо. С трудом поднявшись с кресла, человек развернулся к Максиму лицом. Перед тем, как сделать первый шаг, он, тем не менее, отказался от поддержки Чана. Они начали медленно сближаться.

Ему было где-то за шестьдесят. Ухоженные волосы с глубокой проседью, фотогеничное лицо, умный, твердый взгляд, при этом он высоко держал голову, что называется, с привычным достоинством, и белый смокинг, несколько неожиданный в цейлонских джунглях, он носил так естественно, как если бы только что ушел с заседания клуба.

Они замерли, когда их разделяло лишь несколько шагов. Дядюшка осторожно, как бы с

недоверием присматривался к племяннику, но Максим видел, как постепенно теплеет его взгляд, беспокойство уходит, а на смену приходит радостное воодушевление.

— Петр... — в конце концов решился прознести старик. — О, Петр! Ты!.. Я тебя узнал!

На его глаза неожиданно навернулись слезы. Он вдруг раскрыл объятия, и Максим, жутко смущенный, был вынужден припасть к его груди. От дядюшки исходил приятный запах изысканного одеколona.

— Петр! — избавившись от слез, не переставал повторять дядюшка, он то отрывал его от себя, чтобы посмотреть ему в лицо, словно хотел в чем-то убедиться, то снова крепко прижимал к себе. — Наконец-то! Долго же я тебя искал! Ты здесь! Просто не верится!..

Чан со скромным удовлетворением наблюдал за ними со стороны.

— Чан, друг мой, — сказал, оглянувшись, дядюшка, — видишь, я все-таки нашел его!

— Да, сэр, — Чан, про которого вдруг вспомнили, впервые оскалил два неполных ряда кривых, пожелтевших зубов, делавших его улыбку вполне безобразной. — Я, как только его увидел, сразу же сказал себе, что это он!

— Мистер Пул, разрешите подавать... — с аллеи прозвучал тонкий голос, но девушка смущенно замолчала, как только поняла, что тут происходит. — Ах, простите, я не знала...

— Аша! — торжественно позвал дядюшка, выпустив Максима из объятий, но продолжая опираться на его плечо. — Подойди-ка сюда. Позволь тебе представить сына моего покойного брата, моего дорогого племянника. Как видишь, мне удалось его разыскать и уговорить приехать к нам... Петр! Познакомься, это Аша. Я взял ее в дом горничной. Скромная девушка. Думаю, ты сам скоро в этом убедишься... Ну, с Чаном ты уже знаком. Вообще-то его полное имя... — он наморщил лоб. — Ох уж эти вьетнамцы! Знаешь, он такое путанное, что за эти годы я так и не научился его выговаривать. Это я придумал называть его просто Чан. Хорошо звучит, не правда ли? Тебе следует знать: кроме того, что он мой слуга, он еще и мой давний друг. Как говорят у нас с тобой на родине, мы с ним не один пуд соли вместе съели. Так-то!.. Но об этом — после. Ты ведь только что с дороги. Успеем еще наговориться. Ступай лучше за Чаном, он покажет, где можно умыться и принять душ. Только не задерживайся. Аша тем временем накроет на стол. Возвращайся прямо на террасу.

Проходя мимо Аши, Максим успел окинуть ее изучающим взглядом, так же, как, впрочем, и она его. На вид ей было лет семнадцать — восемнадцать. Волосы у нее были длинные и темные — но не черные, как у местных женщин, а только темно-каштановые, и кожа более светлая. На ней было легкое европейское платье, прикрытое передником, и дешевые стеклянные бусы, огибающие загорелую шею. Она выглядела так же, как дети европейских переселенцев. И только в чертах лица сохранилось что-то от сингалов. Безусловно, она была очень красива. Правда, это уже не был европейский тип красоты. Скорее, это была красота тропиков. Максим был поражен. Что такой милашке делать в этой глуши?

А с другой стороны, он сам, если он хоть что-то в этом понимал, вызвал в ней ничуть не меньший интерес. Едва они поравнялись, она вдруг испуганно опустила глаза, как кто-то, кто боится это обнаружить.

Чан показал ему его комнату и душевую. Максим с наслаждением подставил себя граду холодной воды. Встреча с Ашей оставила после себя приятное ощущение того, что все не настолько уж плохо. Конечно, при других обстоятельствах было бы кстати пожить тут некоторое время. Море, песок, пальмы и даже дядюшка... с приятным запахом одеколona.

Он неожиданно поймал себя на том, что без всякого подтекста назвал его дядюшкой. «Баритон», кажется, был прав, утверждая, что скоро он к этому привыкнет.

Последнее упоминание на какое-то время снова лишило его оптимизма. Ну что за удовольствие находиться в объятиях кого-то, чья любовь предназначена мертвецу! А вдруг дядюшка каким-то образом догадается? От одной этой мысли «мурашки» поползли у него по спине. Максим попробовал себя успокоить. «Баритон» уверял, что дядюшка совершенно не знал своего племянника. Нужно этим воспользоваться. Главное сейчас, это — бдительность. Ему нельзя расслабляться.

Дядюшка сидел за столом и в ожидании племянника попивал небольшими глотками манговый сок из граненого стакана. Стол был накрыт на две персоны. Как только Максим появился в дверях, дядюшка пригласил его к себе приветливым кивком головы. Для него было приготовлено место напротив.

На террасе было намного теплее, чем внутри дома, хотя и повеял легкий ветерок. После освежающего душа прогретый воздух особенно приятен. Волосы у Максима были еще мокрыми, он их старательно пригладил. Рукава рубашки закатал до локтей и застегнул одной пуговицей меньше. Он бы еще с удовольствием явился босиком, но что на это скажет его дядюшка в белом смокинге!

Тот словно читал его мысли.

— Располагайся и чувствуй себя, как дома.

Здесь дядюшка заговорил на русском, как бы радуясь возможности показать, что ничего не забыл. Что касается Максима, то с одной стороны, английский частенько заводил его в тупик, он недостаточно свободно владел этим языком. Но с другой, это всегда был шанс выбраться из щекотливой ситуации, он мог сослаться на незнание языка, чтобы затянуть ответ, или даже взять назад неосторожно сорвавшиеся слова, простодушно заявив: «ах, неужели я так сказал, ну, тогда извините, я думал, это звучит иначе». С переходом на русский такой возможности уже не будет.

Минутой спустя дядюшка предлагал ему отведать омаров, выловленных у здешних берегов, и запить прохладным белым вином, только что поднятым наверх из винного погреба.

— Сегодня поистине знаменательный день! Я хочу выпить за тебя, Петр. Твое здоровье!

Они чокнулись. Дядюшка продолжал говорить, жестикулируя вилкой.

— Последний раз мы виделись с твоим отцом в сорок третьем. Тогда мы были еще детьми. Винницкую область оккупировали немцы. Нас силой отправляли на работу в Германию. Брат не хотел ехать, он прятался. Я тоже не хотел ехать, тоже прятался, но меня нашли и силой втокнули в кузов грузовика, а спустя час я уже был в товарном вагоне поезда, мчащего на запад. От семьи у меня остались одни воспоминания. И еще фотография, мы с братом — потом я тебе ее покажу. После войны я очутился во Франции, два года за ничтожное жалованье плавал на кораблях, пока не высадился на цейлонском берегу, соблазнившись слухами о только что открытых сапфировых россыпях. К сожалению, разбогатеть мне удавалось пока лишь в мечтах, но о возврате на родину не могло быть и речи. Именно там я познакомился с Чаном. Это он уговорил меня отправиться на север Индии, чтобы присоединиться к ловцам гюрз. В то время их яд высоко ценился, и за каждую змею платили хорошие деньги.

— Так вы были змееловом? — ужаснулся Максим.

— И змееловом тоже. Тогда, потеряв надежду найти сапфир, который был бы назван моим именем, я был готов на все. И, должен признаться, это положило начало моему будущему бизнесу. Я и сейчас держу у себя террариум... Правда, теперь это только дань прошлому, ничего общего с бизнесом.

— Террариум? — упавшим голосом повторил Максим. — Здесь?

— Невысокий павильон справа от входа, — не успев заметить его испуга, пояснил

дядюшка. — Ты не мог его видеть, когда подъезжал, потому что со стороны главной аллеи он закрыт кустарниками. Но если пройти сквозь их ряд, то он окажется прямо перед тобой. Завтра Чан познакомит тебя с ним.

— Завтра? — Максим внезапно почувствовал себя словно на краю пропасти. — Но я ведь никуда не тороплюсь!

На этот раз дядюшка заметил и успокоительно сказал:

— Ну что ты! Тебе нечего бояться! Это абсолютно безопасно. Каждый день Чан берет у них яд.

У Максима был предлог уйти от опасных разговоров.

— Простите, дядюшка. Однако в то время вы не пытались разыскать моего отца?

— Ну, ты же знаешь, связи с границей у вас тогда не слишком поощрялись. К тому же, если честно, я и сам не был уверен в том, что хочу этого. Твой отец, мой брат для меня как бы оставался в далеком прошлом. И я не знал, хочу ли воскресить это прошлое. К сожалению, мы все так устроены, что пока впереди еще брезжит свет, назад никто из нас не оборачивается. Надеюсь, ты не станешь меня в этом упрекать.

— Да что вы, дядюшка! Я совсем не это имел ввиду.

Тот воткнул вилку в салат.

— Я ничего не знал о вас. Отец не говорил о том, что у него был брат, — схитрил Максим.

— Понимаю, — кивнул дядюшка, безоговорочно принимая сторону брата. — Ведь я тоже никак не старался напомнить о себе. Жаль, что после войны нам так и не судилось встретиться. Но зато, хвала Богу, я нашел тебя! — он через стол тепло коснулся руки Максима. — Надеюсь, тебе у нас тоже понравится.

Максим обвел вокруг себя заблестевшими глазами.

— Читайте, что уже понравилось! Этот дом, эти пальмы, это море... Тут просто великолепно! Наверно, я попал в рай.

— Вот и замечательно, — заявил дядюшка с очевидным удовольствием. — Можно сказать, мы уже поладили. Кстати, ты не ошибся. По преданию, на этом месте и в самом деле когда-то был рай. Говорят, будто этот остров Бог создал для Адама и Евы. Отсюда пошел весь род человеческий!

Их беседу поневоле прервала Аша, скромно остановившись за спиной Максима и дожидаясь, когда дядюшка обратит на нее внимание.

— Что тебе, Аша? — мягко спросил тот.

— Извините, мистер Пул. Я пришла спросить, можно ли подавать десерт.

— Ах, Аша! Ты отлично справляешься. Молодой человек просто очарован твоей кухней. Верно, Петр?

— О да, все было очень вкусно, — поспешно подтвердил Максим.

— Вот видишь. А десерт можно подавать.

Аша зарумянилась и подкатила тележку, чтобы убрать со стола.

— Она полукровка, — продолжая подбадривать ее глазами, дядюшка снова перешел на русский. — Отца не помнит. Мать недавно умерла от малярии. Я забрал ее у родственников, едва не отправивших ее зарабатывать на улицу. До чертиков надоели эти цветные рожи! Хотелось по крайней мере в собственном доме иметь кого-то с белой кожей, хотя бы и полукровку. Неважно, что она обошлась мне значительно дороже.

— Обошлась?

— Еще бы! Я заплатил за нее триста тысяч рупий. Иначе эти люди пустились бы кричать на всех углах, будто я похитил у них бедную девочку, чтобы сделать из нее наложницу! Чуть что, сразу: проклятые европейцы! Они знали, что я могу заплатить, и поэтому стали на дыбы. Пришлось успокоить их совесть.

— Но ведь это же варварство!

— А кто говорит, что нет? Разве мы не находимся среди варваров? А еще болтают о расовой дискриминации! Но что было делать? Таковую, как она, найти совсем не просто. Чан раскопал ее в джунглях Матары. Половину побережья пришлось перевернуть, прежде чем он ее там нашел. Чан — безупречный слуга. На него вполне можно положиться, хоть он и вьетнамец. Он единственный цветной, которого я терплю.

— Мне кажется, Аша довольна тем, что вы забрали ее сюда?

— А почему бы тебе не спросить об этом у нее самой? Она славная девушка. Другие в ее возрасте уже все на свете перепробовали. Она же будто несорванный цветок. Я не удивлюсь, если вдруг узнаю, что она еще девушка. Боюсь даже представить, что ожидало бы ее там, у этих мерзавцев...

Аша, ни слова не понимавшая из того, о чем они говорили, продолжала наивно улыбаться уголками губ. Максим бросил на нее быстрый взгляд и смущенно опустил глаза. Убирая локти со стола, он нечаянно опрокинул бокал, остатки вина ручейком потекли на пол. Дядюшка замахал на него руками.

— Не стоит беспокоиться! Оставь это Аше, она уберет. А мы тем временем лучше пройдемся, — предложил он, вставая из-за стола.

Максим поспешил придти ему на помощь.

— Еще один вопрос, дядюшка, — сказал он, ступая рядом по песку, тогда как дядюшкина рука опиралась о его плечо.

— Да, Петр?

— Почему вас называют мистером Пулом?

— О, это имя я взял себе в тот день, когда мной впервые заинтересовалась пресса, — охотно ответил старик. — Помню, ко мне подошел один местный газетчик. Он тогда спросил: «Как тебя зовут, парень?». Не знаю, почему, но я вдруг испугался, что это может быть полицейский, у меня были причины недолюбливать полицейских, поэтому я и выпалил: «Джонатан Пул». Так звали инженера с приисков, которого, как я слышал, убили во время последних беспорядков. Наутро мой снимок появился в газете с подписью: «Джонатан Пул», — дядюшка прочертил указательным пальцем воздух, да так и остался стоять, задумчиво вглядываясь куда-то в пространство, его глаза продолжали видеть то, что уже давно перестало существовать.

* * *

Библиотека одновременно служила дядюшке рабочим кабинетом, судя по тому, что, кроме шкафов с книгами, в ней находился огромный канцелярский стол, на котором стоял телефонный аппарат, впрочем, не работающий, и лежали одна на другой несколько толстых папок. По ковру была расставлена мягкая мебель, и кроме того, монитор, подсоединенный к видеоманитوفону. О его назначении Максим узнал чуть позже. Примечательно, что в доме вообще не было ни телевизора, ни радио. Слухи об отшельническом образе жизни дядюшки

оправдывали себя.

Фотография, о которой тот упоминал за обедом, стояла в рамке между двумя стеклышками прямо на его письменном столе. Это был очень старый снимок небольших размеров, неважного качества, но, судя по тому, как бережно дядюшка его хранил, видимо, он был ему слишком дорог.

На нем с трогательной нежностью прижимались друг к дружке двое одинаково одетых близнецов, только один, растянув рот до ушей, улыбался в объектив, а второй с самым серьезным выражением смотрел куда-то вдаль. Обоим было лет по двенадцать. Фоном служил раскинувшийся внизу город. Очевидно, снимали с какой-то высокой точки. Максим сразу его узнал: это была Винница сороковых годов.

Смотрят, будто с картинки, подумал он. И, как видно, очень любят друг друга.

К лацкану куртки каждого из них было приколото по значку с изображением самолета. Дядюшка разжал ладонь: в ней лежал точно такой же, выпущенный когда-то в Виннице — в честь известного земляка, создателя первого в мире самолета.

Максим задумчиво повертел его так и этак, прежде чем вернуть дядюшке. Второй, должно быть, перешел от отца к настоящему Петру Шемейко. Неожиданно для самого себя, так, словно на его месте был кто-то другой, он сказал деревянным голосом:

— Да. Такой же был у отца. Я помню.

Дядюшка быстро посмотрел ему в глаза. Максим испугался: вдруг он сморозил какую-то чепуху? Но тут на дядюшкином лице промелькнуло подобие теплой улыбки. Он незаметно вздохнул с облегчением.

Дядюшка, правда, помалкивал. Тогда Максим показал на снимок:

— Который из них мой отец?

— Бьюсь об заклад, что ты не узнаешь, — уклончиво ответил дядюшка. — Мы были так похожи, — он еще раз изучающе взглянул Максиму в лицо. — В тебе тоже что-то есть от твоего отца.

— И от вас, дядюшка?

* * *

Сумерки поглотили кроны деревьев, обрисовав только верхний, изрезанный, край. Обширный парк, переходящий затем в первозданный лес, быстро погружался в темноту. Одни пальмы гордо выделялись на фоне бледного неба с хаотичной россыпью звезд. Океан напоминал о себе разве что ленивым шипением прибоя.

Большая волна лизнула носки его туфель. Максим поднялся во весь рост, размял затекшие ноги, отряхнулся от налипших песчинок и, увязая по щиколотки в песке, раскачивающейся походкой побрел к дому.

Внизу, справа от выхода на террасу, светилося окно. Это была комната Чана. Над ней находилась спальня дядюшки, но там было темно. Зато полоса света пробивалась левее, сквозь неплотно зашторенное окно второго этажа. Присмотревшись повнимательнее, он заметил свет также и в соседнем окне. И в следующем... Что в этих комнатах? Ему пока не удалось побывать в том крыле. Короткий коридор в несколько шагов, начинавшийся тут же у лестничной клетки, заканчивался одной единственной дверью, которая вела куда-то вглубь. Несколько раз он пытался в нее войти, но она все время оказывалась запертой. Аше нечего

там делать, ее комната была в правом торце коттеджа, если смотреть со стороны моря, как сейчас. Все нижнее правое крыло занимали подсобные помещения и комнаты для прислуги. Максим зашел за угол. Вот и ее окно, в нем горел свет. Следовательно, наверху, в той комнате мог находиться только дядюшка. Правда, что он там делал, было совершенно неясно.

Максим задержался под окном Аши. Пожалуй, он и сам не знал, с какой целью. Занавески были задернуты, иногда ее тень перемещалась на них, то появлялась, то снова исчезала. Постояв без дела около минуты, он отправился дальше и, обогнув дом, вошел в него через парадный вход.

Он занимал комнату в противоположном конце от комнаты Аши. Нельзя сказать, что она была слишком просторной. Кровать, письменный стол, один стул и шкаф для одежды — вот, собственно, все, что в ней находилось. При всей скромности обстановки тут было довольно мило. Отведенная ему комната была угловая. Одно окно выходило на море, другое, полузакрытое ветками лианы, смотрело на террариум. Желтый свет пронизывал его стеклянную крышу и рассеивался где-то внутри, не достигнув пола. Максим с отвращением зашторил второе.

Он походил по комнате, заглядывая во все углы, а когда осматривать было уже нечего, от скуки завалился на кровать прямо в одежде, подложив руки под голову. Время для сна еще не наступило. Он мог продолжать бездельничать, поддаваясь гнетущим сомнениям, а мог... Мог ли он попытаться их разрешить?

Что-то не давало ему покоя. Терзало, мучило. Но вот незадача: он никак не мог понять, что именно. Знал только, что возникло это в результате событий сегодняшнего дня, его общения с дядюшкой. Однако, прогоняя в уме все их разговоры, он только зря терял время.

Впрочем, его мучения долго не продолжались. В какой-то момент он расслышал пробивающийся сквозь тишину слабый, но все же достаточно отчетливый монотонный гул, по характеру напоминающий гудение моторов стартующего самолета. Прислушавшись, он догадался, что звук исходит откуда-то сверху. Точно, это было над ним — то самое крыло, в котором он видел свет. Очевидно, дядюшка еще там.

Максим вышел из своей комнаты и стал нерешительно подниматься по скрипучей лестнице. Он оказался прав, загадочный источник шума становился все ближе.

Вплотную подойдя к двери, он опасливо нажал на ручку. Дверь подалась. За ней оказалась следующая дверь, которая так же легко открылась, как и первая. Стараясь усмирить взволнованно бьющееся сердце, он переступил порог.

Что-то невероятное творилось внутри. С порога на него накинута неизвестно откуда взявшийся холодный, пронизывающий ветер. Яркий белый свет тут же заслепил глаза. Поколебавшись, он сделал последний шаг наобум, так как в это время ничего перед собой не видел.

Постепенно глаза привыкали к свету, и он рискнул опустить ладонь.

И сразу ахнул. Точнее, ему лишь показалось, что он закричал. На самом деле он не сумел выдать ничего более эффектного, чем какое-то жалкое мычание.

Широко открытыми глазами он смотрел с огромной, головокружительной высоты в неожиданно разверзшуюся перед ним бездну. Вид из номера в отеле «Мариотти» было ничто по сравнению с этим. Крутой спуск, иногда ступенчатый, но чаще обрывистый, терялся в застывшей дымке облаков где-то далеко внизу. Земля проглядывала мелким рельефом в просветах между ними. Со стороны недружелюбно косились более низкие гребни гор,

остановившиеся как бы в почтительном удалении от старшей сестры. От одного взгляда подкашивались ноги. Над головой в холодном, пустом небе одиноко сияло солнце, заставляя искриться снежный покров. Снег был настоящим. Он хрустел у него под ногами. Нельзя было понять, где заканчивается бутафория и начинается подсвеченное полотно.

Дядюшка стоял неподвижно, вглядываясь в призрачную голубую даль. Ветер остервенело трепыхал фалдами его смокинга.

Несколько минут Максим приходил в себя. Он успел посинеть на холоде, но так и не насмелился ни о чем спросить. Внезапно он услышал дядюшкин голос, донесшийся вместе с ветром, хотя тот попрежнему стоял повернувшись к нему спиной.

— Гималаи. Вершина Нангапарбат. Высота 8126 метров над уровнем моря. Это всего лишь на 750 метров ниже Джомолунгмы. Панорама выполнена в точности с фотоснимками, которые я сделал сам... Да, Петр, твой дядюшка не всегда был таким старым и немощным, как сейчас. Я не успел рассказать тебе, что, пока охота за змеями служила мне средством к существованию, живя среди гор, я постепенно увлекся альпинизмом, взойти на одну из величайших вершин мира стало моей навязчивой идеей. Я мечтал покорить мир. И вот он — передо мной. У моих ног, — дядюшка протянул руку, словно он до сих пор стоял на вершине высотой в восемь тысяч метров. — Однажды я все-таки взошел на нее... Потом — репортеры, слава. О нас заговорила пресса. Не та жалкая газетенка, которая впервые опубликовала мой снимок. Ведущие газеты Индии и других стран. Понимаешь, что это должно было означать? После этого меня пригласили сниматься в кино. И не на какую-нибудь, а на главную роль. Мои снимки стали появляться на обложках журналов. Покоритель вершины Нангапарбат Джонатан Пул — в главной роли! Почитательницы набрасывались на меня толпами, чтобы взять автограф! Это был настоящий триумф!

Дядюшка с шумом выдохнул, пар валил у него изо рта. Затем впервые посмотрел на Максима и положил руку ему на плечо так, словно хотел приобщить к своему торжеству.

— Я ничего этого не знал, дядюшка, — охрипшим голосом сказал Максим, не скрывая своего восхищения.

— Ты еще много не знаешь, — добродушно ответил тот. — Но, к счастью, у нас будет достаточно времени впереди. А сюда можешь приходить в любое время, когда захочешь. Я дам тебе второй ключ.

— Вы очень ко мне добры, — смущенно заметил Максим, понимая, насколько дорого старику это воспоминание.

В ответ дядюшка обнял его покрепче.

— Что за ерунда! Ты же мой племянник, Петр!

Он повлек его к выходу. У самой двери нажатием кнопки выключил замаскированный под интерьер мощный вентилятор, имитировавший ветер. Свист в ушах прекратился, только холодильный агрегат чуть слышно продолжал работать, охлаждая воздух из-за снега, чтобы тот не растаял. Следующей кнопкой он выключил освещение. Яркое солнце погасло, горы внезапно погрузились в черноту ночи. Можно было разве что догадываться об их существовании в нескольких шагах отсюда. Лишь неоновая лампочка, указывающая выход, горела над дверью.

Дядюшка плотно прикрыл за собой дверь с теплоизоляционной обивкой, за ней еще одну и дважды провернул в замке ключ. Максим спускался по лестнице с таким чувством, как если бы сходил с гор. Их подошвы оставляли мокрый след, подтверждавший, что все это не было плодом фантазии.

Вернувшись в свою комнату, Максим не стал зажигать свет. Он до сих пор ощущал на себе пронизывающий ветер Нангапарбата.

Он разделся и лег в постель, но сон упрямо не шел к нему. Перед глазами, сменяя одно другим, будто кадры кинохроники, мелькали воспоминания последних дней.

Стояла душная цейлонская ночь. Нагретая солнцем земля продолжала испарять влагу. Береговой бриз принес аромат сандаловых деревьев, перебивший запах моря.

Странные крики доносились из леса, окружавшего виллу дядюшки Джонатана. Однажды по черепичной крыше кто-то несколько раз пробежал, подобно стае кошек. Однако животных, кроме обезьяны, у которой только две ноги и две руки, в доме не было. Максим ждал повторного набега пришельцев, но они так и не появились.

Перед тем, как уснуть, он наконец-то понял, что показалось ему столь необычным в дядюшкином поведении. При всей любви, которой тот щедро одаривал своего племянника, вызывало недоумение одно обстоятельство: ни разу, ни напрямую, ни вскользь, дядюшка не поинтересовался его прошлым. Надо думать, что встреча родственников, особенно если до этого они никогда не виделись, предполагает взаимный интерес. Что касается дядюшки, то он охотно делился собственными воспоминаниями, но в то же время с каким-то непонятным равнодушием упорно игнорировал аналогичные попытки Максима. словно дотеперешняя жизнь его племянника, в отличие от его собственной, была ничем.

Напрасно Максим потратил столько времени, придумывая биографию Петру Шемейко.

Только что солнце, взошедшее по ту сторону океана, наполнило нежно-розоватым светом маленькую комнатку. Морская равнина еще дремала в безмятежном величии. В открытое окно проникал вкрадчивый шелест прибоя. Слабый ветерок сонно колыхал занавесками, заноса освежающую утреннюю прохладу.

Открыв глаза, Максим почувствовал себя выпавшимся и бодрым. Он приятно зевнул, потянулся и встал с кровати. Затем подошел к окну, чтобы взглянуть на рассвет. Солнечный диск еще только начал разгораться, повиснув низко над водой и проложив к берегу искрящуюся золотистую дорожку. Пальмы, с важностью покачивая роскошными кронами, бросали длинные тени на измятый песок. Никакого движения. Он вдохнул на полную грудь воздух морских просторов и собрался было отойти от окна, как вдруг заметил тонкую фигуру Аши, мелькнувшую в просвете между стриженными фикусовыми деревьями. Густо посаженные, они аккуратно тянулись справа вдоль ограды, закрывая присыпанную гравием узкую аллею, спускавшуюся к морю. Она показалась всего лишь на миг, но кто бы мог с таким изяществом ступать по земле, если не Аша! В следующем просвете она появилась снова. Определенно, это была Аша.

Внизу аллея раздваивалась: та, что продолжала бежать прямо, должна была потеряться в прибрежном песке, другая, словно только затем, чтобы избежать ее участи, заблаговременно сворачивала вправо — туда, где, наполовину скрытый возвышенностью, далеко в море врезался деревянный пирс; на ее последнем повороте стояла круглая беседка, она же украшала эту самую возвышенность.

Ему хотелось знать, куда она направилась. Он разыскивал ее по светлому платью то на одной, то на другой аллее. Вдруг она объявилась около беседки, но тут же скрылась за противоположным крутым склоном.

Максим снова увидел Ашу, идущую по пирсу. Тонкое платьице развевалось при малейшем порыве ветра. В мягком блеске утреннего солнца она была прелестна, как его дитя.

Дойдя до середины пирса, она сбросила одежду и кинулась в воду. Ненадолго опять исчезла, затем выплыла из-за его края, осторожно гребя руками. Мелкая пена кругами расходилась в разные стороны.

подавив в себе желание прыгнуть с мостка в прозрачное море, Максим отошел от подоконника, свернул простыни и стал одеваться. После увиденного он ни за что не согласился бы вернуться обратно в постель.

Спустившись с крыльца, он по дороге встретил еще одного любителя утренних прогулок. Президент раскачивался на одной из веток лианы, спускавшихся с крыши. Почему-то обрадовавшись появлению Максима, шимпанзе соскочил вниз и, хватая за одежду, тут же потащил его куда-то аллеей. При этом он возбужденно гримасничал. Максим догадался, что Президент хочет что-то ему показать. Всю дорогу тот нетерпеливо оглядывался, как бы подгоняя, пытался схватить его за штанину, тут же бросал и на четвереньках убегал вперед, потом возвращался, и все повторялось сызнова. Неожиданно он нырнул в проход между кустарниками. Максим не горел желанием идти в том направлении, но шимпанзе требовательно вцепился в его одежду, и он испугался: обезьяна оказалась куда более сильной, чем он думал.

Вдобавок теперь уже не осталось сомнений: она тащила его к террариуму. Прямо перед ними был вход. Максим инстинктивно подался назад. Президент же выпустил его штанину и подбежал к двери, подпрыгивая от восторга. Его лохматая рука взялась за тяжелый засов. Максиму стало не по себе, эта обезьяна знала, что нужно делать.

— Эй, что это значит, немедленно перестань! — закричал он, стараясь при этом жестикулировать как можно выразительнее. — Глупое животное, кто тебе сказал, что я хочу туда попасть? Мне это вовсе не нужно! Понимаешь? Я не собираюсь туда входить! Я там ничего не забыл!

Президент все еще любовно водил рукой по засову, но, как видно, энтузиазм его несколько поиссяк, он в нерешительности смотрел на Максима и издавал какие-то жалобно-просительные звуки.

— Ну вот что, — сказал Максим, чувствуя, что пора нанести последний, сокрушительный удар, и повернулся к нему спиной, показывая, что уходит. — Ты как себе хочешь, а я в этом не участвую. Я собираюсь еще немного пожить... Видишь, я уйду!

Президент с очевидной неохотой отпустил дверь и подался за ним, уныло волоча руки по земле; он был похож на ребенка, которому не дали пошалить.

— Так-то лучше, — уже мягче заметил Максим, хотя воспоминание о волосатой руке, готовящейся сдвинуть засов, было еще свежо, и он не попадал зубом на зуб. — Надеюсь, что в следующий раз, когда нечто подобное придет тебе в голову, меня рядом не будет.

* * *

Завтрак начался как обычно. Дядюшка увлеченно рассказывал разные истории о том, как они с Чаном лазили по горам, Максим делал вид, что слушает, Аша не глядя в его сторону подавала на стол. Сегодня его уже в меньшей степени волновало, станет ли тот о чем-то расспрашивать или нет, в конце концов, это его дело, и точка. Он-то даже в выигрыше: меньше придется лгать.

Под конец завтрака дядюшка сказал:

— Надеюсь, ты еще не успел у нас соскучиться. Чан уехал в город за продуктами и еще с кое-какими поручениями, которые я ему дал. Когда он вернется, то непременно сводит тебя в террариум. Он его настоящая слабость. Чан уделяет ему очень много внимания. И, между прочим, не напрасно. Уверю тебя, там есть на что посмотреть.

Дядюшка вытер губы салфеткой и встал из-за стола, опираясь на трость. Максим же снова почувствовал слабость в коленях. Но возразить дядюшке на этот раз было бы слишком рискованно. Отказаться, значило выказать пренебрежение, как-никак, предметом его гордости.

— Если понадобится, я — наверху, — добавил дядюшка.

«Наверху» означало, что его следует искать либо в панорамном зале, либо, скорее всего, в библиотеке, где он проводил большую часть своего времени.

Максим побродил вдоль берега, побывал на том месте, где видел сегодня Ашу, затосковал и вернулся в дом.

Аша убирала в его комнате. Едва он вошел, оба сразу почувствовали неловкость. Он спрашивал себя, отчего. Дядюшка работал наверху, Чан уехал, а она на положении горничной в его комнате. Ну, она — еще можно понять, а с ним-то что? Почему ему должно

быть неловко застать хорошенькую горничную в собственной комнате, в то время, как больше никого нет поблизости? И как ему в этом случае поступить, уйти или остаться?

— Извините сэр, — сказала она, растерянно опустив глаза, — но я должна убирать в вашей комнате каждое утро. Это входит в мои обязанности. Я не ожидала, что вы так быстро вернетесь.

— Ничего, все в порядке, — промямлил он, после ее оправданий и ему будто бы стало легче, но он все равно не знал, как себя следует повести в таком случае.

— Если вы позволите, мне еще недолго осталось. Я скоро закончу.

— Да, конечно.

Он еще немного потоптался на месте, и вышел за порог, тут же ругая себя за то, что так по-глупому поступил, когда можно же было завести ненавязчивый разговор, преподнести парочку улыбчивых комплиментов, ну и так далее. Одно слово: разиня!

У стены в огромной гостиной стоял проигрыватель хоть и не новейшей модели, но все равно высокого класса, с автоматическим управлением, отдельным усилителем и высококачественной акустикой. Наверху — видео, здесь — проигрыватель с автоматикой. Максим видел, как скрепя сердце дядюшка позволял современной технике вторгаться в его размеренную жизнь. Он извлек из ячейки первую попавшуюся пластинку, взглянул на содержание: Робертино Лоретти. Взял наугад еще одну: Глэнн Миллер. Музыка пятидесятых годов...

Он открыл проигрыватель и вложил пластинку. Зазвучала сентиментальная мелодия послевоенного времени. Когда-то чопорные молодые пары танцевали под нее в каком-нибудь клубе со стульями, убранными под стену, при ярком освещении, галантно поддерживая друг друга — и это было последним криком моды! Однако все это его завораживало. Неужто он такой же чопорный, как они, подумал он, подразумевая скорее то, как повел себя с Ашей.

Звуки музыки заглушили скрип половиц. Максим настолько увлекся, что вздрогнул от неожиданности, услышав за спиной дядюшкин голос.

— Тебе нравится?

— Ах, дядюшка! Вы меня напугали.

— Вижу, что нравится.

— Простите, — спохватился он, — я не подумал, должно быть, музыка мешает вам работать.

— О нет, пожалуйста, не беспокойся. Наоборот, я очень рад тому, что тебя она привлекает. Честно говоря, меня это приятно удивило. Редко у современной молодежи встретишь такое понимание. Увы, твое поколение больше увлечено дикими, совершенно безвкусными ритмами, основанными на технических эффектах. В мое время ценились только настоящие таланты, нужно было иметь голос Карузо, чтобы стать знаменитостью. А что сейчас? Всякий, кто может взять хотя бы ноту «фа», уже считает своим долгом записать пластинку. Начхать на голос, современная аппаратура снимет огрехи. Продюсерам теперь стало все равно, талант ты или бездарность. Вот до чего мы дожили!

— Да, дядюшка, — немедленно согласился Максим, интуиция подсказала ему, что со стариком лучше не спорить.

Он оказался прав: дядюшке необходимо было выговориться, после чего тот прямо перешел к тому, зачем спустился вниз.

— Петр, я забыл тебя предупредить. Завтра к обеду я пригласил вдову моего покойного

друга, миссис Хептон. Я хочу тебя ей представить. Она также слышала о тебе и не против с тобой познакомиться. Что ты на это?

— Конечно, дядюшка. Как скажете.

— Прекрасно, — еще мгновение поколебавшись, он добавил. — Знаешь, для меня крайне важно, чтобы ты произвел на нее благоприятное впечатление. Мы дружим с ней уже много лет. Я очень дорожу этой дружбой. И хочу, чтобы ты... Ну, в общем, постарайся ее очаровать.

— Понимаю, дядюшка. Обещаю сделать все, что в моих силах, — глаза Максима отражали боязнь переоценить свои возможности, но при этом он загадочно улыбался.

* * *

С прагматичной точки зрения, в террариуме не было ничего такого, что оправдало бы суеверный страх, который он внушал своим названием. Это был продолговатый павильон, довольно низкий — настолько, что человек в полный рост мог стоять только посередине. Покатая крыша была сделана из прочного стекла, которое обеспечивало естественное освещение на протяжении всего дня. Ее края всего лишь на полтора метра возвышались над землей, человеку по грудь, но приблизиться к ним мешали окружающие павильон непроходимые ряды кустарников.

Чан щелкнул засовом, открыл широко дверь и шагнул в сторону, уступая Максиму дорогу. Но тот категорично запротестовал. Едва заметно растянув губы в понимающей ухмылке, Чан вошел первым. В руке он нес алюминиевый контейнер величиной с чемодан, с просверленными дырочками.

Первое, что бросалось в глаза — достаточно хорошая вентиляция внутри помещения, под крышей не собиралась влага, к тому же Чан обратил его внимание на приборы, находившиеся при входах во все секции.

— Каждый вид змей требует особых условий содержания, — пояснил он с нескрываемой гордостью. — В связи с тем, что у нас тут десятки видов, доставленных из разных мест, то и микроклимат должен отличаться. Поэтому мы поделили павильон на секции, в каждой из которых поддерживается своя температура и влажность. Мы заботимся о том, чтобы змеи чувствовали себя комфортно, — он сказал это так, как обычно говорит директриса детского дома.

Посередине шел узкий проход, заканчивавшийся дверью, за нею — следующий проход и следующая дверь, и так далее. Отдельные секции, предупредил Чан. По обе стороны прохода тянулись ряды отсеков, в которых, собственно, содержались змеи. Перегородки, выполненные отчасти из мелкоячеистой сетки, отчасти из стекла, позволяли видеть все углы. Дно было засыпано грунтом, естественным для их обитателей, это мог быть песок или земля, выложенные мохом, дерном, камнями, засаженные растениями или не засаженные ничем. Из почвы выступал неглубокий сосуд, наполненный водой.

Каждый отсек делился на две части, заднюю — просторную, и переднюю — напротив, очень тесную. Перегородка между ними имела внизу полукруглое отверстие со шторкой, которая приводилась в движение с помощью тросика, тросик же был выведен наружу и прикреплен к рычажку. Достаточно было привести в движение рычажок, и шторка или открывалась, или, наоборот, закрывалась.

— Для чего здесь эта перегородка? — поинтересовался Максим, кое-как преодолевая отвращение и страх при виде шевелящихся черных колец.

— Человек тоже ест и спит в разных комнатах, и, кажется, это его устраивает.

— О Господи, но ведь это же квартира, — простонал Максим, постоянное сравнение змеи с человеком выводило его из себя.

— Вот именно, квартира, — подтвердил Чан вполне серьезным тоном, совершенно не разделяя его возмущения. — Дальняя комната — жилая, змее нужен простор. Но, поскольку приходится брать у нее яд, а оттуда ее никак не достанешь, то нам с вашим дядюшкой и пришла в голову мысль отделить кормушку от вольера. Здесь она как в западне. И бегать за ней не приходится, потому что только здесь она и может получить пищу. А заодно, конечно, отдать яд. Когда она голодна, то сама заползает сюда, давая тем самым понять, что пора ее кормить. Впрочем, сперва я покажу вам до конца павильон, а уж затем вы увидите, как это делается.

Он подвел его к ближайшему отсеку. Навстречу медленно ползла змея серой окраски с темными пятнами вдоль хребта.

— Это гюрза, — с важностью сказал Чан. — В прошлом году мы их завезли целую дюжину из Афганистана. Дядюшка, наверное, успел рассказать вам о том, как мы с ним вылавливали гюрз в предгорье Гималаев?

Максим молча кивнул головой. Они прошли еще несколько метров. Чан указал на отсек, в котором по голому песку зигзагообразно передвигалась ярко разрисованная змея.

— Надеюсь, эфу представлять нет необходимости? — на секунду он задержался, любуясь. — Она великолепна, не правда ли? Грозная царица пустынь.

На этот раз Максим не ответил вообще. Его уже начинало тошнить. Он только и мечтал, чтобы вырваться на свежий воздух, но Чан тащил его все дальше вглубь, вдоль бесконечных сеток с гибкими, скользкими пресмыкающимися.

— Ну вот, — сказал он, — мы и добрались до наших индийских красавиц. Кобра! Точнее, та, что перед нами — очковая кобра, наиболее опасная из них.

Раздвинув «капюшон» и настороженно покачивая третью своего туловища, змея немигающими глазами изучала прищельцев. Чан показал на светлый рисунок перевернутых очков на ее «капюшоне».

— Она умышленно поворачивает его рисунком, предупреждая всякого, кто на смелится слишком близко подойти. Это суцая правда, что у нее гипнотизирующий взгляд. Когда-нибудь я вам покажу, как лягушка сама ползет к ней в пасть.

Чан тронул его за рукав.

— А вот и наша гордость, — кивнул он в сторону двух больших кобр, поселенных одна возле другой. — Немезида и Фараон. Они не могут похвастать рисунком очков, но зато это самая ядовитая из всех змей. «Королевская кобра»! «Королевской» ее называют потому, что она каждый раз предупреждает перед тем, как напасть, — он с минуту влюбленными глазами рассматривал ее отливающую матовым блеском кожу, а потом нажал на рычажок, приподнимающий заслонку. — Вот с нее-то мы и начнем.

В отличие от других отсеков, разделенных глухими перегородками, эти два сообщались между собой через некий общий вольер, довольно широкий и не ограниченный в высоту, так как его стены просто-напросто упирались в потолок. Правда, при этом вольере не было кормушки. Вместо нее в мелкосетчатом ограждении была дверь в полный человеческий рост. Ограждение выглядело как достаточно крепкое. И еще дверь имела снаружи замок.

Странно, входная не имела замка, а здесь был. Какова роль этого необычного вольера, оставалось неизвестным. Максим рискнул спросить. Оглянувшись, Чан смерил его взглядом кобры.

— А это для крупного зверя.

И растянул губы в улыбке, от которой кровь стыла в жилах. Ее Максим забудет еще не скоро, так же как и вольер.

Чан снял крышку с того, что он назвал кормушкой, приоткрыл окно в контейнере, перевернул его и осторожно вытряхнул ящерицу, следя при этом, чтобы за ней не выскользнула еще одна. Ящерица, кажется, не слишком ушиблась, упав на мягкий мох; она сразу начала осматриваться, надеясь отыскать выход для бегства, но еще не видела змеи, притаившейся за сеткой и с хладнокровной сосредоточенностью следившей за каждым ее движением.

В это время Чан уже перешел к следующему отсеку.

— Не хотите ли покормить ее сами? — он держал наготове контейнер.

Максим еще мог, чтобы успокоить дядюшку, войти в террариум, но это... это уже слишком! Заметив на его лице брезгливую гримасу, Чан только плечами пожал.

Пока он прошел весь ряд до конца, первая кобра уже заползла в кормушку и, раскрыв «капюшон», выбрасывала язычок в сторону ящерицы, от испуга забившейся в угол.

— Ну, что же ты медлишь? — подгонял ее Чан. — Чем она тебе не нравится? Возьми ее! Ну же, Немезида! Да что с тобой такое сегодня?

Словно поддавшись на уговоры, молниеносным броском кобра коснулась жертвы.

— Молодчина! — похвалил Чан. — Я же знаю, ты это любишь. Вообще-то для нее немного рановато, — заметил он как бы в оправдание. — Она у нас привыкла обедать ближе к вечеру... Ну, а сейчас, пока она не проглотила свое лакомство, возьмем у нее немного яда и отпустим на свободу.

— Яда? Она же только что выпустила свой яд, напав на эту несчастную ящерицу!

— Э нет, сэр, только самую малость. Вы, как я погляжу, совсем не знаете змей.

— Что верно, то верно, — пробурчал Максим, он бы еще прибавил: «и не хочу знать», но Чан продолжал объяснять, и все так же с большой охотой.

— Не беспокойтесь, она умеет дозировать яд. В то же время подавать ей корм в готовом виде значило бы лишить ее необходимой тренировки.

Он открыл книгу в твердом переплете, которую вынул из специального кармана, прикрепленного к сетке. Это был разграфленный журнал. На обложке значились только номер отсека и кличка, данная змее. На первой странице — запись о родоходе, возрасте и тому подобное. Остальные страницы занимал учет отбора яда. График и его исполнение. Каждая страница — новый месяц. Чан старательно заполнял все графы ровным, аккуратным почерком, сопровождая условные обозначения собственными пометками.

На одной из страниц Максим заметил жирный прочерк в графе исполнения. Минуту назад Чан с гордостью заявил, что у него никогда не бывает сбоев.

Один взгляд, и тот уже знал, о чем речь — Максим почувствовал это нутром, — но Чан пожал плечами, сделав вид, будто плохо помнит тот день, вероятнее всего, речь идет о каком-то пустяковом случае, не стоящем внимания.

— Прочерк означает только то, что я не стал у нее брать яд. Должно быть, в этом отпала необходимость.

Но от Максима не так-то легко было отвязаться.

— То есть, как это? Что же могло произойти?

— Очевидно, в тот день она его израсходовала, — расплывчато пояснил Чан.

— Как это понимать, израсходовала? Вы же сами только что сказали, что она расходует его очень мало.

— На ящерицу — да, — он начинал терять терпение.

— А что, разве кроме ящериц, бывает что-то еще? — не унимался Максим.

— Сэр, извините, — недовольно сказал Чан, вместо ответа отстраняя его и хватая палку с крючком на конце. — Я должен это сделать немедленно.

А минутой назад его словоохотливость не имела границ. У Максима складывалось впечатление, что в этом террариуме иногда происходило нечто такое, чего ему не следовало знать.

Змея, извиваясь, уже висела над кормушкой.

— Ну-ка, иди ко мне, моя милая, — ловким движением Чан схватил ее за шею голой рукой, положив указательный палец на плоскую чешуйчатую голову.

Раскрыв пасть, кобра сердито обнажила два длинных, торчащих сверху ядовитых зуба. Но она уже ничего не могла поделать. Ее хвост, которым ей бы следовало во что-нибудь упереться, этот обязательный участник смертоносного броска, беспомощно болтался в воздухе. Чан поднес ее к фарфоровой чаше таким образом, чтобы верхние зубы коснулись внутренней поверхности, надавил указательным пальцем, и по стенке зачастили капли драгоценного змеиного яда.

Этого Максим вынести уже не мог. Начхать, что скажет дядюшка. Зажимая рот ладонью, он кинулся вон из террариума, прожогом пролетел через все эти секции, мимо кобр, эф, гюрз, ни секунды передышки, пока не очутился на свежем воздухе. Тут, в кустах, его наконец стошнило.

На следующее утро Максим уже сам заставил себя протереть глаза с восходом солнца и спустя несколько минут взобрался с ногами на подоконник, прихватив электробритву и зеркальце. Воспоминание о террариуме его не тревожило. То и дело поглядывал он поверх зеркальца в сторону фикусовой аллеи, стараясь не пропустить момент, когда появится Аша. Он очень хотел, чтобы она появилась снова, как вчера.

И она появилась. Ее платье мелькнуло в просветах между листвой. Вот она выросла в полный рост возле беседки, и снова исчезла за противоположным склоном.

Максим сел на корточки, примерился и, оттолкнувшись от подоконника, спрыгнул на клумбу. Вдоль стены тянулась узенькая дорожка, выложенная плитами. Царапая руки о колючки кустарников, он дошел до угла дома и выбрался на аллею.

Уверенность покинула его, когда он вошел в беседку, с высоты которой обозревалась светлеющая поверхность моря, деревянный пирс и готовая осторожно спорхнуть с него фигурка Аши. Он спросил себя, зачем это делает, и понял, что все это не имеет ровным счетом никакого смысла.

Со стороны моря донесся тихий всплеск. Аша исчезла где-то за пирсом. Он еще постоял немного, потоптавшись в нерешительности, и повернул обратно к коттеджу.

Окно находилось слишком высоко для того, чтобы вернуться тем же путем, и он пошел в обход, через террасу. Там ему повстречался Чан, который нес в руке канистру с лейкой, наполненную удобряющим раствором для полива цветов.

— Утренняя прогулка, сэр? — осведомился тот совершенно бесстрастным тоном.

— Вот именно.

Чан смотрел вдаль, в ту сторону, откуда появился Максим. Мог ли он в этот момент видеть Ашу? Максим хотел оглянуться, чтобы это проверить, но не посмел.

Кажется, Чан ничего не заметил. Или только сделал вид?

* * *

Президент, казалось, только тем и был озабочен, что искал возможность где-нибудь накаверзничать. То он забирался на деревья и сбрасывал вниз неспелые фрукты, которые Чану приходилось потом подбирать, расхаживая с корзиной по саду. То всякий раз, когда Чан собирался куда-то ехать, влезал в машину, и начинал оглушительно визжать, когда его оттуда вытаскивали. На вопрос, почему дядюшка назвал его Президентом, тот как-то ответил: «Если сиреневая обезьяна именуется президентом, тогда почему же нельзя бурой?».

Перед приездом миссис Хептон дядюшка решил в качестве давно заслуженного наказания запереть его в подвале, а вообще-то больше для того, чтобы в ее присутствии он опять не выкинул какой-нибудь номер. Теперь Президент грустно смотрел сквозь решетку, прижимаясь к ней грудью и обхватив ее сильными лапами.

Случайно проходя мимо, Максим увидел Ашу, которая, сидя на корточках, угощала его бананами. Слов он не разобрал, она приговаривала что-то на сингальском.

Услышав шаги, девушка испуганно оглянулась. То, что это был Максим, а не кто-то

другой, кажется, ее успокоило. Правда, пока он сам еще думал, как себя повести в этот раз, ее лицо выдавало растерянность и колебание.

— Сэр, прошу вас, не говорите ничего мистеру Пулу, — она первая решилась. — Ваш дядюшка запрещает кормить Дэна, когда тот наказан. Если он узнает, я лишусь выходного, и меня не отпустят в город в эту субботу. Вы ведь не скажете? — повторила она с надеждой.

Максим тянул, поглядывая то вверх, то себе под ноги.

— А... зачем тебе выходной?

— Чтобы поехать в город, — повторила Аша тихо.

— И что ты собираешься там делать?

Она не ответила. Он настойчиво спросил еще раз.

— Здесь на целые мили вокруг ничего нет, — сказала она еще тише.

— А чего бы тебе хотелось, чтоб было?

— Колам, — подумав, ответила она.

Максим состроил недоуменную гримасу.

— А это еще что такое?

— Маскарадное представление.

Он недоверчиво покрутил головой.

— И это все?... Не может быть! Кто у тебя там? Родственники? Подруги? Парень? — закончил он, нахмурившись.

Аша захлопала ресницами.

— Сэр, я...

— Не называй меня больше «сэр». Договорились?

— Мистер... — она сама на этот раз осеклась, почувствовав оплошность и проверяя это по его глазам.

— Я помогу тебе. Кажется, меня зовут Петр, — напомнил он. — Конечно, это не совсем то, что мне нравится, сказать по правде, я бы предпочел носить другое имя, но ведь самим себе имен не выбирают, не так ли?

Она робко опустила глаза.

— Я буду называть вас так, как вы пожелаете.

Максим поморщился и прибавил разочарованно.

— Но если ты не хочешь, обращай ко мне так, как тебе больше подходит. В конце концов, мне-то ведь все равно. Это я только, чтоб тебе было удобнее, — Аша должна убедиться, что ее ни к чему не принуждают.

— Мне нужно съездить в город, чтобы сделать кое-какие покупки, — созналась она. — Я хочу купить себе новое платье. И еще заглянуть в парикмахерскую... сделать новую прическу.

— Зачем тебе новая прическа? — искренне удивился Максим.

— Затем, что такие, как у меня, сейчас уже не носят, — она боялась посмотреть ему в лицо. — А я хочу выглядеть, как все.

— Ну да? Значит, там тебя никто не ждет? И только ради этого, ради прически ты поедешь за десятки миль? И это все?

— Вам, мужчинам, этого не понять.

Его лицо осветила довольная улыбка. Ему и не хотелось ее сдерживать. Он присел на корточки, достал из корзины банан и сунул его в руку Президенту. Похоже, к тому времени Аша успела забыть и про обезьяну, и про бананы.

— Дэн хороший, Дэн славный, — похвалил он, поглаживая присмирившего шимпанзе. — Почему дядюшка не избавится от него, если он доставляет одни хлопоты? Я хочу сказать, почему он не вернет его обратно в джунгли? Насколько я понимаю, с голоду он там не умрет. И, уж во всяком случае, никто больше не посадит его под замок.

Аша присела рядом с ним.

— Его подобрали еще малышом. Поэтому он совсем ручной. Признает только людей, шипит на диких обезьян, которые иногда приближаются к вилле, он видит в них соперниц и старается отогнать от своей территории. Чувствует себя здесь хозяином.

— Насчет хозяина, это я уже заметил, — сказал Максим, припомнив все его шалости, начиная с того момента, когда он сам подъехал к дому на дядюшкином джипе.

Как раз в эту минуту сзади, с главной аллеи, послышался шум подъезжающего автомобиля.

— Наверно, это миссис Хептон. Нас могут увидеть! Скорее!

Не собираясь тратить время на уговоры, Аша схватила его за руку и потащила за угол дома. Ее тонкая, чуть влажная ладонь заставила сильнее забиться сердце.

У крыльца остановился роскошный «Кадиллак» с открытым верхом. Водитель в форменной фуражке обошел его спереди и открыл заднюю дверцу, помогая выйти даме в белом костюме, белой шляпке и белых перчатках. Похоже, возраст у дамы был преклонный, но несмотря на это ее изящная фигура вместе с такими безукоризненными манерами, о которых говорят, что они уже в крови, придавал ей неповторимую элегантность. Чан выбежал ей навстречу и придерживал дверь, пока она грациозно шествовала мимо него.

Когда все были в доме, и они могли уже не прятаться, Аша отпустила его руку, о чем он стал искренне сожалеть.

— Тебе тоже пора идти, сейчас мистер Пул станет повсюду тебя искать, — она впервые обратилась к нему на «ты»; это было приятно.

— Как там называется этот городок... ну, в который ты хотела съездить?

— Киринда.

— Киринда, — повторил он за ней. — Постараюсь запомнить.

Максим выглянул за угол: никого.

— Ну, я пойду, — сказал он, возвращая ей наполовину пустую корзину, — пока дядюшка и вправду не хватился.

Аша кивнула головой. Несколько шагов он сделал пятясь, пока не попал на аллею, затем повернулся и уже без оглядки быстро зашагал к парадному крыльцу.

* * *

В холле Максим никого не застал, тогда он сразу же пересек его и прошел на террасу. Они находились там. Миссис Хептон была обворожительна. Шляпка оказывала ей неоценимую услугу: ее поля позволяли смотреть против солнца и в то же время бросали тень на лицо, покрытое толстым макияжем. С нескрываемым интересом и приятной улыбкой развернулась она к нему, как только дядюшка вскинул руками:

— А вот и мой племянник.

Какое-то время она продолжала его изучать, Максим ловил на себе ее частые взгляды, и от этого поначалу держался немного скованно. Впрочем, скоро ей самой удалось разрушить

атмосферу неловкости.

— Петр, — сказал дядюшка, — это миссис Патриция Хептон, о которой я тебе говорил. Я знаю ее уже много лет, и поверь, что она прекрасный друг, а кроме того, миссис Хептон — настоящая леди.

— Ах, Джонатан! — заговорила та протестуяще. — Ради Бога, побереги свое красноречие для другого случая. Не обращайтесь внимания, Петр. Ваш дядюшка, как всегда, преувеличивает. Просто он мастер по части комплиментов.

Ко всему, у нее оказался подкупающе мягкий голос.

— Ну что ты, дорогая Патриция, никакими комплиментами не выразишь то, как я тобой восхищен! Кстати, я забыл сказать: не знаю, как тебе это удастся, но сегодня ты выглядишь еще лучше.

— Ах, оставь, Джонатан. Все в прошлом. Увы!

— Ну... не так уж, — чуточку сбавив энтузиазм, все же возразил дядюшка.

— Миссис Хептон, — с лукавством сказал Максим, — я очень рад, что вы к нам приехали. Дядюшка так тепло отзывался о вас. Мне просто не терпелось с вами познакомиться.

Миссис Хептон одарила молодого человека нежным взглядом.

— О, Петр! Мы с Джонатаном, как брат и сестра. И уж коль скоро он приходится вам дядюшкой, можете смело считать меня своей тетушкой.

— Хорошо, тетушка Патриция.

— Ах, тетушка Патриция, — повторила она, с ностальгической грустью повернувшись к дядюшке. — Подумать только, что когда-то все называли меня красоткой Пэтси.

Максим коварно улыбнулся.

— Если позволите, я с удовольствием буду вас называть тетушкой Пэтси.

— Джонатан, ты слышал? — глаза миссис Хептон внезапно просияли. — Это так трогательно, когда в обращении к нам молодые пользуются ласкательными именами. Кажется, у нас с тобой появился замечательный племянник.

— Патриция, ты все равно смущаешь молодого человека.

— Зато ты, Джонатан, становишься день ото дня все скучнее. Вот уже четверть часа мы здесь сидим, а ты до сих пор даже не предложил выпить. Одни пустые фразы, а так — никакой галантности! А ведь я же знаю, для хороших друзей в твоём погребеке всегда найдется что-нибудь особенное, — она заговорщически подмигнула Максиму.

— Ох, извини, Патриция. Я сейчас же скажу Аше. Не волнуйся. Это займет лишь пару минут.

В отсутствие дядюшки миссис Хептон слегка наклонилась к новоявленному племяннику.

— Петр, вас не слишком шокирует то, что какая-то старушенция вдруг сваливается прямо с неба и набивается вам в тетушки?

— Ну что вы, ничуть. Напротив, я очень хочу, чтобы вы стали мне тетушкой. Это было бы замечательно!

Тетушке Патриции не удалось скрыть, что она очарована.

— Это все потому, что у меня такое ощущение, будто мы давно знакомы. Видите ли, вы необыкновенно похожи на вашего дядюшку, когда ему было столько же лет, сколько сейчас вам.

— Кажется, мне об этом уже говорили.

— Вы напомнили мне те годы, когда и я была в том же возрасте. Понимаете? — она будто просила о снисхождении. — Самое дорогое, что у меня и Джонатана осталось в этой жизни — воспоминания. И вы сумели их оживить. Так не удивляйтесь же и не судите нас слишком строго. Если не сегодня, то когда-нибудь вы наверняка поймете нас.

Она вернулась в прежнюю позу, снова услышав дядюшкины шаги.

— О чем это вы тут секретничаете, позвольте спросить?

— О добрых, старых временах, — уклончиво ответила за обоих миссис Хептон.

Аша подкатила столик, заставленный блюдами. Максим попробовал отгадать по ее лицу, думает ли она все еще о том, что произошло у подвального окна. Но Аша избегала смотреть в его сторону. Это можно было расценить двояко: или она боится себя выдать, или же просто решила выбросить его из головы!

— Спасибо, Аша, — остановил ее дядюшка, когда она только собиралась расставить тарелки. — Ты можешь идти.

С пустыми руками, ни разу не оглянувшись, она исчезла за порогом коттеджа. Дядюшка сам разлил в бокалы красное бордо года 1949-го.

— Старое вино, старые времена, — заметил он, с явным наслаждением сделав первый глоток. — И то, и другое начинаешь ценить только с течением лет. Да, Цейлон уже не тот.

Хотя вот уже двадцать лет после объявления независимости остров именовался республикой Шри-Ланка, дядюшка не выносил такого нововведения и попрежнему называл все это словом Цейлон. Добрые, старые времена.

— Наступление цивилизации сметает на своем пути все. Взгляни, Петр, на этот океан, на этот берег, на эти пальмы, на первозданную красоту, что тебя окружает. Запомни все хорошенько. Потому что когда-нибудь здесь пройдет бульдозер, и ничего этого больше не будет. Все равно, вырастет ли на смену фешенебельный отель или будет заложен графитовый карьер. Я выбрал это место, чтобы провести остаток своих дней в тишине и покое. Потому что оно, быть может, единственное, куда еще не долетает отзвук современной индустрии. Тут пальмы достигают в высоту тридцати метров, из их древесины еще делают пергамент, а листья других используют в качестве кровли домов. Известно ли тебе, что баньян, индийский фикус, живущий в цейлонских джунглях, вполне мог быть свидетелем Рождества Христова? Здесь саванны принадлежат леопардам, джунгли — слонам, а в реках хозяйничают крокодилы пятиметровой длины. На земле тебя подстерегают змеи, скорпионы, и даже сухопутные пиявки — когда-то английские солдаты десятками погибали от них: заснув на траве, они больше не просыпались. И все-таки, что еще нужно одинокому доживающему человеку? Надеюсь, ты меня понимаешь. Укромный уголок. Райский уголок. Все, что осталось от рая.

— Джонатан, а ты помнишь, как это было, когда ты впервые притащил всех нас сюда? — увлеченно подхватила тетушка Патриция. — Мы с Генри тогда еще были только помолвлены. Генри искал укромную бухточку на индийском побережье. Он уже тогда налаживал отношения с индокитайскими контрабандистами. Мелкие суденышки вывозили контрабанду из Бирмы и Таиланда, и наоборот. Они нуждались в перевалочной базе для операций с Европой. И тогда ты предложил Цейлон. Мы отправились в плавание на яхте, которую Генри нанял в Мадрасе. Правда, в то время я и не догадывалась о его планах. Я была уверена, что он устроил эту поездку ради меня. О, какой же я была наивной!

— А как только сошла на этот берег, то сразу же заявила, что никуда отсюда не двинешься!

— Я так сказала? — удивилась она. — А я-то думала, что мне это пришло в голову позже, когда ты выплеснул шампанское в ручей, а вместо этого бокалом зачерпнул воды и протянул мне со словами: «попробуй, какая она вкусная».

— Ты еще помнишь наше путешествие на плоту?

— Разве я могла забыть? Мы связали его из пальмовых бревен, ты обещал увлекательную экскурсию...

— Так оно и вышло!

— Ну, если ты имеешь ввиду то, как, наскочив на пороги, он разлетелся вдребезг, и я чуть не утонула в бурном потоке...

— Но ведь я же тебя спас! Дорогая Патриция, ты должна быть мне за это признательна!

— Нет, вы на него посмотрите, он еще и благодарности моей добивается! Всю ночь мы провели вдвоем на каком-то диком берегу, дрожа от страха, что в любую минуту появятся хищники и разорвут нас на части!

— Ты преувеличиваешь. Нам нечего было опасаться, ведь я разжег костер...

— Ну да, спичками, которые я тебе дала. Ты даже об этом не позаботился, когда мы отправлялись в путь. Что бы ты делал, если бы не я?

— Зато я угостил тебя плиткой шоколада. И, по-моему, ты тогда призналась, что это был самый вкусный шоколад в твоей жизни.

— Потому что я была голодна, — сердито бросила миссис Хептон. — Если бы ты предложил мне жареную змею, думаю, что и в этом случае успех был бы обеспечен.

— Жаль, что тогда я этого не знал, — многозначительно заметил дядюшка.

— Ну вот еще! Тебе мало того, что с нами приключилось? Да если бы Генри не пустился поутру по нашим следам, скорее всего, от нас бы только кости и остались! И хорошенький же вид был у меня в полуистлевшем платье! Даже не в платье, потому что оно скорее стало похоже на фартук, да, именно, на фартук! Представляю, что он должен был подумать о своей невесте!

— Если бы ты не сушила его так близко к огню, оно бы не загорелось!

— А не поедь я с тобой на этом злосчастном плоту, и вовсе ничего бы не случилось!

— Патриция, но тогда о чем бы мы сейчас с тобой вспоминали?

— И то верно, — отхлебнув из бокала красное бордо 1949 года, со вздохом согласилась миссис Хептон. — Ах, Петр, вам не слишком наскучили наши разговоры? Догадываюсь, как это должно быть обременительно, выслушивать исповедь стариков! Ваше терпение уже на пределе, а они никак не угомонятся! Вы уж извините нас.

— Ну что вы, тетушка...

— Мой дорогой племянник, не стоит возражать.

Аша выкатила на террасу еще один столик. Пока она меняла блюда, Максим не раз украдкой попытался поймать ее взгляд, но Аша все так же прятала от него глаза. Зато эта игра не ускользнула от вездесущего внимания миссис Хептон. Не далее как через минуту после ухода девушки она, пробуя блюдо на вкус, на миг задержала кусочек во рту, а затем сказала:

— К этому соусу не хватает перца. Нет, приготовлен он, конечно, на славу. Но я безумно люблю острые блюда... Ах, как жаль, что Аша уже ушла. Петр, будьте так добры, окажите услугу своей тетушке.

Максим с готовностью вскочил.

— Я сейчас же принесу, тетушка.

— И проследите, чтобы он был мелко растертым. Очень мелко, — подчеркнула она.

— Не беспокойтесь, тетушка. Все будет сделано.

Дверь на кухню была открыта настежь. Аша озабоченно возилась у плиты, от которой валил густой пар. Максим подошел и оперся ладонями о посудомоечный стол, развернувшись к нему спиной, и обязательно, чтобы видеть, чем в это время занимается Аша. Его нисколько не беспокоил ее деловой вид.

— Как ты тут оказался? — спросила она, не прекращая работы.

— Миссис Хептон находит соус недостаточно острым. Он попросила меня принести перец.

Аша заглянула вовнутрь печи, где у нее пеклось тесто, затем достала горсть перечных зерен и сыпанула в машинку для помолки.

— Дольше, дольше мели, — поучительно сказал он, когда она уже собралась высыпать помол. — Я обещал миссис Хептон присмотреть, чтобы перец был тщательно перемелен.

На этот раз она удостоила его большего внимания. Он поспешно отвернулся, быстро сделав вид, словно его заинтересовал потолок.

Аша с треском поставила перед ним наполненную перечницу. Не замечая этого, Максим украдкой сунул в рот крендель из хрустальной вазы, в которой печенье разных форм было выложено симметричной мозаикой.

— Вижу, ты не слишком торопишься, — кинула она.

— Миссис Хептон нарочно это придумала, чтобы побыть наедине с дядюшкой, — он должен был сказать: «чтобы я мог побыть наедине с тобой». И поскольку Аша не ответила, то он продолжал. — Они там наперебой пустились в воспоминания. Для этого я им не нужен. Мне порой начинает казаться, что их связывало нечто большее, чем просто дружба. Ты так не думаешь?

Аша равнодушно передернула плечами.

— Вполне может быть.

— Послушай! Чем ты занимаешься, когда заканчиваешь работу по дому? Ведь у тебя бывает свободное время?

— Бывает. Я готовлюсь к экзаменам. Мне нужно получить образование. Без этого меня не возьмут на приличную работу.

— Я мог бы тебе помочь.

— Сомневаюсь. Экзамены-то на сингальском, ты и двух слов не свяжешь.

— Ну хорошо. В таком случае, быть может, просто прогуляемся? Исчезнем куда-нибудь вдвоем, как только тетушка уедет. Ты покажешь мне окрестности. Как, идет?

— Ты сказал, тетушка? Она что, тоже твоя родственница?

Шальные искорки промелькнули в глазах Максима. Знала бы, о чем спрашивает.

— Ага, тоже.

Он потянулся за следующей порцией кренделей. На сей раз она это заметила.

— Что ты делаешь? Оставь!

Она возмущенно отобрала у него вазу. Несмотря на ее протест, он со смехом вытащил печенье прямо из-под ее руки.

— Пожалуйста, этого нельзя трогать!

— Больше не буду, — пообещал Максим с полным ртом.

— И вообще, лучше уходи. У меня сейчас из-за тебя подгорит пирог!

— Так как насчет прогулки?

Она загрустила.

— Боюсь, что твой дядюшка этого не одобрит.

— Что значит, не одобрит?

— Он будет против того, чтобы мы выходили за ворота. А я не должна выходить без его ведома.

— Что еще за бред! — он так удивился, что перестал жевать. — Разве мы не свободные люди?

— Да, но... Здесь все решает мистер Пул.

— Аша, послушай. В конце концов, я его племянник и прошу тебя, чтобы ты меня сопровождала, только и всего.

— Все равно, это невозможно, — повторила она упрямо. — Мистер Пул — мой хозяин. Мы должны сначала спросить у него разрешения.

— Ну хорошо, — сдался Максим. — Черт с ней, с этой прогулкой. Мы что-нибудь другое придумаем. Что-нибудь получше. Как ты считаешь?

— Да, конечно. А сейчас тебе нужно вернуться на террасу. А то твой дядюшка подумает, что ты задержался из-за меня.

— А разве это неправда?

— Петр! — умоляюще произнесла она.

— Ты, кажется, его боишься?

— Не знаю, может быть. Не знаю. Давай отложим этот разговор на потом. Тебе пора. Вот твой перец, — она сунула перечницу прямо ему в руки, — и уходи. Пожалуйста!

Дядюшка с тетушкой очень мило беседовали. Максим успел расслышать несколько последних фраз. Кажется, только что они говорили о кино.

— Ах, Джонатан, этот эпизод ты сыграл прямо-таки блестяще! Сам Радж Капур мог бы тебе позавидовать.

— Радж Капур?! — на дядюшку что-то вдруг нашло, он рассвирепел, начал брызгать слюной и размахивать руками. — Эта обезьяна?! Ты еще сравниваешь меня с ним!

— Извини, Джонатан, я лишь хотела...

— К чему мне твои извинения! Лучше постарайся никогда больше не упоминать при мне этого имени!

— Хорошо, обещаю больше не вспоминать о нем. Успокойся, дорогой. Тебе нельзя волноваться, — она оглянулась на звук шагов и сказала, явно обрадованная. — А вот и наш Петр!

Дядюшкин гнев улетучился, как и не бывало.

— Садись, Петр, — с важностью кивнул он, указывая на стул. — Тебя долго не было. В твоё отсутствие мы успели кое-что обсудить, это касается тебя. Тетушка Патриция уверена, что в тебе скрыт незаурядный актерский талант. И я присоединяюсь к её мнению.

Максим чуть не сел мимо стула. Чтобы не выдать себя, он спрятал под скатерть внезапно задрожавшие руки. Дядюшка продолжал.

— Мы считаем, что тебе следует попробовать свои силы. Для начала, конечно, в небольшой сцене, и, мне кажется, я уже знаю, в какой. Твой дебют состоится здесь, зрителей будет немного. Можешь не беспокоиться, я тебя сам подготовлю.

Максим еще не знал, вздохнуть ли ему с облегчением или наоборот, забить тревогу, потому что дядюшка, судя по всему, втягивал его в очередную авантюру. И при этом говорил с такой уверенностью, будто его выступление на сцене было уже делом решенным. Максим

растерялся.

— Но, дядюшка... Все это настолько неожиданно. Я не знаю, что и сказать.

— А тебе и не нужно ничего говорить. Ты только попробуешь, большего от тебя не требуется. Обещаю, у тебя будет совсем простенькая роль. Почти без слов. Аша тебе подыграет. Я верю, ты справишься, если захочешь.

— Тетушка... — он обратился за помощью к миссис Хептон, но уже по ней было видно, что она на дядюшкиной стороне.

— Дорогой мой, вы обязаны это сделать, — подтвердила она. — Талант никому не позволено зарывать в землю. К тому же, вы молоды, и не каждому дана такая приятная внешность, так что, думаю, нет ни малейшей причины волноваться.

— Вы считаете, что я сумею? — спросил он упавшим голосом.

Но дядюшка и слушать ничего не хотел.

— Когда ты увидишь сценарий, то сразу перестанешь бояться. Петр, я очень на тебя надеюсь, — прибавил он, тем самым давая понять, что дискуссии не будет.

Стоя у крыльца, миссис Хептон по-родственному приложила накрашенными губами к щеке племянника.

— Нанесите мне как-нибудь визит, мою виллу вы встретите не доезжая Киринды. Я буду вам очень рада.

Дядюшка обнял ее по-братски, поцеловав в обе щеки. Он сам открыл дверцу машины.

— А мне он понравился, — шепнула она на ухо дядюшке в тот момент, когда он ее обнимал. — Он так мил и так похож на тебя.

Автомобиль описал полукруг возле клумбы с орхидеями. На прощание тетюшка еще раз улыбнулась племяннику. В ответ Максим помахал рукой. «Кадиллак» исчез за поворотом аллеи, а он так и не сумел отгадать, что же она сказала дядюшке напоследок. Он не расслышал слов, хотя по глазам догадался, что речь шла именно о нем.

Спустя полчаса после отъезда миссис Хептон Максим нашел дядюшку в библиотеке: обычно он перечитывал какие-то записи, подклеивая фотоснимки, вырезки из газет, делая пометки на полях, а в этот раз просматривал фильм — как выяснилось, со своим участием. Так вот почему дядюшка терпел у себя видеомэгнитофон! Максим собирался поговорить с ним насчет Аши, однако разговор не состоялся.

Хлопнула дверь, когда он вошел, но дядюшка даже не повернул головы. Максим понял, что его нельзя беспокоить в настоящий момент, и устроился сзади, стараясь не шуметь.

Пленка была черно-белой и очень потертой, а голоса непривычно возбужденные, почти кричащие; мелодрама пятидесятых. Молодого Пула он узнал сразу. Они и в самом деле были очень похожи. На экране дядюшке было лет двадцать пять, чуть больше, чем Максиму сейчас, но эти пять лет разницы не помешали ему сразу же уловить сходство. Сюрприз, который приготовил ему «баритон»! Это объясняло, почему он был настолько уверен, что дядюшка признает в нем своего племянника. Выбор, который он остановил на Максиме, никак не назовешь случайным. Максим еще раз подумал о том, во что обошлась «баритону» эта операция, заставившая его подняться на борт самолета Варшава — Коломбо. После этого кто бы допустил, чтобы она провалилась здесь, на берегу Индийского океана!

Красивый молодой человек в экипировке альпиниста, висящий над пропастью, пробуждал чувство восхищения и зависти. Невозможно поверить, что это был дядюшка, с одышкой поднимающийся лестницей на второй этаж собственного дома.

Соединение черт героя с привлекательной внешностью. Женщины с разбитыми сердцами на каждом шагу. Тут Максим вспомнил Нангапарбат, автографы и тетюшку Патрицию с ее предполагаемой влюбленностью в него, и тогда ему пришло в голову, что сам дядюшка, вероятно, мог бы послужить неплохим прототипом собственному герою. Быть может, такая мысль и была бы дядюшке приятна, но Максим поостерегся высказать ее вслух, не зная, как тот отреагирует на вторжение в его любовные дела.

Конец с хеппи эндом для главного героя, подслащенный, как и принято, гибелью второстепенных лиц. Изображение исчезло с экрана, и из двух дядюшек в реальном мире остался только тот, который сидел повернутый спиной. В полной тишине прозвучал его голос, показавшийся Максиму очень уж спокойным — явно не к месту.

— Ну как, тебе понравилось?

— Замечательная картина! — соврал Максим и глазом не моргнув. — Жаль только, что раньше я никогда ее не видел.

Дядюшка ничего не сказал. Молчание длилось несколько секунд, а может, и минут. Максим почувствовал себя неловко: возможно, он снова брякнул что-то невпопад?

Опираясь на подлокотники, дядюшка с трудом поднялся с кресла. Максиму так и не хватило смелости спросить о чем бы-то ни было, включая то, зачем он сюда пришел. В наступившей тишине отчетливо слышалось размеренное тикание настенных часов.

Уже посередине комнаты дядюшка вдруг остановился, скрестив обе руки на рукоятке трости.

— Однажды, это случилось на завершающих съемках, веревка, на которой я висел, и впрямь чуть не оборвалась. Знаешь, о чем я подумал в тот момент: меня беспокоило, успел ли оператор заснять дубль на пленку. Перед смертью мне хотелось быть уверенным, что

фильм, в котором я играю главную роль, все-таки выйдет на экраны.

Он вышел из библиотеки, плотно прикрыв за собой дверь и тем самым как бы разрешив Максиму оставаться в ней, сколько он пожелает.

Максим продолжал бессмысленно смотреть в темный экран. Затем, очнувшись от навеянных представлений, подошел к видеомэгнитофону и вынул кассету. На вкладыше машинописным шрифтом была оставлена надпись: название фильма и имя режиссера, до сих пор ему неизвестные. Но вот ниже, правда, уже на другой машинке, было допечатано: «В главной роли — Джонатан Пул».

* * *

Максим встал с рассветом и сразу же направился к пирсу, надеясь опередить Ашу. И правда, на пирсе никого не было. Пустынный берег еще темнел сгустками теней в розоватом оперении. Волны с тихим шелестом сонно набегали на приглаженную песчаную отмель. Он разулся и сел как можно ближе к воде, пена тотчас окатила его босые ноги. Мокрый песок ничуть не тревожил его. До пирса оставалось около ста шагов. Аша должна была заметить его с аллеи, если бы проходила мимо.

Она не заставила себя долго ждать. Он услышал, как застучали ее каблуки по утопанной дорожке, но решил не оборачиваться. Пусть подойдет сама.

Стук каблуков вдруг прекратился: значит, она его увидела и свернула с аллеи, направляясь к нему. За спиной закрипел песок. Тогда он оглянулся.

Они поздоровались, Аша, поколебавшись, подошла и села рядышком, подогнув ноги так, чтобы они не мешали придвинуться поближе.

— Я и не знала, что ты любишь встречать рассвет, — произнесла она с удивлением, и он догадался, что заработал еще один балл в свою пользу.

В лучах утреннего солнца ее загорелая кожа соблазнительно блестела с легким шоколадным оттенком. Сейчас она была еще красивее. Максиму захотелось до нее дотронуться, но он удержался и от этого искушения.

— А ты? Любишь? — спросил он, как будто не видел ее каждое утро идущей по пирсу.

Она не ответила. Тогда он снова заговорил.

— Ночью кто-то лазает по крыше. Не думаю, чтобы это был Президент.

Аша улыбнулась.

— Это летучие белки. Их полно в округе. Твой дядюшка утверждает, что они похожи на ваших летучих мышей. Не нужно их бояться. Они безобидны. Мы у самой границы национального парка. Поэтому частенько сюда заходят дикие животные: кабаны, медведи, леопарды. Но пусть это тебя не беспокоит, ограда высокая и крепкая, она их наверняка остановит. Тут мы в полной безопасности.

— А как насчет морских хищников, которые, должно быть, так и кружат у самых берегов?

Аша ответила ему в том же духе.

— Ну, если ты наловишь крабов или креветок, то я смогу приготовить на обед что-нибудь вкусненькое.

Оба замолчали, делая вид, что любуются восходом солнца. Максим первый спросил:

— Скажи, ты давно служишь у моего дядюшки?

— Третий месяц, — ответила она не задумываясь.

— Вот как! Значит, он взял тебя совсем недавно.

— Да, перед твоим появлением. Кажется, раньше в доме не было ни горничной, ни кухарки. Насколько я могу судить, до меня всю работу выполнял Чан. Но мистер Пул сказал, что скоро к нему приедет племянник, и работы прибавится. Он хотел устроить тебя как можно лучше.

— Он смотрит на меня с такой нежностью! Иной раз мне даже становится неловко, — он мог бы сказать больше, что ему не просто неловко, а порой даже страшно обманывать немощного старика, но...

— А что ты хочешь? Он одинок. Ты для него самый близкий человек, которого он был готов полюбить.

— Да, но знаешь, у меня странное ощущение. Мне кажется, он любил меня задолго до того, как увидел. Любил всегда.

— Он просто перенес на тебя чувство, которое испытывал к своему брату.

— Возможно, — ответил Максим, одновременно подсчитывая, сколько прошло лет, прежде чем дядюшка неожиданно воспылил братскими чувствами. — И все же он с причудами. Ты не находишь несколько странным то, как он окружил себя всем этим, я имею в виду дом, пластинки, видеокассеты, скажи, среди всех этих музейных реликвий есть что-нибудь более современное, чем он сам? Ни телевизора, ни телефона, ни газет, ни даже соседей, желающих посплетничать. Как будто жизнь остановилась в тот самый момент, когда он захлопнул за собой ворота своей виллы. Вместо этого часами просиживает в библиотеке, Бог весть какая ему от этого польза.

— Твой дядюшка приводит в порядок дневники на тот случай, если кто-то захочет написать о нем книгу, как воспоминание о тех временах. Покорение Нангапарбат и все такое прочее.

Максим внимательно посмотрел ей в глаза.

— Ты знаешь о Нангапарбат?

Она молча кивнула головой.

— Знаешь о втором этаже?

Она кивнула еще раз.

— Что тебе еще известно? Например, откуда у него деньги, чтобы позволить себе все это?

— Я слышала, что у него много вложений здесь и за границей. Однажды не моргнув глазом он выписал чек на пятьдесят миллионов рупий.

— Но ведь это же куча денег! Боюсь, что я не назову больше одной-двух кинозвезд, которые сорили бы деньгами с такой легкостью! — воскликнул он и задумался.

Миссис Хептон что-то упоминала о контрабанде, которой якобы пробовал заниматься ее муж. А «баритон» напрямую заявил, что дядюшка был его компаньоном. Дядюшка и мафия? Что ж, вполне возможно. Судя по всему, он был крайне амбициозным человеком. От такого всего можно ожидать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Кажется, раньше он занимался каким-то бизнесом на змеях... — Аша состроила кислую мину. — Извини. Я никогда этим не интересовалась. И вообще, хватит меня расспрашивать о твоём дядюшке. Лучше пойдем, искупаемся, — она схватилась на ноги, ожидая лишь согласия Максима, чтобы прыгнуть с пирса в просыпающееся море.

— Н-нет, я... — замялся Максим.

— Ну, вставай же! — повторила Аша.

— Мне что-то не хочется, — солгал он. — Да и вода сегодня мутная.

— Неужели? Что ж, ладно, тогда оставайся! — она весело взбежала на пирс и помахала ему оттуда рукой.

Он ответил вялой улыбкой.

Максим снова увидел, как она прыгает в воду, и услышал всплеск с противоположной стороны. После этого на него напала внезапная грусть. Обхватив колени руками, он подавленно уронил на них голову.

Когда он выпрямился, Аша была уже далеко. Зачерпнув горсть песка, Максим с ненавистью швырнул его в море, подхватил свои туфли и зашагал обратно вдоль берега, шлепая босыми ногами по воде. Ноги глубоко вязли в тине, но он упрямо шел той же дорогой, как будто назад к дому это был самый удобный путь.

* * *

За завтраком он твердо решил поговорить с дядюшкой относительно предстоящей субботы. Как правило, тот начинал разговор первым. Максим дождался, когда дядюшка спросит его, по своему обыкновению: «Ну, Петр, как твои дела?» — и, ковырнув вилкой в салате, начал как можно небрежнее.

— Разрешите мне, дядюшка, кое о чем вас попросить.

— Слушаю тебя, Петр.

— Позвольте на один день взять у вас машину. Мне нужно будет съездить в город.

— В город? — почему-то удивился тот.

— Да, в Киринду. Кажется, так он называется.

Дядюшка нахмурился.

— Сначала объясни, зачем тебе вдруг понадобилось в Киринду?

— Затем, дядюшка... что я должен себе кое-что купить, — он еще сомневался, стоит ли уточнять, но потом решил это сделать, чтобы развеять подозрения. — Например, плавки.

Дядюшке придется согласиться, что это крайне необходимая вещь. У него серьезный аргумент.

— Я бы съездил туда завтра же, — продолжал Максим. — Послезавтра воскресенье, магазины могут быть закрыты.

И тогда он поедет вместе с Ашей, потому что завтра, в субботу, у нее выходной. Дядюшка, верно, еще не успел это сопоставить.

— Н-да, — протянул он, — твоя правда, я упустил из виду, что тебе нужен гардероб. Однако... тебе вовсе не обязательно самому ехать за этим в Киринду, — он выдержал паузу, вытирая губы салфеткой.

Максим помрачнел в течение секунды. Он так все тщательно продумал, и вдруг...

— Но почему же, дядюшка?... — но тот жестом заставил его замолчать.

— Не забивай себе голову такими мелочами, как покупки. Чан обо всем позаботится, я ему скажу. Извини, что не подумал об этом раньше.

Тон был настолько категоричным, что Максим понял: оспаривать дядюшкино решение бесполезно. И потом, что тут было возразить? Максим подавленно опустил глаза в тарелку,

не решаясь настаивать, по крайней мере, сейчас.

— Ты должен меньше отвлекаться по пустякам, — снова продолжал тот, — и больше работать над собой. Кстати, как там твоя роль?

Дядюшка имел ввиду текст его роли на двух листах, который он ему накануне вручил. С того момента Максим так ни разу к нему и не прикоснулся. Он бросил его на стол не читая. Хотел сделать это перед завтраком, но под впечатлением встречи с Ашей начисто о нем забыл. Дядюшка застал его врасплох. Он прикинулся, будто у него полон рот, и усиленно задвигал челюстями. Это дало ему время обдумать ответ.

— Полагаю, что справлюсь, дядюшка.

— Ну, я в этом не сомневаюсь! Как ты ее находишь?

— Очень интересно!

Он рисковал: что, если тот спросит что-нибудь по тексту?

— Я рад, что она тебе понравилась. Так ты уже знаешь, как будешь играть? А может, ты хотел бы обсудить это со мной?

— Нет, нет, пожалуйста, дядюшка. Еще рано об этом говорить. Я пока только размышляю над этим.

Дядюшка развел руками.

— Ну, как хочешь. Однако я всегда к твоим услугам. Смело обращайся, как только появятся вопросы. И еще запомни, Петр. Актер должен любить своего героя. Любить, как самого себя. В этом весь секрет.

* * *

Проходя под окном Аши, Максим по привычке взглянул вверх. Оно было темным. Странно, куда она могла подеваться? Каждый день в это время она корпела над учебниками.

Солнце уже закатилось за вершины пальм, позолотив редкие тучки на цейлонском небе. Прямо над головой еще напоминала об ушедшем дне густая голубизна, а парк и коттедж тем временем стремительно погружались в вечерние сумерки.

Ему очень не хотелось возвращаться в свою комнату, но скоро наступит ночь, и он все равно не сможет погулять с Ашей. Придя к себе, он включил свет, взял в руки отпечатанный на пишущей машинке текст роли и, завалившись на кровать, постарался на нем сосредоточиться. Давалось это ему с трудом. Роль нагоняла на него тоску, да и вообще, по его мнению, ровным счетом ничего не выражала. Все это было скорее похоже на несколько страниц, случайно вырванных из какой-то большой пьесы. Какой именно, он пока не знал, сцена была настолько невыразительна, что с одинаковым успехом могла присутствовать в большинстве полузабытых им пьес, но сказать определенно он не мог. Тем более что в именах дядюшка, видно, не проявил особого уважения к оригиналу, как, впрочем, и особой изобретательности, имена его героев были: Петр и Аша.

И в самом деле, бред какой-то! Он с ненавистью отшвырнул это прочь. И тут же хорошенько себя отчитал. Дядюшка не потерпит такого своеволия.

Максим нагнулся, чтобы подобрать с пола разлетевшиеся в разные стороны листики бумаги, как раздался дробный, явно нетерпеливый стук в дверь.

— Мистер Шемейко! — это был голос Чана.

Максим открыл дверь. У Чана был обеспокоенный вид, за обычной неподвижностью его

лица по едва уловимым признакам он научился распознавать, когда на самом деле что-то происходило. Без малейших объяснений Чан пересек комнату, подошел к раскрытому окну и выглянул вниз, так, словно искал что-то или кого-то. Только выпрямившись и плотно прикрыв за собой обе створки, он сказал:

— Сэр, постарайтесь не выходить из дома. Это может быть опасно.

— Что случилось?

— Кто-то открыл террариум.

— Что?!

— Самое неприятное то, что мы не знаем, сколько прошло времени, и как далеко змеи могли уползти, где их искать. К тому же, в темноте они прекрасно ориентируются, а вы — нет. Поэтому послушайтесь моего совета. Здесь вам ничего не угрожает, а вот по парку лучше не разгуливать.

Максим вспомнил, что ему пришлось пережить в террариуме, и еще раз ощутил знакомую дрожь в коленях.

Чан очень спешил и сразу отправился дальше. Его шаги быстро стихли в коридоре. Упав на стул, Максим просидел неподвижно несколько минут. Внезапно он вспомнил о темном окне в комнате Аши, и снова испугался.

Он выбежал в коридор. Дом оказался пустым, лишь в окнах плясали огоньки фонарей. В дверях ее комнаты не видно было ни одной светящейся щели. Максим взволнованно постучал и прислушался. Ему никто не ответил. Он постучал еще раз: бесполезно. Тогда с ужасом он спросил себя, где она может сейчас находиться, и догадывается ли о грозящей ей опасности.

Он нерешительно вышел на крыльцо. Его трясло от предупреждения Чана. Но как же все-таки, Аша?

Два фонаря то появлялись в открытую, то ныряли куда-то, а то лишь наполовину просвечивали сквозь кусты.

Преодолевая страх, Максим осторожно ступил на середину аллеи. Свет, лившийся из окон первого этажа, еще захватывал верхний слой листвы, но внизу стояла кромешная тьма. Поначалу каждый шаг стоил ему усилий, однако затем страх начал притупляться, к тому же глаза постепенно привыкали к темноте. Он свернул на другую, совершенно темную, аллею, стараясь обойти огни стороной. Террариум, будь он неладен, остался позади. Кроны парковых деревьев закрывали звезды, рассыпанные на фиолетовом, быстро темнеющем небе. А под ними всю распоряжалась НОЧЬ.

Вскоре он понял, что забрел достаточно далеко. Почва вдруг обмякла и качнулась у него под ногами, как если бы он наступил на батут. Следовательно, он уже сошел с аллеи. Максим чиркнул спичкой. Так и есть: он стоял на толстом покрывале из мха. Он жег спичку за спичкой, но все равно не узнавал это место. Куда дальше идти? Очевидно, аллея где-то рядом. Ему нужно вернуться, и уже ни в коем случае не сходить с нее.

Внезапно где-то неподалеку хрустнула сухая ветвь. Сердце его тревожно забило.

— Кто там? — громко спросил он. — Аша?

Ему не ответили.

— Аша? — повторил он.

Пальцы перестали слушаться, ему никак не удавалось открыть спичечный коробок. Вспыхнувшее наконец пламя выхватило из темноты стволы обступивших его деревьев и приближающуюся фигуру Аши в знакомом светлом платье. Она была уже совсем близко.

Еще несколько шагов — и она стояла рядом.

— Я за тебя беспокоился, — сказал он. — Что ты тут забыла? И что это за игра в прятки?

— Мне пришлось прогнать Президента. Я вывела его за ворота и бросила в него камень, чтобы он не шел за мной. А не отвечала, так как мне не хотелось, чтобы твой дядюшка увидел меня с ним.

— Послушай, ему сейчас не до Президента. Так же как и мне. За это время кое-что случилось, — Максим взял ее за руку. — Нам лучше вернуться в коттедж, там я тебе все объясню.

Аша не слишком резко, но все же настойчиво забрала руку.

— Не нужно ничего объяснять. Я все знаю.

Ее глаза подтверждали это. Максим посмотрел на нее сердито и покачал головой.

— Ну, а если знаешь, тогда что тебя сюда занесло?

— Потому что это не кто иной, как Дэн открыл террариум и выпустил змей.

— Президент?!

— Наверно, это была месть за то, что его заперли в подвале. Но боюсь, что на этот раз все обстоит гораздо хуже. Подвалом не обойдется.

— И что же теперь?

— Мне удалось спроводить его за территорию виллы. Надеюсь, он не скоро вернется.

— Будем надеяться. Во всяком случае, больше мы ничего не сможем для него сделать — ведь так? Поэтому, я думаю, нам пора возвращаться.

Вдруг Аша сама вцепилась в его руку повыше локтя. Вслед за ней он тоже затаил дыхание. Станный звук доносился откуда-то с ветвей. Знакомый, но все равно необычный в таком месте и в такой непосредственной близости. Максимом заранее овладело неприятное ощущение притаившейся опасности.

Медленно поднял он вверх зажженную спичку. Его рука так и замерла на уровне глаз. С покачивающейся ветки, выгибая шею до горизонтального положения, свисала плоская голова кобры. Немигающими водянистыми глазами уставилась она ему прямо в лицо с расстояния около полуметра.

— Не шевелись, — произнесла Аша, почти не разжимая губ.

Но он и так замер с поднятой рукой, скованный этим гипнотизирующим взглядом. Оба не дышали. Истекали секунды, а кобра все еще раздумывала, уходить или нападать. Ее раздвоенный язычок пробовал воздух. Спичка догорала, пламя подбиралось к пальцам Максима. Сколько он еще сможет ее продержать — до того, как наступит мрак и неизвестность?

В последний момент змею что-то отвлекло. Она повернула голову — но опоздала. Резкий удар палкой по краю ветки сбросил ее вниз.

Оба с шумом вздохнули, встретившись глазами.

— Я же предупреждал вас, сэр, — напомнил Чан, — это могло плохо кончиться.

— Спасибо, Чан.

— Не нужно меня благодарить. Я работаю на вашего дядюшку.

— Все равно, я вам очень признателен.

Чан небрежно показал на кобру, распластавшуюся на земле.

— Ну-ка, бросьте ее в мешок в отместку за то, что так вас напугала.

Максим отшатнулся с гримасой недоумения и ужаса. Чан преспокойно наклонился,

голой рукой подхватил беспомощную змею и бросил себе в мешок, словно обыкновенный обрезок каната.

— Упав с высоты, она некоторое время остается парализованной и не способна причинить вред, — сказал он. — Теперь она вернется в террариум. Но вам следует все же соблюдать осторожность: тут могут быть и другие змеи, — Чан поднял фонарь высоко над головой и окинул внимательным взглядом участок, отделявший их от аллеи. — Идемте, я провожу вас.

Он закинул мешок за спину и пошел впереди, освещая путь.

На аллее они столкнулись с дядюшкой, пробуя шевелить тростью в высокой траве под кустом. Тот ничуть не удивился, увидев Максима и Ашу вместе. У него был озабоченный вид. Свет фонаря обозначал резкими тенями глубокие морщины на его лбу.

— Еще двух поймал, — сообщил Чан. — Вот, только отведу этих молодых людей, и сразу же вернусь.

— Не стоит, — глухо возразил дядюшка. — Мы только зря теряем время, они наверняка уже попрятались. Лучше возобновим поиски на рассвете, — оглянувшись на верхушки деревьев, как будто там кто-то притаился, он злобно потряс своей тростью. — Ох, попадись мне эта паршивая обезьяна!

* * *

Президент объявился снова на третьи сутки. Ему, как видно, надоели джунгли, и за давностью содеянного он рассчитывал на снисхождение.

Поначалу он влез на дерево и оттуда пытливо наблюдал, ожидая увидеть реакцию. Вероятно, она его несколько разочаровала. Все проходили под деревом, но никто так и не предложил ему спуститься. Дядюшка, тот вообще его не замечал. Тогда, чтобы привлечь внимание, он стал гарцевать на ветвях, издавая громкие гортанные возгласы. Максим сочувственно глянул вверх и только пожал плечами, как бы желая сказать, что он тут ни при чем. Обрадовавшись, тем не менее, что у него появился зритель, Президент в знак раскаяния стал жестоко лупить себя по голове.

Наконец, видя, что его упорно игнорируют, он отважился спуститься вниз. По крайней мере, никто не пытался загнать его в подвал, а это уже был все-таки прогресс.

Еще немного, и Президент окончательно потерял бдительность. Для дядюшки с Чаном настал удобный момент. Они переглянулись, Чан вытащил из укрытия пневматическую винтовку, из которой стреляли усыпляющими зарядами, и прицелился в шимпанзе.

С тех пор Максим больше его не видел.

Целый вечер в террариуме происходила непонятная возня. Иногда ему казалось, будто он слышит доносившееся оттуда жалобное повизгивание. Однако подойти и заглянуть вовнутрь он так и не решился.

Потом все как будто стихло. И только в середине ночи, неожиданно ворвавшись в раскрытое окно, его поднял с кровати пронзительный, леденящий кровь вопль Президента. Он прозвучал лишь один раз и уже не повторился.

Президент исчез. Но никто не пытался об этом заговорить. Каждый как будто что-то знал, но скрывал это от других. Максим боялся войти в террариум, но не из-за змей, которые были уже отловлены и находились в своих отсеках. У него перед глазами до сих пор стоял просторный вольер между отсеками Немезиды и Фараона, и не выходил из головы загадочный жирный прочерк в учетной книге Чана. После этой последней ночи он не хотел бы снова заглянуть в тот самый журнал.

К счастью, дядюшка за завтраком был очень задумчив и мало обращал внимания на то, что происходит вокруг. Чан в это время куда-то уехал. Слышен был только шум отъезжающего джипа.

Максим нехотя ковырялся в своей тарелке. Он предпочел бы совсем отказаться от еды, но тогда ему наверняка пришлось бы выдержать заботливые дядюшкины расспросы. Поэтому он крупными комками собирал по всей тарелке остывший рис и медленно запивал его манговым соком, лишь бы тот ничего не заметил. Закончив свой завтрак раньше его, дядюшка вытер губы салфеткой, встал и извинился, сославшись на занятость. После этого поднялся на второй этаж и заперся в библиотеке.

Проводив его глазами, Максим крепко схватил за руку Ашу и вынудил ее присесть. Сначала она попыталась вырваться, но потом передумала. Случившееся за последние сутки их заметно сблизило.

— Я не могу тут больше оставаться, — признался он. — Мне кажется, я окончательно свихнусь, если пробуду здесь еще хотя бы неделю. Все это слишком давит на меня.

— На меня тоже. Но что тут поделаешь!

— Тебе проще. Ты всего лишь прислуга, на тебя он не обращает внимания. Зато попробуй оказаться в моей шкуре. За все то время, что я здесь, мне пришлось выслушать кучу интереснейших вещей о том, что и как было когда-то. О да! Раньше все было гораздо лучше! Боюсь, что я опоздал со своим рождением на целых сорок лет!

— В этом старые люди все похожи друг на друга. Ну, постарайся же быть к нему снисходительнее.

— Черт возьми, снисходительнее! Да тут не хватит и ангельского терпения. Разве ты не видишь? Дядюшка просто не в себе. Он же не в состоянии оторваться от своих змей, старых видеофильмов и вершины Нангапарбат. Каждый день одно и то же. Словно время продолжает свой бег там, за этой стеной, а здесь... Какой у нас нынче год? Быть может, 1955-й? Меня сейчас стошнит!

— Петр, я понимаю тебя, первое время я сама чувствовала то же, что и ты. Мне хотелось убежать. Но я этого не сделала.

— Вижу, — бросил он. — И как, не жалеешь?

Она пожала плечами.

— Привыкла.

— Так значит, тебя ничего не беспокоит?

— Но я же смогла примириться. И ты сможешь, если захочешь.

— Ну уж нет! Никогда!

— Подумай, ведь он все-таки твой дядюшка.

— Аша! — он покачал головой. — Я должен уехать. Я этого больше не вынесу.

— А как же дядюшка? И ты его оставишь после того, как он потратил столько времени на твои поиски?

— Да сколько можно! Никакой он мне не дядюшка! — в сердцах бросил Максим, сам того не ожидая.

Но Аша расценила его слова по-своему.

— Да, конечно. Человек, который все эти годы для тебя просто не существовал, не может вот так, сразу, войти в твою жизнь. Но ведь он же старается наладить ваши отношения. Так отнесись и ты к нему с пониманием и сделай шаг навстречу.

Максим сделал нетерпеливое движение. Остановившись было уже поздно.

— Аша, послушай меня. Я сказал правду. Хочешь, верь, хочешь, нет. Он вовсе мне не дядюшка, а я не его племянник. На самом деле меня зовут Максим, а не Петр. Максим Чернецкий. (Она все еще непонимающе смотрела ему в глаза). Я тоже из Винницы. Но все равно я не тот, за кого вы все меня принимаете. Поверь, мне было очень неловко всех обманывать, а дядюшку в первую очередь. Но я на это пошел не по собственной воле. Меня вынудили. Впрочем, с этим покончено. И знаешь, какое это огромное облегчение: вновь стать самим собой! Фу!.. Будто камень свалился с плеч.

До нее наконец дошло. Ее темные глаза округлились, красивые брови потянулись вверх.

— Выходит, ты не Петр? — жалостно переспросила она. — Как же так?...

— Это правда, — он пожал плечами.

— Но я привыкла к этому имени.

— Отныне в нем не будет необходимости. Я твердо решил уехать.

— И ты обо всем расскажешь дядюшке?

Максим покосился на дверь, в которую тот вышел несколько минут назад.

— Пора ему узнать правду. Обо мне и о своем племяннике. Сколько можно лгать?

— Тебе известно, что с его настоящим племянником?

— Его больше нет в живых. Он... умер, — Максим передумал говорить о своем подозрении, что его просто-напросто убили.

— Тогда твоя правда будет для него большим ударом.

— Что ж. Но я так не могу дольше. Возможно, как раз потому у меня и возникло отвращение к дядюшкиным странностям, что я не тот, за кого себя выдаю. Настоящий Петр Шемейко сумел бы, наверное, справиться с этим. А вот я не испытываю по отношению к нему тех чувств, которые помогли бы мне это преодолеть. В том-то все и дело.

— Нет! Тебе нужно оправдание! — рассерженно отозвалась Аша. — Судишь исключительно с собственных позиций, другие тебя не волнуют.

Максим подозрительно нахмурился.

— Другие, это кто? Ты ведь имеешь ввиду только дядюшку?

— Конечно, кого же еще, — быстро согласилась она.

— А ты? Хочешь, чтобы я остался? — спросил он на всякий случай.

Аша возмутилась.

— Ах, вот оно что! Тебя волнуют только юбки!

— Ну да, — подтвердил он с безмятежным спокойствием. — Извини. Наверно, я действительно эгоист. Потому что в таком случае мое решение уехать остается в силе.

— Тебе еще придется об этом пожалеть... Когда ты ему сообщишь?

Максим тяжело вздохнул.

— Откровенно говоря, с детства ненавижу все эти трогательные сцены. Лучше я

оставлю ему записку. В ней постараюсь все объяснить. Затем мне понадобится твоя помощь.

— И что я должна сделать?

— Поехать со мной в Коломбо. Машину нужно будет перегнать обратно. Надеюсь, ты когда-нибудь сидела за рулем? А дядюшку я постараюсь убедить в том, что ты ничего не знала и поехала со мной против своей воли. Ну, так как?

Она пожалала плечами, дескать, что тут поделаешь, и ответила, что согласна.

— Тогда жди меня. Я приду за тобой ночью, — сказал Максим и встал из-за стола.

* * *

Протирая воспаленные глаза, он отправился спать далеко за полночь. Не раз начинал он заново письмо, адресованное дядюшке, исписал целую кипу бумаги, но вся она в клочьях валялась в мусорной корзине. Наконец составил коротенькую записку, вложил ее в конверт, заклеил и надписал сверху: «м-ру Дж. Пулу».

Затем установил будильник на наручных часах и прилег не раздеваясь, в надежде хоть ненадолго уснуть. Но из этого ничего не вышло. Ему все время казалось, будто его слепит серебристый лунный свет, струившийся сквозь окно, хотя глаза у него были закрыты, и даже лучи не попадали на лицо.

Время тянулось медленно, как никогда. Наконец, посмотрев на часы в очередной раз, он решил, что пора двигаться. Не зажигая свет, наощупь отыскал под кроватью свои туфли, взял их подмышку и на пальцах, стараясь не шуметь, выскользнул из комнаты. Во всем доме царили мрак и тишина. Касаясь рукой стены, Максим осторожно прошел длинный коридор. В холле, правда, было посветлее из-за окон.

Еще один коридор, и он оказался у двери Аши. Она открыла ему сразу же, как только он постучал. Ее кровать оставалась нетронутой. Она была готова идти за ним.

Максим показал ей, как нужно ходить, чтобы не скрипели половицы. В особенности он опасался Чана, который спал внизу, и у которого слух был, как у собаки.

Вне коттеджа они почувствовали себя значительно увереннее. Максим приподнял ставни, закрывающие въезд в гараж. Джип сумрачно блеснул гладкой поверхностью.

— Помоги мне вывести его, — попросил он. — Стань у руля и направляй, пока я буду толкать.

Максим уперся ногами в стену и, немного раскачав, заставил автомобиль сдвинуться с места. Он неумоимо толкал его до самых ворот. В это время Аша управляла рулем.

В доме попрежнему стояла мертвая тишина. Он распахнул тяжелые ворота и выкатил джип на дорогу. Месяц, с трудом пробивавшийся сквозь листву деревьев, едва освещал путь.

Вилла растворилась в темноте. Кажется, все прошло гладко. Окна оставались темные, значит, они там преспокойно спали и видели радужные сны. Максим вытер наружной стороной ладони вспотевший лоб.

Теперь можно было заводить. Он сел в водительское кресло и повозился над блоком зажигания. Наконец ему удалось соединить последнюю пару проводников. Мотор неожиданно взревел, разорвав тишину ночи. Максим испугался: не слишком ли близко от виллы? Быть может, следовало все-таки откатить подальше? Но рассуждать было уже поздно.

— Садись! Быстрее! — подстегнул он растерявшуюся Ашу и, как только за ней

захлопнулась дверца, нажал на педаль.

С захлебывающимся ревом джип понесся вдоль ухабистой проселочной дороги, стараясь объезжать зияющие впадины, но при этом то и дело врезаясь снопами фар в придорожные кусты. Максим едва успевал выворачивать руль. Их немилосердно швыряло из стороны в сторону и высоко подбрасывало на ухабах. Аша ожесточенно вцепилась в поручни. Только на шоссе она вздохнула с облегчением.

Джип уверенно преодолевал подъемы и был устойчив на крутых поворотах. В первый же день, по дороге из Коломбо, он сумел оценить эту машину. Теперь, на ровной трассе, скорость давала о себе знать только благодаря ветру, затрудняющему дыхание, и мелькающим деревьям, высвеченным из темноты. Максим ощущал себя так, словно летел на крыльях. Он забыл это чувство с тех самых пор, как обнаружил себя в «КамАЗе», набитом бухтами кабеля вместо спирта, и с чужими документами на руках.

Аша наклонилась к нему и громко спросила, стараясь перекрыть свист ветра, стоящий в ушах:

— Что ты будешь делать дальше, когда уедешь отсюда? — сильный ветер относил ее слова назад, и ей пришлось повторить фразу еще раз, чтобы он ее расслышал.

— Знаешь, что я думаю. У меня есть паспорт на имя Петра Шемейко. Я вернусь под этим именем в Винницу и все разузнаю о нем самом. И не успокоюсь, пока не буду знать, как он умер и почему. К тому же, Винница — место, где, как я полагаю, меня станут искать в последнюю очередь.

— А деньги? Это все же далековато. У тебя есть чем заплатить за билет?

Вместо ответа Максим кивком головы показал на «бардачек».

— Открой.

Удерживая одной рукой руль, другой он смахнул на пол всякий хлам, наваленный сверху. Под ним оказался бумажник, набитый выглядывавшими купюрами.

— Чан всегда оставлял его там. Ты ведь должна была это знать.

— Я знала, — согласилась Аша.

Ее скромное признание вызвало на его губах улыбку.

— Здесь не так много, но все же хватит на билет в одну сторону. А еще я думаю, что это лишь незначительная прибавка к той сумме, которую дядюшка выложил за мой приезд на Цейлон. Если же она покажется ему слишком большой, то счет все равно будет предъявлен «баритону». И в самое ближайшее время их отношения здорово испортятся.

— О ком ты говоришь?

— О том, кто кинул дядюшку, заставив меня выдать себя за его племянника.

— Эти люди опасны? — спросила она с беспокойством.

— Да, — подтвердил он вполне серьезно, — они очень опасны.

Они были уже далеко от виллы. Небо начинало светлеть. Ночь обреченно сдавала позиции. Только обступивший с обеих сторон высокий лес еще бросал тень на дорогу.

Впереди в предрассветной мгле замаячили две светящиеся точки. Это были фары встречного автомобиля. Они быстро приближались.

Максим остановил машину, собираясь расспросить о дороге до ближайшего населенного пункта по пути в Коломбо. Скользя по джипу светом фар, автомобиль резко завизжал тормозами и остановился метрах в двадцати позади них. С сиденья поднялся худощавый, полуседой человек дядюшкиного возраста, со светлым оттенком кожи. Издали окинув Максима внимательным взглядом сквозь очки в строгой оправе, давно вышедшей из

моды, он спросил раньше, чем тот успел открыть рот:

— Вы, насколько я могу судить, и есть племянник мистера Пула?

Максим подошел поближе, удивленно присматриваясь к незнакомцу.

— Как вы догадались?

— Нет ничего проще, — незнакомец кивнул в сторону дядюшкиной машины. — Это же его джип.

— Ах да, конечно, — сконфуженно произнес Максим.

— А теперь объясните: что заставило вас отправиться мне навстречу? Дядюшке стало хуже?

— Простите, что вы сказали?

— Я спросил, что с мистером Пулом? Почему вы не дождались моего приезда?

Максим стоял совершенно сбитый с толку: что было нужно от него этому человеку? Его оторопелый вид надоумил незнакомца в старомодных очках кое-что ему объяснить. Правда, теперь в его голосе появились раздраженные нотки.

— Я его врач, Алистер Мак-Раст. Вероятно, вам приходилось слышать обо мне? Так что же тут непонятного? Меня попросили срочно приехать, поскольку у вашего дядюшки начался сердечный приступ. Ведь вы отправились за помощью, не так ли?

— Приступ?! — повторил Максим растерянно. — Боже мой, я ничего не знал об этом!

— Ах, вот оно что! Ну, тогда все становится на свои места, — внезапно смягчившись, подытожил Мак-Раст. — В таком случае, вам лучше вернуться и поддержать его своим присутствием... А впрочем, не смею давать советы. Поступайте, как считаете нужным. А мне, извините, пора ехать, меня ждет больная, — и он снова сел за руль.

— Доктор! — остановил его Максим. — То, что вы сказали, с дядюшкой — это... очень серьезно?

— А как вы думаете, отправился бы я ночью, да еще в такую даль, если бы счел это пустяком?

Машина врача прокатила мимо Максима, продолжавшего отупело смотреть ей вслед. Когда она скрылась из виду, он присел на обочине и прислонился к стволу дерева. Аша не отставала от него ни на шаг. С минуту оба молчали. Он знал, что все зависит от него, но в такой ситуации нелегко принять решение. Вдруг он что-то вспомнил и с размаха треснул себя ладонью по лбу.

— Письмо!.. Господи, оно же его убьет! Скорее!

Он уже без колебаний вскочил и протянул ей руку, помогая подняться с земли, а затем повлек к машине.

— Мы возвращаемся. Необходимо вернуться до того, как Чан войдет в мою комнату. Только бы успеть!

Хлопнули дверцы. Пока они стояли, мотор продолжал работать на холостых оборотах. Перескакивая с педали на педаль, Максим виртуозно развернул джип на узком шоссе.

— А теперь пристегни ремень.

Верхушки деревьев прочертил сизо-голубой фон предутреннего неба. Он выключил фары, в них уже не было необходимости. Опережая летящий джип, с востока быстро надвигался рассвет.

Максим столкнулся с Чаном в холле. Тот нес наверх ванночку с прокипяченным шприцом, и ему пришлось не заглядывая в свою комнату сразу же вместе с ним подняться к дядюшке.

В комнате стоял удушливый запах лекарств. Дядюшка лежал на подушках, кислородная маска наполовину закрывала его лицо. Врач готовился сделать укол. Чан несуетливо помогал ему практически во всем. Кажется, у него был определенный опыт в таких делах.

Маска не позволяла дядюшке разговаривать, однако, заметив Максима, он знаком попросил его подойти поближе. Максим остановился у кровати и нерешительно взглянул на Чана.

— Вашему дядюшке будет приятно, если вы немного посидите около него, — подсказал тот. — Возьмите его за руку.

Он сделал так, как советовал ему Чан. У дядюшки была очень слабая, почти безжизненная рука. Он смотрел Максиму в лицо, по его дряблым щекам медленно катились две слезы, и Максим чувствовал себя прижатым к стене этим взглядом и этими слезящимися глазами. Мысленно он подбирал какие-то слова, но, что-бы ни придумал, от них за версту несло дешевой подделкой. Нечего было и надеяться на то, что его отсутствие, а точнее, попытка к бегству останется незамеченной. Но самое главное, он не знал, видел ли дядюшка его письмо или до этого еще не дошло.

Врачу понадобился доступ к больному, и он попросил его отойти в сторонку. Максим подчинился с большой охотой. Спустя некоторое время после того, как был сделан укол, Мак-Раст позволил дядюшке ненадолго снять маску.

— Хочешь что-то сказать, Джонатан?

— Не переусердствуй, — с трудом проговорил дядюшка. — Тебя все равно не будет в моем завещании. Только сумасшедший решится оставить собственному врачу хотя бы одну рупию.

— Снова за старую песню? Джонатан, сколько раз я должен повторять: ты не бережешь себя. Выбирай: или ты будешь меня во всем слушаться, или я отказываюсь тебя лечить.

— Чертов Мак-Раст! Ты же прекрасно знаешь, что от твоего лечения ровным счетом никакой пользы!

— Будем считать это неудавшейся шуткой, — хладнокровно ответил тот.

— Год назад ты говорил то же самое, Мак-Раст, слово в слово. Не принимай меня за идиота!

— Послушай, откровенно говоря, ты мне больше нравишься в этой маске. Впрочем, сейчас я повторно измеряю твой пульс, и если он окажется более-менее в норме, то не стану долго мозолить тебе глаза.

Максим незаметно выскользнул за дверь перед самым уходом врача. Столкнувшись с ним на лестнице, Мак-Раст тяжело вздохнул и на знакомый манер сокрушенно покачал головой.

— Он не может смириться со своей беспомощностью.

— Наверно, я бы тоже не смог.

— Только не в его положении. Он ведет себя крайне неосторожно. Я предупреждал, что кризис может наступить в любой момент. Ему бы следовало находиться в клинике, но он

упрямо стоит на своем.

— Если я правильно вас понял, мой дядюшка серьезно болен?

— Нет, вы неправильно меня поняли. Он неизлечимо болен.

— Что с ним?

Мак-Раст пожал плечами.

— Боже мой, молодой человек, когда вам перевалит за шестой десяток, вы поймете, что это такое. Старость, она всегда находит предлог.

— Да, — сказал Максим. — Понимаю.

— Тогда всего хорошего, мистер Шемейко. Постарайтесь не огорчать вашего дядюшку. Пожалуй, это единственное, чем вы сможете быть ему полезны.

Врач сошел на несколько ступенек вниз по лестнице. Максим спохватился.

— Доктор! Еще один вопрос.

Тот снова повернулся к нему лицом. Максим сделал шаг вниз.

— Каким образом вы узнали, что у дядюшки приступ?

— Очень просто, мистер Шемейко. Мне позвонил Чан и попросил срочно приехать. Почему, собственно, это вас удивляет?

— Позвонил по телефону?

— А разве существует другой способ общения на расстоянии в двадцать миль?

— Простите мне мою назойливость, но, как я слышал, телефонная линия оборвана. Два года назад прошел циклон, по вине которого это случилось. Но дядюшка велел ее не восстанавливать.

— Сожалею, но мне об этом ничего не известно. Спросите лучше у своего дядюшки, — Мак-Раст неожиданно заторопился. — Прошу меня извинить, я очень спешу. Меня ждут клиенты. Так что еще раз: до свидания, мистер Шемейко.

Сначала — шаги по рипящей лестнице, за ними — скрип входной двери. Потом наступила тишина. Вдруг Максиму показалось, что сзади кто-то стоит. Резко оглянувшись, он и в самом деле увидел Чана. Как долго тот находился за его спиной и присутствовал ли во время разговора? Однако лицо старого вьетнамца ровным счетом ничего не выражало.

— Сэр, ваш дядюшка хочет поговорить с вами.

— Хорошо, Чан. Я только загляну к себе в комнату, и сразу же вернусь.

— Нет, сэр. Мистер Пул желает видеть вас немедленно.

Максим еще раз заглянул в бесстрастные глаза Чана, и испугался. Неужто письмо-таки попало к дядюшке?

— Разрешите дать вам совет.

Его слова догнали Максима уже на пороге дядюшкиной спальни.

— Ваш дядюшка принял вас с распростертыми объятиями. Постарайтесь не обмануть его ожидания.

— Что это значит? — удивился он.

— Что если вы пренебрежете моим советом, для вас это может плохо кончиться. Очень плохо.

На Максима почему-то вдруг нахлынули зловещие воспоминания о террариуме и судьбе Президента. Хотя он и старался не принимать слова Чана всерьез, а все равно кошки скребли у него на душе, когда он входил в комнату больного.

Зато приветливость дядюшки после того, что он услышал от Чана, его попросту ошеломила.

— Входи, Петр. Садись.

Максим настороженно присел на край стула у изголовья кровати, который недавно занимал Мак-Раст.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю, мне уже лучше. Ты все слышал... Эти врачи совершенно не умеют лечить. Конечно, Алистер — мой друг, но как врач...

— Дядюшка, но если вы в нем сомневаетесь, в таком случае не стоит ли пригласить других специалистов, собрать консилиум, наконец?

— Ах, Петр, оставь. Другие ничем не лучше, уверяю тебя.

— Ну хорошо. А лечение, назначенное доктором Мак-Растом, разве оно ничего не дает?

— Вовсе нет, дорогой Петр, вовсе нет. Но это еще не означает, что, если следовать его указаниям, то в результате ты должен поправиться... Не огорчайся из-за меня, — дядюшка дружелюбно похлопал его по руке. — Как бы там ни было, а я признателен тебе за твою заботу. И поэтому не хочу портить настроение рассказами о том, что значит болеть в моем возрасте. Да и, откровенно говоря, я позвал тебя по другому поводу.

Вот оно! Сердце у Максима сжалось. Он замер, приготовившись услышать самое неприятное. Но дядюшка не изменил благодушного выражения лица.

— Я хочу знать, как продвигается твоя работа над ролью.

Это прозвучало настолько неожиданно, что Максим растерялся.

— Простите, дядюшка, но стоит ли говорить об этом именно сейчас?

— Предоставь мне решать, когда и о чем говорить! — резко оборвал его дядюшка, впервые за сегодня повысив тон. — Послушай, Петр, — добавил он уже мягче. — Неделя осталась до твоего дебюта. Я уже пригласил Алистера Мак-Раста. Приедут и другие гости. Ну что, ты меня не подведешь?... Петр?

— Как скажете, дядюшка.

Максим не придавал этому значения: впереди целая неделя, за это время столько воды утечет...

— Ну вот, так-то лучше. И не заставляй тянуть себя за язык. Надеюсь, ты отнесешься к роли со всей серьезностью.

Вдруг он еще раз подумал о предупреждении Чана.

— Да, дядюшка, обещаю.

— Замечательно. Я помогу тебе. Обращайся в любое время, не бойся меня беспокоить. Я всегда к твоим услугам.

— Спасибо. Я непременно воспользуюсь вашим предложением.

— Да, кстати, если хочешь, можешь порепетировать вместе с Ашей. Я попрошу Чана, чтобы он взял на себя часть ее обязанностей по дому. Тогда у нее появится свободное время, и она могла бы уделить его тебе. Ну, как?

Неслыханное событие! Максим задрожал от восторга, и ему даже пришлось немного потянуть, чтобы настроить себя на равнодушный тон.

— Думаю, это было бы неплохо.

На всякий случай он повторил с большим чувством, а то как бы тот не передумал:

— Да, пожалуй, это было бы очень кстати.

Кажется, дядюшка ничего не заметил.

— Значит, решено. Я сейчас же улажу это с Чаном, и с сегодняшнего дня вы начнете заниматься вдвоем.

— Спасибо, дядюшка, — совершенно искренне поблагодарил Максим. — Это действительно очень любезно с вашей стороны.

* * *

Максим переступил порог своей комнаты сгорая от нетерпения. Нераспечатанный конверт лежал на том же месте, где он его и оставил. У него сразу отлегло от сердца. Конiec беспокойству! Он взял его в руки, вскрыл, перечитал собственное признание, а затем порвал в мелкие клочья.

И снова все пойдет как прежде. Точно так же придется ему поддакивать дядюшке, разучивать какую-то глупую роль и еще одну постоянно играть самому. Вот только с Ашей он теперь сможет видаться чаще, к тому же, их сближение будет иметь законный предлог. Хоть одно это утешало. Она была его отдушиной в этом затхлом склепе, пропитанном плесенью.

Оставалось, впрочем, еще кое-что, вопрос, требующий ответа. Как Чану удалось так быстро связаться с доктором? Выходит, когда нужно, телефон мог работать?

Как раз сейчас самый удобный момент, чтобы решить эту загадку. Максим вышел за дверь и, стараясь не скрипеть ступенями, поднялся наверх. Не часто ему удавалось вот так, свободно, зайти в библиотеку, превращенную дядюшкой в рабочий кабинет. Особенно в его отсутствие: дядюшка работал там с утра до позднего вечера.

Максим прокрался почти что на цыпочках. Спальня была рядом, и он не хотел впоследствии объяснять, что ему вдруг понадобилось в библиотеке.

Телефонный аппарат стоял на своем месте. Второй такой же находился в комнате Чана. Он приложил к уху трубку: ему ответило мрачное молчание. Тогда он пошел за проводом. Тот бежал аккуратными зигзагами по стене и прятался за шкафом. Максим просунул руку в узкий проем между шкафом и стеной и порыскал там, стараясь наощупь найти его продолжение. Внезапно рука натолкнулась на выступающий предмет. Это была коробка выключателя. Максим довольно усмехнулся, предвкушая удачу.

Щелкнув выключателем, он снова поднял трубку. На этот раз в ней появился гудок вызова: телефон заработал! На радостях Максим стал напевать мелодию из репертуара Робертино Лоретти. Ну и хитрец же этот дядюшка! Он даже позабыл о том, что дядюшка лежал за стеной, только что пережив кризис.

* * *

Утром Чан постучал в его дверь и, получив разрешение войти, переступил порог с каким-то объемистым свертком подмышкой и машинкой для стрижки волос в той же руке. Максим только что закончил одеваться. Сегодня он встал позже обычного и был несколько разочарован тем, что это не Аша, явившаяся, быть может, узнать, почему он не пришел на пирс. Чан заявил с холодной непреклонностью, с которой он обычно приносил дядюшкины распоряжения:

— Доброе утро, сэр. Надеюсь, что вы уже помылись, потому что мистер Пул велел мне позаботиться о вашей прическе. А когда я закончу, вам придется надеть вот это, —

развернув, он бросил на кровать сверток, и то, что в нем оказалось, повергло Максима в ужас. — Ваш костюм для предстоящего спектакля.

Оправившись от шока, Максим подошел поближе и двумя пальцами брезгливо приподнял его за край.

— И я должен буду это на себя надеть?!

— Ваш дядюшка подбирал его сам, — холодно сказал Чан. — И он хочет увидеть вас в нем до завтрака.

Максим разжал пальцы. Костюм снова упал на кровать.

— Ладно, — согласился он убийственно спокойным тоном. — Если дядюшка так хочет, я одену.

— Спасибо, сэр.

— Вы говорите мне «спасибо»?

— Спасибо от имени вашего дядюшки.

— Ах, так.

— Да, сэр. А теперь вы мне позволите вас постричь?

— А это еще зачем? — Максима снова передернуло. — О Господи! Неужели дядюшке недостаточно того, что я согласился надеть его костюм?

Если бы не сердечный приступ, не Мак-Раст и не злополучное письмо, из-за чего ему пришлось вернуться, в настоящий момент он был бы в другой точке земного шара, за тысячи километров отсюда!

С героизмом приговоренного он уселся на стул и разрешил Чану туго обвязать себя полотенцем.

— Не беспокойтесь, сэр. У меня достаточный опыт.

— Не беспокоиться?! Да что вы? Повидимому, это шутка?

Ненавистная машинка завизжала у него за ушами. Что он там выбирает так долго, нервничал Максим, с возрастающим беспокойством поглядывая, как пол усеивают срезанные пряди волос. В затылок ударило подозрительным холодком. Может, хватит?

— Я этому научился на сапфировых приисках. Там не было парикмахеров, посыпающих тебя пудрой и освежающих одеколоном. Приходилось столько всего делать самому! Я был и парикмахером, и поваром, и даже научился разбираться в лечебных травах. Однажды вашего дядюшку искушали малярийные комары, но мне удалось выходить его всего лишь за несколько дней. Впрочем, он был не из тех, кто пускает слюни по всякому поводу. Это была сильная натура. Его энергия, его ум... Для этого человека не существовало непреодолимых препятствий.

Как ему надоели все эти воспоминания! Старательно подравняв виски, Чан наконец не без удовольствия сказал:

— Ну вот, теперь совсем другое дело, — и окутал его облаком щиплющего одеколona.

С полотенца на пол посыпались новые локоны. Почему их так много? Максим судорожно глотнул воздух.

Укладывая инструмент, Чан мельком посмотрел на часы.

— Через пятнадцать минут подадут завтрак. Прошу вас, сэр, поторопитесь.

В последний раз критически оценив взглядом свою работу, он ушел.

Максим нехотя расправил кое-как брошенный костюм. Утешения было мало. Он вздохнул и начал самоотверженно переодеваться, затапывая ногами срезы собственных волос.

В его комнате зеркала не было, если не считать карманного, которым он пользовался во время бритья. Зато огромное зеркало в полный рост украшало холл. Он подошел к нему с замирающим сердцем. Предчувствие его не обмануло: он узнал бы в его отражении кого угодно, только не себя. Перед ним стоял юноша пятидесятих годов, похожий скорее на того, который был на дядюшкиной видеокассете. На нем была блеклая льняная рубашка, длинные рукава приходилось то и дело закатывать, а они все равно упрямо не хотели держаться выше локтя. Невиданного покроя брюки на пристегнутых бретельках и пуговицах вместо молнии. Свободно висящие, широченные штанины. Еще кого-то в них можно было впихнуть.

У того парня было такое лицо, словно сам-то он считал себя нормальным, а увидев Максима, решил, что перед ним привидение. Наверное, особенно этот тип гордился своей прической. Переднюю прядь он ежеминутно поправлял, чтобы она не лезла в глаза, правда, Максиму этот жест был тоже знаком, но вот сзади... Он любил, чтобы сзади волосы оставались длинными, еще длиннее, чем спереди, а тут его рука нащупывала выстриженный затылок, и, холодея от ужаса, он пытался пальцами что-то ершить, но у него это плохо получалось.

Дядюшка поправился настолько, что с помощью Чана спускался на террасу и даже прогуливался парком, хотя много времени попрежнему проводил в библиотеке и, кажется, работал еще усерднее, потому что, например, вчерашний ужин велел принести ему прямо туда.

Впрочем, сегодня он снова завтракал на террасе и внимательно смерил взглядом Максима. Скорее всего, он остался доволен, хотя и промолчал, невозмутимо продолжая попивать сок.

Аша где-то задерживалась. Максим с тревогой косился на дверь, из которой она могла вот-вот выпорхнуть. Что-то она скажет по поводу его наряда? В нем он чувствовал себя с ног до головы настоящим огородным пугалом.

Вдруг он ее увидел. Как только она вошла, Максим едва сумел подавить улыбку. Для этого ему пришлось себя ущипнуть, причем по-настоящему.

У нее был по крайней мере такой же нелепый вид, как и у него. Старомодное платье в горошек с воротничком, застегивающимся под шею. Волосы, разделенные симметричным пробором, старательно приглажены назад и уложены полумесяцем. Как же надо было постараться, чтобы придать ей такой глупый вид? Впрочем, в этот момент его собственная оригинальная внешность точно так же, повидимому, приподнимала ее настроение, хватило бы один только раз взглянуть на его бретельки, чтобы зайтись смехом. Кажется, они действительно стоили друг друга.

Как ни в чем ни бывало, дядюшка с помощью ножа и вилки отправлял в рот крохотные ломтики запеченого с овощами рыбного филе. Максим старался смотреть только в свою тарелку. Под конец дядюшка неожиданно заговорил.

— У тебя сегодня какое-то бледное лицо. Хотя отчасти в этом есть и моя вина. Здесь ты лишен развлечений, к которым, наверное, привык... Скажи, Петр, — вдруг спросил он, — скажи, только честно, тебе не скучно со мной?

Прямой вопрос заставил Максима на миг обо всем позабыть.

— Тебя не слишком тяготит образ жизни, который я веду?

— Ну что вы, дядюшка. При том, что вы окружили меня такой заботой...

Дядюшка пригрозил пальцем.

— Вижу, вижу. Меня не обманешь. Просто тебе нужна небольшая смена обстановки.

Наверное, завтра я позволю вам с Ашей съездить в Киринду, как ты того хотел. Погуляете немного вдвоем, развеетесь. Одним словом, отдохнете от старика.

— О, дядюшка! — Максим просиял, не зная, как утаить свою радость.

— Ну вот, ты уже и повеселел... А заодно заедете к тетушке Патриции и передадите ей от меня приглашение на наш скромный праздник, я имею ввиду день, когда мы устраиваем спектакль.

У Максима появился еще один повод для улыбки, а также повод ее сдержать: хорош дядюшка, ведь для того, чтобы пригласить тетушку, достаточно было нажать на выключатель за шкафом, и дела-то всего на минуту.

— Не волнуйтесь, дядюшка. Можете на меня положиться.

Максим свернул салфетку и встал из-за стола.

— Спасибо, дядюшка, за подарок. Надеюсь, это не из-за того, что я вам стал слишком надоедать?

— Ты? Ради Бога!

— Я очень признателен вам за вашу заботу... (Тот отмахнулся). Хочу немного пройтись, — подумав, он добавил специально для дядюшки. — А затем, пожалуй, возьмусь учить роль.

Дядюшка одобрительно закивал головой.

— Конечно, иди. Тебе следует хорошенько поработать, чтобы компенсировать завтрашний день, — он снова окинул Максима взглядом сверху донизу. — Да, и вот еще что...

— Да, дядюшка?

— Этот костюм очень тебе к лицу. Не снимай, оставайся в нем.

— Сейчас ты напоминаешь Грэту Гарбо в молодые годы, — заметил Максим, оторвавшись от руля, чтобы высказать Аше этот комплимент.

Дорога бежала в двустах метрах от побережья и десяти над уровнем моря. Иногда между ними и океаном не оставалось никакой растительности, только желтоватый песок, изборожденный пересекающимися полосами чьих-то следов. Иногда пальмы заслоняли солнце, и оно начинало мигать, будто сквозь решето. Под колесами джипа стремительно пробегала асфальтовая лента шоссе. Ветер отчаянно свистел в ушах, заглушая и без того негромкий шум прибоя, лишь видны были волны, накатывающие на берег. В открытой кабине они были далеки от того, чтобы чувствовать надвигающийся зной.

Аша не собиралась оставаться в долгу.

— А ты — Элвиса Пресли. У тебя такая же челка, как у него, — она склонилась над самым его плечом, стараясь обмануть ветер.

— Нет! Я Джонатан Пул, — заявил он патетически, словно уже готовился к выступлению на сцене. — За поворотом на нас нападут гангстеры, но я оторвусь от них или сброшу в море, это уж как получится, извините, дядюшка. Жаль, что поблизости нет, хотя бы крошечной, горы Нангапарбат. На ее вершине я мог бы стоять, скрестив руки, и с презрением победителя выслушивать, как униженный враг у края пропасти молит о пощаде.

Аша укоризненно покачала головой. Он разгадал ее жест. Озорные огоньки в его глазах заслонило раскаяние.

— Ты права. Не стоило так шутить, — признался он сквозь прорывающийся смех.

— Дядюшка стар и болен, а мы смеемся над его причудами.

— Но ведь я уже сказал, что жалею об этом. Какая ты придирчивая!

— Послушай, Петр, — все так же серьезно продолжала она. — Я слышала, что сказал Мак-Раст. Твой дядюшка не протянет долго. С другой же стороны, у него не осталось родственников, кроме тебя. Когда-нибудь к тебе перейдет этот дом и все, чем он владеет. Хотя бы от этого не отказывайся!

— Аша, к чему ты клонишь? Надеешься соблазнить меня дядюшкиным наследством? Нет, послушай и ты. Меня не касается, каким путем дядюшка разбогател: вкалывая до седьмого пота на сапфировых приисках, или же сделав бизнес на торговле наркотиками. В любом случае я не имею к его деньгам никакого отношения. Кто я такой, самозванец, явившийся ниоткуда? Кстати, ты упустила из виду одно небольшое обстоятельство: я не Петр. Мне в этом доме ничего не принадлежит. Даже имя.

— Сейчас у тебя нет другого.

— Да. Меня загнали в угол. Но еще не все потеряно. Как-нибудь выпутаюсь, будь спокойна.

— Значит, все-таки уедешь?

— А что ты мне предлагаешь взамен? Деньги, которые не вернут дядюшке лучшие годы. Виллу, которая навевает лишь тоску. Вот уже две недели я заигрываю с выжившим из ума стариком, стараюсь угодить всем его прихотям, и знаешь, чего я больше всего боюсь: что придет время, когда сам превращусь в собственную мумию и буду со сладострастием погружаться в ностальгические воспоминания о тебе, о Цейлоне и об этом ужасном времени.

— Ах, Петр! Возможно, он для тебя никто, но в тебе-то он души не чает.

— Аша! — Максим нахмурил брови. — Скажи, почему, собственно, ты все время уговариваешь меня остаться? Что тебе до этого?

— Твой дядюшка... — начав было объяснять, она быстро опустила глаза.

— О нет! Только не убеждай меня снова в том, что это из-за него. Я тебе все равно не поверю. Слышишь, не поверю! — закончил он с ударением на последнем слове.

* * *

Площадь украшал фонтан, со дна которого поднимались лотосы. Их большие нежно-розовые лепестки замерли на зеленоватой глади. Фонтан привлекал полураздетую смуглую детвору, иногда гонявшую мелкие волны от края до края.

Киринда был небольшой провинциальный городок с одноэтажными домами и кривыми улочками. Свое название, надо думать, он получил от реки, в дельте которой расположился, Киринди-Оя. По крайней мере половина его жителей была знакома между собой; встречаясь на улице, они громко приветствовали друг друга на своем непонятном сингальском языке, да еще вымахивали при этом руками, слишком далекие от исполнения таких ритуалов, как, например, снятие шляпы с легким поклоном. С утра к нему тянулись повозки из окрестных деревень, в них крестьяне везли на продажу свой урожай. Рынок находился тут же за фонтаном.

Максим припарковал джип на стоянке перед входом. В ту же секунду грязный мальчишка соскочил с ветви кривого, чудно раскорячившегося дерева и прилип к машине с протянутой рукой. Сперва он подумал, что тот просит милостыню, но когда мальчишка зашел с ближней стороны, в его ладони, белой на фоне загара, оказалась морская раковина.

— Сэр, купите раковину, испытайте свое счастье! — заговорил он вдруг по-английски, хотя и с акцентом, затем, читая в глазах Максима колебание, раскрыл перед ним котомку, полную таких же раковин. — Выбирайте любую, какую хотите! Пожалуйста, сэр!

Максим сунул ему в руку монету и, прежде чем открыть раковину, предупредил Ашу:

— Кинем жребий. Будет по-твоему, если там окажется жемчужина. Будет по-моему, если ее там нет.

— Это несправедливо! — возмутилась она. — Я согласна, если сделать наоборот.

— Ну, как знаешь. Мое дело предложить, а твое — отказаться. Тогда выбросим ее в море.

Аша недовольно передернула плечами.

— Ладно. Я согласна.

Он вскрыл раковину лезвием ножа и показал ей: она была пуста.

— Будет по-моему, — подитожил Максим.

Аша насупилась.

— Но я еще немного задержусь, — прибавил он миротворчески.

Бесконечные ряды лотков были завалены крабами, омарами, креветками; рыба, привыкнув к шуму и гаму, безучастно плавала в бочке с водой; дальше тянулись горы отборных плодов манго, бананов и ананасов, зеленоватые картофелины — джекфрут и цейлонская дыня — папайя. И снова: «Мой господин, не желаете купить раковину? Вам непременно повезет!». Рядом можно было выпить сок кокосового ореха. Острым ножом,

напоминающим скорее ятаган, продавец ловко срезал верхушку и протягивал покупателю то остальное, что содержало прохладный мутноватый напиток, хорошо утоляющий жажду. Просеянные сквозь матерчатые крыши палаток яркие солнечные лучи заполняли прилавки розовым светом. Продавцов их оригинальный вид сбивал с толку, но это не мешало им наперебой предлагать свой товар.

— Мы привлекаем внимание, — озабоченно сказала Аша.

— Да нет же, им наплевать, как мы выглядим, они просто хотят всучить нам то, что нам вовсе не нужно, однако они уверены, что нам оно просто необходимо, только мы этого еще не знаем. Вот погляди, — ему стоило труда оторваться от прилавка и увлечь ее за собой. — Видишь, как они настойчиво суют нам свои манго. Скажи им, что у дядюшки они сами падают с деревьев, некому собирать.

Затем пошли ряды подельщиков, и им стали еще назойливее тыкать в лицо плетеными циновками, сумочками из крокодиловой кожи, шляпками, веревками, ковриками. Вполне можно было оглохнуть от их выкриков. Торговец сувенирной лавки, старик в белом тюрбане, похожий на скелет, поманил их к себе. На этот раз Максим решил подойти поближе, ему хотелось сделать какой-нибудь подарок Аше. На прилавке были разложены изделия из дерева, рога, слоновой кости, черепаховой пластины, маски для колама, цепочки с зубом акулы. Торговец быстро затараторил на сингальском, без устали тыча ему в руки курительную трубку необычной формы, окончание которой заменяла разинутая пасть цейлонского медведя.

— О чем он там лопочет? — поинтересовался Максим у Аши.

— Предлагает нам купить у него эту трубку. Он уверяет, будто она сделана из черного дерева и что это точная копия той, которую в свое время преподнес Иосифу Сталину английский губернатор Цейлона.

— Ну тогда ответь, что я не являюсь поклонником Иосифа Сталина. И поэтому мне не нужна его трубка, даже если она сделана из черного дерева.

Аша перевела ответ, но старик не унимался.

— Пойдем, — он тронул ее за локоть. — Иначе мы от него не отвяжемся.

Однако в последний момент торговец сунул ее в руки Максиму, и прежде чем тот успел запротестовать, замахал на него своими тощими руками.

— Что он говорит?

— Что отдает ее даром, — перевела она. — Он решил ее подарить.

Улыбаясь, тот в подтверждение закивал головой.

— Спроси у него, почему он это сделал.

Аша задала вопрос и перевела ответ.

— Он сказал, что мы ему понравились. Увидев нас, он подумал, что вернулись времена его молодости.

— Что ж, — вздохнул Максим, — надо признать, ему это удалось.

Вынув бумажник, он расплатился с торговцем, который раскланялся с просиявшим лицом, и продолжал кланяться, сколько они не оборачивались.

— Кажется, ты произвела на него впечатление, — заметил Максим, многозначительно рассматривая ее воротничок.

— Нет. Это ты сразил его наповал. Он не сводил глаз с твоих бретелек.

— Ну ладно. Не будем спорить. Мы оба выглядим так, будто сошли с учебника по истории. Но все же это не повод, чтобы отказать себе в удовольствии провести этот день, как

нам хочется.

Держась друг за друга, они выбрались из толчеи, начинавшей действовать им на нервы.

— И что нам с этим делать? — Максим недоверчиво повертел в руках трубку, сделанную, по словам старика, из черного дерева. — Хотя, по-моему, она просто покрашена.

— Я устала, — объявила Аша и потащила его к фонтану.

Они присели на краю парапета в месте, свободном от ребятишек. Которые были постарше, те поглядывали на них раскрыв рты.

— Как хорошо! Подумать только, сегодня у меня выходной! Я могу делать все что угодно. И даже не делать ничего.

— Любопытно, что это на дядюшку нашло, что он отпустил нас на весь день. Я уж думал, такого с ним никогда не случится. И это после того, как я чуть не сбежал. А может, как раз потому, что мы вернулись?

— О, Петр! — умоляюще сказала Аша. — Ты сам только что говорил... Давай не будем об этом, хотя бы сейчас. Я боюсь, что если мы начнем все сначала, то обязательно испортим себе настроение.

— Ладно, забыли, — охотно согласился он.

Склонившись над поверхностью воды, он потянулся за цветком лотоса, плававшим за его спиной. Аша успела это заметить и вовремя схватила его за руку.

— Что ты делаешь?!

Он уставился непонимающе.

— Это же священное растение! Скажи спасибо, что я успела тебя остановить!

Мимо неспеша проходил полицейский, поигрывая дубинкой и присматриваясь к ним с явным подозрением.

— Ну и порядки! Даже цветок нельзя сорвать! — возмущенно заявил Максим, не скрывая внезапно обуявшей им неприязни к полицейскому. — Пойдем лучше отсюда! Здесь нам не дадут покоя!

— Пойдем! А куда?

— Хочешь что-нибудь съесть?

* * *

Метрдотель в морской форме с изумлением наблюдал, как двое молодых людей, напомнивших ему дедушку и бабушку в этом же возрасте, подкатив на джипе к самому пирсу, вышли из него и, взявшись за руки, преспокойно зашагали по бетонированному настилу. А затем непринужденно взошли по трапу на борт старой яхты, переоборудованной под плавучий ресторанчик.

Волны слегка покачивали палубой, официанты, одетые матросами, ловко шныряли между столиками, негромко звучала музыка, воспроизводимая с пластинки. Свободных мест было не так уж и много.

— Сюда, пожалуйста, — официант привел их на сторону, обращенную к пирсу, и где поэтому было заметно, как борт то поднимается, то снова опускается вниз, и слышно, как он со скрежетом трется о сваи. — Что будете заказывать?

Вопросительно взглянув на Ашу, Максим наугад ткнул пальцем в меню, он не мог дожидаться, когда официант оставит их наедине. Перегнувшись через столик, он сообщил ей

по секрету:

— Меня больше ничего не беспокоит. Знаю, что в любой момент могу уехать, и благодаря этому чувствую себя свободным человеком.

На ее губах заиграла недоверчивая улыбка.

— А знаешь, что я об этом думаю? Пока что твою независимость обеспечивает тебе толстый бумажник дядюшки. Именно благодаря ему ты можешь с гордым видом подняться по этому трапу и, небрежно щелкнув пальцами, позвать официанта. Интересно, что ты запоешь, когда он у тебя малость поистощится?

Дядюшка! Опять дядюшка! — злясь скорее на самого себя, поморщился Максим. Дядюшка отпустил, дядюшка дал денег! Ни шагу — без дядюшки!

— Ты что, снова меня уговариваешь?

Но в ее словах отчасти была правда, и он не хотел с нею спорить.

Здесь их окружало несколько иное общество, чем то, с которым они столкнулись на рынке. Уравновешенное и несуетливое. Уверенные в себе джентльмены и дамы, знающие собственную цену. Аша забеспокоилась.

— Они на нас смотрят.

— Опять? Тебе все время что-то мерещится.

— А я говорю, смотрят. На этот раз точно.

— Ну, тогда покажи им рожки, и они отстанут. Проверенный способ. Вот так, — он приставил к вискам два согнутых пальца и сgrimасничал, повернувшись в сторону двух чопорных дам, у которых сразу после этого отвисли челюсти, и они возмущенно отвернулись.

Оба зашлись неудержимым смехом. Аша вдобавок захлебнулась глотком вина, и ей пришлось долго откашливаться.

Нависавший сверху тент защищал их от нестерпимых лучей экваториального солнца. Ветер кидал в лицо распыленные соленые брызги, которые сохли прямо на губах. Приятно было так сидеть, болтать о чем угодно, попивая аперитив.

Пластинка закончилась. Было видно, как за стеклом рубки «матросы» совещались между собой, подбирая очередной диск. В наступившей паузе к ним стали доноситься голоса с соседних столиков, до сих пор заглушаемые музыкой. Наконец в динамиках раздалось легкое потрескивание.

Максим не поверил своим ушам. Босанова! Забытая мелодия пятидесятых годов разливалась над поверхностью моря.

— Кажется, это предназначено нам, — сказал он, еще правда, не зная, как расценить свою внезапную популярность.

— Сделаем вид, будто ничего не происходит?

— Боюсь, что нам это не удастся.

Теперь они оказались в центре внимания всех, кто находился на палубе. Неожиданно для самого себя он сорвался с места и схватил ее за руку.

— Куда ты меня тащишь? — испуганно спросила Аша.

— Положись на меня, — шепнул он ей на ухо.

Они вышли на середину площадки. Максим положил обе ее руки себе на плечи, сам обнял ее за талию и увлек за собой в медленном танце по раскачивающейся палубе, подчиняясь плавному ритму старой, но пленительной мелодии. Затаив дыхание, взволнованная публика следила за ними со всех сторон, хоть и напрасно надеялась что-либо

понять. Некоторые расчувствовавшиеся пожилые дамы украдкой вытирали платочками уголки глаз.

— Представь, что в те годы эта посуда еще успешно бороздила океан, и мы могли на ней плыть, скажем, в Европу, ну или, по крайней мере, в Индию.

— Я уже представила, — мечтательно сказала Аша и коснулась подбородком его плеча.

* * *

Ливень накрыл их уже в пути. После полудня зашумела листва в кронах деревьев. Гонимые резко усилившимся ветром, тучи выростали на глазах, взгромоздившись одна на другой, черной массой они угрожающе надвигались прямо на них. Джип летел с максимальной скоростью. Они еще надеялись успеть, но небо разверзлось над ними, когда поблизости не было ни одного приличного укрытия, а автомобиль с открытым верхом было то же самое, что калоша без валенка. «Дворники» не справлялись, лобовое стекло залило потоком воды, и сквозь него не видно было дороги.

— Эй! — закричал Максим, останавливаясь у ее края и вызывающе запрокидывая голову к небу. — Там что, шлюзы открыты? Джип, это вам не подводная лодка!

Они бросили на дороге автомобиль и, держась за руки, напролом через кусты кинулись спасаться в гущу леса. В это время, надвое расколов небосвод, грозно сверкнула молния.

В лесу их встретили полумрак и тишина, озвученная только шумом дождя в перерывах между приглушенными раскатами грома. Сюда и в солнечные дни редкое пятнышко света проникало сквозь сплетенные ветви. В борьбе за выживание растения тянулись вверх. На их пути попадались засохшие деревья, задушенные обвившимися вокруг них лианами. Джунгли. Мох обильно стелился у подножий деревьев и окутывал стебли лиан. Под ногами трещали сухие сучья и шевелился мягкий мох, создающий впечатление, будто ступаешь по чему-то живому.

Под прикрытием густой листвы было все же спокойнее. Дождь проникал сюда только рикошетом. Хотя одежда насквозь вымокла, еще пока они находились в машине.

— Долго это будет продолжаться? — поинтересовался Максим, вытирая катившиеся по лицу ручейки.

Аша только пожала плечами. Когда она это сделала, он обратил внимание, что мокрое платье облегло ее тело, выпятив округлые бедра и острую грудь. Все, что нужно, у нее было на месте. Неожиданно он ощутил, как по нему прокатилась горячая волна.

— Нам следовало подождать в Киринде, — с опозданием ответила она, — как я и советовала. Но ты меня не послушал.

— И я был прав, — сказал он вдруг, поедая ее горящими глазами. Она решила, что он шутит, но он продолжал. — Разве тогда мы попали бы под такой ливень, разве нам пришлось бы выйти из машины, разве стояли бы мы под деревом, разве... — его губы настойчиво приближались, пока он не почувствовал вкус губной помады; оторвав их, он закончил фразу, — ... разве тогда мы поцеловались бы?

Его лица коснулось ее испуганное дыхание. Аша не оттолкнула его и не повисла у него на шее. Кажется, она еще разрывалась между тем, что влекло ее к нему и тем, что останавливало. Снова касаясь ее влажных щек, он почувствовал, что она вся дрожит, оставил попытку сблизиться и, только обняв ее за талию, попрежнему мягко прижимал к себе.

Волна схлынула. Теперь было нетрудно стоять и просто держать ее в объятиях. Аша окончательно успокоилась и даже повеселела.

— Наверное, дядюшка был не так уж неправ, — вдруг сказала она, меряя его взглядом. — Этот видик тебе как будто даже идет. Такой себе симпатичный щеголь пятидесятых, — она легонько прошла по его кончику носа.

— Правда? Ну, тогда должен признать, что твоя прическа тебя тоже не до конца изуродовала. Хотя...

— Что — хотя? — ее брови угрожающе взметнулись вверх.

Он нарочно тянул.

— Я бы устроил тебе хорошую взбучку за то, что ты позволяешь себе кокетничать со всякими там уличными щеголями.

— Вот как! — произнесла она с возмущением.

— Ага, — подтвердил он кивком.

— Ну что ж. Кстати, мне кажется, они ничего не имеют против того, чтобы я с ними кокетничала.

— Ты действительно так считаешь?

— Конечно. А ты?

— И я тоже.

В этот момент она чуть приподнялась на носках и быстро поцеловала его в губы.

— А теперь разведи, пожалуйста, костер. Если ты обратил внимание, одежда на мне вся мокрая.

— А как же дождь?

— Забудь, он уже прошел.

— Неужели? Так скоро? — разочарованно переспросил Максим и полез за спичками.

В кармане лежал промокший коробок. Он развел руками.

— Боюсь, ничего из этого не выйдет.

Аша огорченно вздохнула.

— Ну вот, — сказала она, расправляя складки на прилипшем платье, сквозь которое, к удовольствию Максима, проступало нижнее белье. — На кого я теперь похожа? Твоя тетушка будет шокирована.

— Моя тетушка! — застонал Максим. — О Боже! Я совсем о ней забыл!

На полу джипа собрались огромные лужи. Но им не было до них дела. Они даже не потрудились спустить лужи, образовавшиеся в ямах сидений.

Максим вставил ключ, но повернуть почему-то не провернул.

— Интересно, как же тогда они развели костер?

— О чем ты? — удивилась Аша.

— Не о чем, а о ком. О дядюшке с тетушкой. Я имею ввиду их катание на плоту. Плот рассыпался на порогах, и они были вынуждены заночевать на берегу. Но если им пришлось искупаться в реке, то тогда спички должны были отсыреть. В таком случае, как же им удалось развести огонь? Помнишь, свое платье миссис Хептон сушила уже у костра. Если бы даже им удалось высушить спички на солнце, все равно они не могли высохнуть раньше, чем платье. Тогда — как?

Аша тоже, разумеется, не знала, но пока что это мало ее беспокоило. Она вообще не могла понять, с какой стати это ее должно беспокоить.

— А очень просто, — объяснил Максим, — при условии, что они сами инсценировали

крушение.

В этот раз Аша заинтересовалась.

— Не понимаю, зачем это было нужно?

На лице Максима появилась коварная улыбка.

— А как ты думаешь, чем они там занимались всю ночь на берегу, до того как их «спас» Генри Хептон? Представь: ночь, звезды, и только двое у костра. Все яснее ясного! Тебе не кажется?

Аша зарумянилась.

— Ты потому об этом вспомнил, что мы с тобой только что целовались в лесу?

— Согласись, у нас сейчас так много общего с ними. В конце концов, они, наверное, любили друг друга.

— Но ведь... мы же только целовались.

— Да, — согласился он, вспоминая, как держал ее в руках.

— У нас больше ничего не было, — настаивала она, хмурясь.

— Конечно, — подтвердил он.

— Тогда и не нужно сравнивать.

— Хорошо, не буду, — покорно сказал он.

— И хватит это обсуждать.

— Не будем обсуждать...

— И не думай.

— Не думаю... Все? Мы можем ехать?

— Кажется, я не просила тебя тут сидеть и выяснять, что общего у нас с твоими дядюшкой и тетужкой... — бросила она сердито. — Так мы едем или нет?

Максим пожал плечами и повернул ключ. Мотор взревел, джип тронулся с места.

После дождя воздух был еще свеж и пьянил новыми ароматами. По небу носились продырявленные облака. Впереди блестел мокрый асфальт.

Короткая ветка шоссе, проложенная через пальмовую рощу, привела их на виллу тетушки Патриции. Легкий коттедж уютно прикорнул в тени тропической растительности. Темнокожий слуга в длинном ферине выбежал им навстречу, но они уже поднимались по ступенькам, и он, приняв во внимание то, как плачевно выглядели эти двое, без единого слова впустил их в дом. Если он и пожалел об этом, то только в тот момент, когда на заметил на полу полосу мокрых следов.

Тетушка, увидев их, всплеснула руками.

— И как это Джонатан догадался отпустить вас на целый день в машине с открытым верхом!

— Это наша вина, тетушка, — Максим хотел избавить дядюшку от незаслуженных упреков. — Мы задержались в городе. Нам бы следовало обратить внимание на перемену погоды.

— Ну да теперь уж все равно. Гунадаса проводит вас, вам нужно обсушиться, — присмотревшись к нему повнимательнее, она почти что прошептала. — Но какое все-таки сходство! Просто поразительно!

В окна заглядывало посветлевшее небо. «Зайчики» играли на фаянсовых статуэтках. На стене висел фотопортрет мужчины лет тридцати с черными усиками, которые, вероятно, должны были еще больше подчеркнуть его строгость. Наверно, это и был Генри Хептон. Максим спросил об этом у тетушки после того, как они снова сошлись в холле.

— Да, это он, мой покойный супруг, — ответила она, даже не взглянув на стену. — Снимок, который перед вами, был сделан в 1953 году. Я была тогда еще совсем юной леди, — она выразительно посмотрела на Ашу, словно желая сказать: вот такой, как эта очаровательная девушка.

— Когда вы познакомились с моим дядюшкой, вы ведь еще не были замужем?

Грусть по утраченному промелькнула в глазах миссис Хептон и тут же спряталась за вежливой улыбкой.

— Не желаете ли что-нибудь выпить? Коньяк, бренди? (Максим запротестовал). Тогда что-нибудь полегче?

— Нет, благодарю вас.

— Ну что ж, хотя бы чаю?

Максим не ответил, она этим воспользовалась и кивнула слуге.

— Гунадаса, будь добр, завари-ка хорошего крепкого чаю. Нам с племянником есть о чем поболтать.

Аша собралась было выйти вслед за Гунадасой, но тетушка удержала ее, дружески обняв за плечи.

— Аша, милая моя, куда же вы? Тут вы гостья, а не прислуга. Оставайтесь с нами. Уверяю вас, вы не будете никого стеснять.

Девушка смущенно присела на краешек кресла, положив на колени беспокойные руки.

— Нас познакомил Генри, — наконец ответила миссис Хептон. — Вы правы, в то время мы были еще только помолвлены. До сих пор затрудняюсь сказать, был ли это брак по любви, или скорее по расчету. Я — начинающая актриса провинциального театра, он — преуспевающий бизнесмен. Кажется, его отец был наполовину разорившимся

промышленником. Однако сыну повезло больше. У него было несколько брокерских контор на востоке, и все они давали ему хорошую прибыль. Однажды он продал свой завод в Европе и окончательно перебрался поближе к основным капиталам. Я думала, что никогда его больше не увижу, но потом он вернулся, и, как выяснилось, за мной. Он сказал, будто не может без меня жить, и в конце концов уговорил меня поехать вместе с ним. Он так страстно об этом просил, и при этом был так богат, что я не смогла устоять. Я уже видела, как купаюсь в лучах славы... А все оказалось значительно проще. Были ли мы счастливы? Я сама часто спрашиваю себя об этом. Иногда мне кажется, что да, иногда — нет. Пять лет тому назад он умер от апоплексического удара, оставив меня вдовой с двумя миллионами годового дохода. Но все уже позади. Мне за шестьдесят, и жизнь не вернуть.

Слуга подал чай на посеребренном подносе, в тонких стаканах и посеребренных подстаканниках. Здесь с уважением относились к этому напитку.

— Ох, извините, Петр, я забыла предупредить, — спохватилась тетушка, видя его замешательство. — Гунадаса, наш гость, как мне кажется, не привык к нашим традициям. Пожалуйста, принеси сахар... Мы обычно не подаем его к чаю, — пояснила она. — Чай лучше пить без сахара. Только так вы чувствуете его настоящий вкус.

— В таком случае, быть может, не стоило посылать за сахаром? Пожалуй, вы меня убедили, тетушка, — на самом деле это была всего лишь уловка, чтобы снискать ее расположение.

Стараясь не морщиться, он отхлебнул из стакана.

— Ну как, чувствуете вкус?

При всем желании ей угодить Максим понял, что следующий глоток он уже не сделает.

— Честно говоря, не уверен.

— Ничего, привыкнете, — снисходительно улыбаясь, пообещала она.

— Вы сказали, что с моим дядюшкой вас познакомил ваш муж... будущий муж?

— Это правда, его привел Генри. Он представил его как своего друга и компаньона. Потом, он ведь тоже был актером, Генри надеялся доставить мне этим удовольствие. Впрочем, Джонатан был такой блестящий молодой кавалер. И такой воспитанный... Просто не верилось, что перед вами человек, за короткий срок прошедший такой сложный жизненный путь, от бродяги до кинозвезды. Генри гордился этой дружбой. Он увлеченно рассказывал мне его историю весь вечер, а в конце признался, что ему здорово повезло, заарканить этого русского было для него такой удачей... Вскоре я могла убедиться в этом сама. Генри полностью отдался новым идеям. Джонатан к тому времени создал себе популярность благодаря Нангапарбат и кино. Его охотно принимали в высоких кругах. Это-то и нужно было Генри. Имя героя-красавца Джонатана Пула и деньги Генри Хептона, вот какой союз они заключили. Джонатан обеспечивал ему потрясающую рекламу. У них появилось несколько совместных проектов. Генри не мог нахвалиться своим новым компаньоном, он не уставал повторять, что голова его друга просто набита бесценными идеями... — тут она вздохнула. — Он являлся домой поздно и ложился спать, не зажигая свет. Если только не уезжал куда-нибудь из города. Тогда он отсутствовал неделями. Работа, работа. Всегда одно и то же. Я была для него только женой. Хотя, собственно, на что еще можно было рассчитывать, даже в тот момент, когда он упрашивал меня выйти за него замуж?

— И впереди их ожидал успех? — Максим шел к своей цели, не обращая внимания на жалобы тетушки.

— Успех? О да, безусловно. С тех пор дела Генри стремительно пошли вверх. Не скажу, чтобы это меня особенно радовало... Учитывая то, каким бизнесом они занимались.

— А что это был за бизнес, тетушка? — спросил он простодушно.

Впрочем, миссис Хептон не очень-то стремилась уберечь доброе имя своего мужа и выдавала его тайны с очевидным удовольствием.

— А на чем в наш цивилизованный век быстрее всего можно сделать деньги? Разумеется, наркотики! Змеи, которых они скупали у змееловов, были только прикрытием. Они переправляли их в Европу, Америку. Получатели, филиалы той же фирмы-отправителя, формально занимались поставкой змей в террариумы зоопарков и лабораторий по выработке яда. Но это только формально. На самом же деле они были звеном в цепи, обеспечивающей доставку кокаина. Вашему дядюшке первому пришло в голову перевозить наркотик в ящиках со змеями. Они ложили его на дно, а сверху прикрывали дерном. Какой таможенник рискнет потревожить кобру! Более надежный способ трудно было и представить, — спохватившись, она добавила как бы в свое оправдание. — Ну, сейчас это не такой уж большой секрет. Наверное, дядюшка рассказал бы вам об этом сам, если бы вы спросили. Надеюсь, милый мой, вы не особенно шокированы?

— Нет, тетушка. В общем-то, я догадывался, что свое состояние он сколотил уж никак не на «Оскарах».

Миссис Хептон понимающе кивнула головой и глотнула из своего стакана. Максим узнал все, что хотел и, оставив недопитый чай на подносе, решительно встал.

— Извините меня, тетушка, но нам пора ехать. Скоро стемнеет. Я не хочу заставлять дядюшку зря волноваться.

В глазах миссис Хептон отразилось сомнение.

— К чему извиняться, Петр, тем более что ехать-то вы не сможете, по крайней мере, вашим джипом.

— Не понимаю вас, — признался Максим, очень удивленный.

— Вы не проедете. Наверняка дождь размыл грунтовой участок дороги. Ваш дядюшка давно бы мог проложить там асфальт, но он почему-то не захотел. Вы попросту увязнете в глине.

— Что же, в таком случае, делать? — растерялся Максим. — Ведь он даже не знает, где мы.

— Успокойтесь. Слава Богу, есть еще один путь: морем. Гунадаса отвезет вас на катере.

— И то правда. Я совсем забыл о такой возможности, — признался он, краснея.

* * *

Задрав кверху нос и оставляя позади себя широкую пенистую полосу, катер уверенно врезался в морскую гладь. Брызги, прорывавшиеся за лобовое стекло, усеивали лицо и руки, открытые до локтей. Сильный встречный ветер мгновенно забивался в рот, как только кто-то из них пробовал что-нибудь сказать. Поэтому они переговаривались с помощью жестов. Одной рукой Максим обнимал Ашу, а другой увлеченно показывал ей то то, то это на берегу. Издали тот выглядел просто игрушечным. Хотя за кормой яростно бурлила морская вода, и кильватерные волны, помеченные пеной, убегали назад в считанные секунды, глядя на берег, можно было подумать, будто они прикованы к одному и тому же месту. Рыбацкие деревушки

затаились в гуще деревьев. Если бы катамараны, выгашенные на песок, не выдавали их присутствие, берег показался бы совершенно безлюдным. Дальше и в самом деле неприступный мангровый лес завладел побережьем. Стволы деревьев торчали прямо из воды, обманывая кажущейся близостью суши.

Дядюшкина вилла выросла неожиданно там, где поначалу вроде бы ничего и не было. Катер изменил курс на несколько румбов и сбросил скорость. Мотор чуть слышно тарахтел, пока Гунадаса, заставляя петлять между прячущимися рифами, вел его к берегу. Первой блеснула в закатных лучах черепичная крыша дома. Затем они увидели пирс и движущуюся по направлению к нему фигуру человека. Дядюшка не расставался с тростью, значит, это мог быть только Чан.

Катер тернул бортом о деревянный столб. Чан закрепил брошенный ему конец каната и помог обоим по очереди взойти на пирс. Несмотря на преклонный возраст, силы ему хватало.

Они сошли с пирса. Прибрежный песок размок после дождя и превратился в глину. Тетушка была права, они могли застрять где-нибудь на полпути.

Чан не проронил ни слова, даже не заикнулся по поводу их опоздания, и ушел вперед. Максим обратил внимание на окна коттеджа: несмотря на сгустившиеся сумерки, света нигде не было видно. Ни в библиотеке, ни в дядюшкиной спальне. Это его удивило.

Он мигом взлетел по ступенькам на второй этаж. Спальня была пуста. Тогда он переступил порог библиотеки. Дядюшка был здесь, в полутьме. Он полулежал в кресле, беспомощно свисающая рука уронила на пол толстую тетрадь, голова запрокинута, рот приоткрыт. Затаив дыхание, Максим дрожащей рукой отыскал выключатель. Яркий свет залил комнату.

Вдруг дядюшкина рука дернулась, и он приоткрыл глаза, чтобы тут же прищуриться от света ослепившей его люстры.

— А, это ты, Петр. Кажется, я немного вздремнул. Подойди сюда.

Максим не хотел, чтобы дядюшка догадался, о чем он думал минуту назад.

— Я здесь, дядюшка, — ответил он по возможности ровным голосом.

Тот успел привыкнуть к свету и схватился за трость. Максим помог ему встать на ноги.

— Ну что, как там твоя поездка, ты доволен?

— Спасибо, все хорошо, дядюшка.

— А как поживает тетушка Патриция?

— Выглядит замечательно. Просила передать, чтобы вы скорее поправлялись.

— Со мной все в порядке, — рассерженно отмахнулся дядюшка. — Она ошибается, если рассчитывает увидеть меня на больничной кровати. Если мне и суждено умереть, то уж лучше я это сделаю стоя.

Максим нагнулся, чтобы подобрать с пола оброненную им тетрадь. Прежде чем вернуть ее дядюшке, он успел взглянуть на обложку. Тетрадь была подписана лишь двумя датами, обозначавшими период. Кажется, 1962 — 66 г.г.

— Спасибо, Петр, — дядюшка спрятал рукопись в толстенную папку с коленкоровой обложкой, папку, в свою очередь, бросил в ящик письменного стола, на два оборота провернул ключ и опустил его в свой карман.

Утро вновь было солнечным. Разбуженный его розовым сиянием, Максим вскочил с постели, помня только о том, что уже через несколько минут ему предстоит морское купание вдвоем с Ашей. Впрочем, солнце успело взойти высоко, она давно могла быть там. Он перемахнул через подоконник и стал пробираться прижимаясь к стене, подальше от колючек, норовящих вцепиться в его рубашку.

Аша стояла на том же месте, на пристани, готовая спрыгнуть в воду. Увидев его поднявшимся на пирс, она отступила от края и замерла в ожидании. Он подошел с намерением ее поцеловать, но она опасно покосилась на окна коттеджа и увернулась от поцелуя. Максим скорчил кислую гримасу.

— Ну и что, пусть бы увидели, мы же только репетируем. Разве герои дядюшкиной пьески ни разу не целуются?

— По-моему, нет.

— Неужели? Тогда это большое упущение.

— Вот и намекни о нем своему дядюшке. Думаю, у тебя получится, к тому же и без репетиций.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что у тебя большой опыт. Разве нет? — она взглянула на него из-под приставленной ладони, закрываясь ею от солнца.

Но Максим ничуть не повеселел, вопреки собственным ожиданиям. С угрюмым видом он сел на дощатый настил.

— Что с тобой? — Аша удивленно наклонилась над ним.

Тогда он признался.

— Я скорее повешусь, чем стану играть в этом идиотском спектакле!

— Какие глупости! — фыркнула она. — Все в твоих руках. Даже в самой плохонькой пьесе актер всегда актер! Сказать по правде, я давно мечтала попробовать себя на сцене. Это так интересно!

— Да? Ну вот ты бы и развлекала публику, а я-то здесь при чем?

— Ну что ты, в паре мы будем отлично смотреться. Послушай, неужели это так трудно, выйти на сцену и произнести каких-нибудь два слова?

Максим покачал головой.

— Дело не в этом. Скажи: кого я должен играть? Я совершенно не знаю своего героя, кто он, что из себя представляет. Им может оказаться беспутный студент, которому состоятельный папаша регулярно высылает кругленькую сумму на карманные расходы, а он проматывает все до последнего в кабаках, да еще и остается должен. Это может быть кто-то, кому повезло меньше, кто зарабатывает на жизнь мойкой посуды после таких вот избалованных сынков, но он твердо знает, чего хочет, и знает, что добьется. А вдруг это робкий юноша, скромный, незаметный, одним словом, тихоня, которого только что послали в соседнюю булочную с монетой, зажатой в кулаке?... О чем он думает в тот момент, когда встречает эту девушку? Вариант первый: «Вот незадача! Взятся провожать на свою голову, теперь от нее не отвяжешься!». Вариант второй: «Она мне определенно нравится, но как ей об этом сказать?». Или, например, так: «Хватит ли у меня денег, чтобы снять номер в каком-нибудь дешевом отеле на пару часов?».

Аша терпеливо выслушала его, и пожала плечами: лично она не видела тут никаких проблем.

— А ты всего лишь представь, что ты, это — ты, а я, это — я. Попробуй быть самим

собой. Это же проще простого.

— Если бы я был самым собой, — вдруг напомнил он ей, — то не сидел бы сейчас в этой дыре с полоумным дядюшкой и...

— И еще кем?... — возмущилась она. — Ах, значит, тебе уже не нравится мое общество? Ну, так и оставайся один!

Она взмахнула руками и, оттолкнувшись от пирса, упала в воду прямо у него под носом. Брызги полетели во все стороны. Но она постаралась шлепнуться так, чтобы они его задели.

— Ну, погоди у меня! Вот я тебе сейчас покажу!

Максим вскочил и сорвал с себя одежду. Аша успела отплыть подальше и вызывающе дразнила его из воды. Примеряясь к прыжку, он топтался на краю пирса. У него были смешные раскрывающиеся плавки из жесткой материи со шнурками, которые завязывались на бедре. Современники дядюшки Джонатана одевали их прямо на пляже. Возможно, при других обстоятельствах он и почувствовал бы себя не слишком уютно, но сейчас Аша была затянута в старомодный пуританский купальник, закрывающий талию, и это выравнивало счет.

Он прыгнул с разбега и догнал ее в несколько рывков. Вода была чистая, прозрачная и словно сама просила о том, чтобы ее замутили. Аша с визгом заслонила ладонями от потока брызг.

— Уйди от меня! Оставь меня в покое!

Насладившись мстостью, Максим еще немного для остротки хищно покружил вокруг и вернулся на пирс. Присев на краю, он стал следить за нею, как ястреб за добычей. Аша устало подплыла к пирсу и в полном изнеможении обняла опорный столб. Тут сердце ястреба дрогнуло. Он протянул руку и в один миг вытащил ее наверх.

Они сидели в самом дальнем конце, лицом к океану. Солнце слепило глаза, но пока не очень резко. Его лучи всего лишь ласкали. Ветер на этот раз был слишком слаб, чтобы соперничать с ними.

— Ты умеешь нырять? Там, на дне, что-то лежит, — вдруг объявила Аша.

Максим наклонился вперед и выглянул за край. На глубине отсвечивал желто-зеленый песок. Сваи, на которых держался помост, искривлялись сквозь призму воды. Он подозрительно покосился на нее.

— Кажется, я понял тебя. Ты ждешь, когда я развешу уши, и в этот момент столкнешь меня туда, — он ткнул пальцем вниз.

Но она энергично замотала головой.

— Я не обманываю. Там действительно что-то лежит. Я давно заметила, еще когда тебя тут не было.

— Но там ничего нет.

— А я говорю, есть, — настаивала она. — Вот только я не могу так глубоко нырнуть. Меня сразу выталкивает на поверхность. А ты можешь достать до дна?

Он состроил презрительную гримасу.

— Разве ты не обратила внимание, что я хорошо плаваю?

Аша промолчала. Тогда Максим встал на ноги.

— Ну ладно, только чтобы доказать тебе...

Он потоптался для разминки, и стрелой упал в море. Волны пошли кругами от того места, где он исчез.

Он погружался, ощущая над собой толщу воды. Дно, казалось, было уже совсем близко,

стоило лишь протянуть руку. Но это был обман зрения. Он опускался все ниже и ниже, а оно никак не приближалось. Внизу его встретило холодное течение. Глубина давила на барабанные перепонки, стало труднее двигаться, да и кислорода в легких начинало нехватать, но наверху ждала Аша. Вдруг Максим заметил, что бугор на дне, который он поначалу принял за обычный камень, поросший водорослями, имеет правильные очертания. Несколько рывков, и он бы дотянулся до загадочного предмета, но на этот раз легкие сдавила непреодолимая спазма, и тогда он, уже теряя воздух, метнулся на поверхность.

С минуту он отдыхал, повиснув на поперечных перекладинах пирса. Аша, до сих пор выглядывавшая его, стоя на коленях, подползла к нему поближе с сочувственным выражением.

— Бедненький... Я совсем не хочу, чтобы ты утонул. Давай бросим эту затею. К тому же, у нас мало времени. Я должна успеть приготовить завтрак. Твой дядюшка не любит опозданий.

Максим смерил ее уничтожающим взглядом.

— Думаешь, не достану? Сейчас увидишь.

Он сделал полный вдох и снова ушел под воду. Минутой спустя он вынырнул, жадно глотая ртом воздух. Его руки были заняты чем-то тяжелым. Он стал ногами на балку, и тогда Аша увидела, что это было: старый, почерневший от влаги аккордеон, со следами налипшей тины и обрывками водорослей. Она помогла вытащить его наверх. Из разорванных мехов потоком хлынула вода.

В два прыжка Максим взобрался на пирс, и вдвоем они взялись изучать находку. Интересно, сколько времени он тут пролежал. Модель как будто не новая. А с другой стороны, если счистить... — он царапнул ногтем по медной окантовке, — медь не успела глубоко окислиться.

— Как он тут оказался?

— Его выбросили прямо с пирса. Это же очевидно.

— Но почему? — у Аши рот не закрывался от удивления.

— Я и сам хотел бы это знать, — пробормотал Максим, ворочая им так и этак.

На торце, как ему показалось, была какая-то шероховатость, которую он чувствовал пальцами и которая, вероятнее всего, не появилась в этом месте случайно. Она напоминала... Он схватил сандалию от дядюшки Джонатана и стал усердно тереть подошвой о медную обивку аккордеона, счищая налет. Вскоре под ним блеснула огненно-оранжевая медь. Максим отбросил сандалию и с жадным нетерпением развернул инструмент к солнечному свету. Он оказался прав, это была гравировка, надпись, сделанная в одну длинную строчку. В углубления, оставленные буквами, забились грязь. Только благодаря этому она была еще лучше видна, черная надпись на огненном фоне:

«Дорогому Петру от любящего дядюшки»

* * *

— Как! Значит, он тут был?!

— Кто? О ком ты говоришь? — напуганная его видом, переспросила Аша и заглянула через его плечо, торопясь узнать, что там написано.

— О настоящем Петре Шемейко! — Максим схватился за голову и полубезумными глазами посмотрел в сторону коттеджа.

Сосредоточенно сдвинув брови, Аша прочла дарственную надпись.

Максим раскачивался взад-вперед, стоя на коленях. Наверное, тогда, на шоссе между Медыкой и Пшемыслом, перед штабелями кабельных бухт, впервые увиденных, это было то же самое.

— Петр Шемейко! Однажды он здесь уже побывал. Здесь, на Цейлоне, на этой вилле. Ах, дядюшка! Что же все это значит? Зачем вам нужно было притворяться?

— Петр, послушай...

— Петр?! О нет, не называй меня этим именем! Все до единого знают, что я самозванец, и все старательно притворяются друг перед другом, словно им ничего не известно! Похоже, я сейчас окончательно свихнусь!

— Ну хорошо. Мне все равно, как тебя называть. Только вот что ты собираешься теперь делать?

— Ох, Аша! Если бы я знал!

— А тебе не важно мое мнение?

— Твое?... Ладно, я тебя слушаю, — согласившись, он это произнес как-то рассеянно.

Она ничего не заметила и собралась с духом.

— С той первой минуты, когда я увидела вас вдвоем, поняла, что твой дядюшка по-настоящему счастлив. Я уверена, что это было искреннее, неподдельное проявление чувств. Думаю, что и ты со мной согласишься. Понимаешь, он видел, что ты не Петр — но это ничего не изменило. Он любит тебя так, как если бы ты на самом деле был его племянником. По-моему, все наоборот, складывается на редкость удачно. Тебе больше не нужно бояться разоблачения, коль скоро дядюшка и так знает правду. На твоём месте я бы... — Аша повернулась к нему лицом и вдруг поняла, что мыслями он далеко от нее; его отсутствующий взгляд бродил все там же, около дома. — Ты меня не слушаешь? — она покраснела, потому что это было правдой.

Вместо ответа Максим увлеченно схватил ее за руку.

— Знаешь, кажется, я нашел способ докопаться до истины! (Аша не скрывала того, что она разочарована, так же как не скрывал и он, что его не обходит, согласна она с ним или нет). Дядюшкины дневники! Нам придется заглянуть в них, для того чтобы выяснить, что же на самом деле произошло. К сожалению, нельзя даже приблизительно сказать, как давно аккордеон выбросили в море, а тем более в каком году он был подарен, дата, как видишь, отсутствует. Это порядком усложняет задачу. Но я не вижу другого пути. Заглянуть в прошлое... — задумчиво повторил он. — Мне казалось, я никогда этого не сделаю.

Аша возмущенно вырвалась из его рук и выпрямилась во весь рост.

— Что?! И ты хочешь, чтобы я помогала тебе рыться в его дневниках? Да никогда в жизни! Можешь на меня не рассчитывать! — она сделала шаг к выходу, но потом добавила, с чувством досады. — И вообще, я начинаю думать, что зря мы подняли со дна этот чертов аккордеон. Без него было намного спокойнее.

Подобрав на ходу свое платье, она быстро зашагала к дому в одном купальнике. Глядя вслед ее удаляющейся фигуре, Максим словно только теперь очнулся.

— Аша, куда ты? Вернись, Аша!

В последующие несколько дней землю от души поливали обильные дожди. За плотной полупрозрачной завесой едва проглядывал размытый горизонт. С карнизов лилось без устали. Дождевая вода широкими ручьями стекала в море.

С суши они были отрезаны окончательно, а собственного катера или хотя бы лодки дядюшка не имел. И, как видно, его ничуть не беспокоило отсутствие сообщения с внешним миром. Теперь, если бы Максим решил уехать, по крайней мере в ближайшую неделю это оказалось бы невозможным.

Ему пришлось постараться, чтобы дядюшка не заметил в нем никакой перемены. Если тот хотел, чтобы он стал актером, то он стал им уже дважды: во-первых, когда назвался Петром Шемейко, и во-вторых, когда понял, что его таковым здесь не считают. Впрочем, встречались они главным образом только за столом. Там можно было уткнуться в тарелку с самым деловым видом. Только внимание Чана иногда еще вызывало в нем тревогу. За его ровным отношением нет-нет, да мелькнет подозрительный огонек, и Максим начинал подумывать, не выдал ли он чем-то себя.

В один из этих дождливых дней после завтрака дядюшка неожиданно пригласил его пройти вместе с ним в библиотеку. Теряясь в догадках, Максим переступил порог комнаты, ставшей самой недоступной именно потому, что дядюшка из нее почти не выходил.

Торжественный вид дядюшки смутил его еще больше и одновременно успокоил насчет неприятностей.

— Петр, — сказал он, — если ты думаешь, что я забыл о твоём дне рождения, то ты ошибаешься. Прими мои поздравления вместе с наилучшими пожеланиями.

Затем он его обнял, а Максима чуть не хватил удар. День рождения! И чей — Петра Шемейко! Если бы не аккордеон, все еще, может быть, и сошло бы за чистую монету.

— А в доказательство, вот тебе мой подарок.

Дядюшка взял со стола трубочку длиной сантиметров тридцать. Только подержав ее в руках, Максим понял, что это была свирель. Дядюшка сам прокрутил ее в его ладонях таким образом, чтобы стала видна дарственная надпись.

«Дорогому Петру от любящего дядюшки».

Слово в слово! На этот раз Максиму действительно понадобилось все его самообладание. При этом он боялся посмотреть дядюшке в глаза, а тот решил, видимо, что он расчувствовался.

— Петр! — дядюшка привлек его к себе, бережно обнял, да еще похлопал по спине. Все по-настоящему. Уткнувшись носом в его плечо, Максим уловил знакомый запах одеколона. — Я так рад!

Наконец он выпустил его из объятий. Максим сделал вид, будто заинтересован подарком.

— Ну, что ты на это скажешь? — у самого дядюшки было очень довольное лицо.

Все так же не поднимая глаз, Максим с сомнением пожал плечами.

— Не знаю, дядюшка. Я никогда не пробовал играть на свирели.

— Ничего страшного. Я сам тебя научу. Кстати, я подумал, что мы это сможем использовать в твоём спектакле. Недавно мне пришла в голову одна замечательная мысль.

С Чаном они встретились на лестнице. Тот поднимался к дядюшке и, заметив в руке у

него свирель, обо всем догадался.

— Сэр, примите также и мои поздравления. Мы все очень рады. Сегодняшний день особенный. Это праздник для всех нас.

Удивительные слова произносил Чан, в последнее время косившийся на него с недоверием. Он даже показал полный ряд испорченных зубов, что случалось нечасто.

— А я благодарен вам за заботу. Спасибо, Чан, — Максим не помнил, говорил ли он это когда-нибудь искренне.

— Что вы. Это моя обязанность. Надеюсь, вы пока не собираетесь от нас уезжать?

По крайней мере, пока дорога размыта, он был в этом уверен, подумал Максим.

* * *

У дядюшки был еще относительно бодрый вид, и он допоздна засиживался в библиотеке, куда Чан строго по часам носил ему пилюли на блюдечке. Но не прошло и недели после визита доктора Мак-Раста, как приступ повторился.

Максим услышал сверху какую-то необычную возню и решил проверить, не случилось ли что. Заглянув в дядюшкину спальню, он увидел его самого лежащего на кровати с закатившимися глазами, и Чана, который стоял у приподнятого изголовья, придерживая кислородную маску. При звуке шагов дядюшка направил глаза, смотревшие вполне осмысленно, нетерпеливым жестом приказал Чану убрать маску, и, когда тот оторвал ее на несколько секунд, что-то неразборчиво прошепелявил. Потом стал задыхаться, и тот снова приложил маску. Некоторое время спустя Чан сам отвел ее в сторону, осторожно спросив:

— Ну как, вам уже легче, сэр?

Дядюшка мог дышать, но старался говорить очень тихо, чтобы не слышно было, как он шепелявит. Издали Максиму не удалось разобрать ни одного слова. Только Чан угадал его желание.

— Извините, сэр, — сказал он, обратившись к Максиму, — но я вынужден буду вас побеспокоить. Там, в библиотеке, осталась лежать вставная челюсть вашего дядюшки. Мне пришлось вынуть ее, когда он упал, чтобы она не попала ему в горло. Она лежит прямо на столе. Не окажете ли такую любезность, принести ее сюда?

Войдя в библиотеку, Максим сразу же обратил внимание, что стул отодвинут неестественно далеко от стола, что стакан, правда, не разбившись, все же валяется на полу, по которому разлита вода, и что зубной протез действительно лежит на столе, поверх нескольких исписанных листиков бумаги. Завернув его в чистый лист, он уже собирался вернуться в спальню, как заметил в одном из ящиков письменного стола торчащую из него связку ключей.

Несмотря на то, что за стеной лежал задыхающийся дядюшка, сердце его радостно и тревожно забило. Тревожно опять-таки не из-за дядюшки, а потому, что он почувствовал себя находящимся на пороге какого-то значительного открытия. Все складывалось на редкость удачно. Он давно ждал благоприятного момента. Теперь ни в коем случае нельзя его упустить.

В тот раз ему не удалось установить, который из них — поэтому сейчас он открыл ключом подряд один, другой, третий ящик, пока не наткнулся на толстую папку в коленкоровой обложке. Ее-то он успел разглядеть в дядюшкиных руках и знал, что это

именно то, что ему нужно. Оставив ящик незапертым, Максим забрал ключи с собой, захватил протез и торопливо вышел из комнаты.

Кажется, он отсутствовал слишком долго, и, кажется, Чан обратил на это внимание.

— Были какие-то трудности?

— Там разлита вода, — нашелся Максим. — Я поскользнулся. Впрочем, теперь уже все в порядке. Вот, — он протянул завернутую челюсть.

Он надеялся, что такое объяснение устроит Чана. Во всяком случае, тот больше не задавал вопросов.

Чан вставил челюсть на место. Это успокоило дядюшку. Они слышали его голос, он звучал уверенно и даже чуточку жестковато.

— Слышите, я требую, чтобы в доме все шло своим чередом. Я не настолько плох, чтобы приставлять ко мне сиделку. У вас и без меня достаточно хлопот. Ты, Петр, продолжай репетировать. Прием не отменяется. Все остается, как мы договорились. А тебя, Чан, я прошу взять на себя организацию. Ты должен проследить, чтобы... — дядюшка судорожно глотнул ртом воздух и с нетерпением потянулся за маской.

Чан тут же надвинул ее дядюшке на лицо.

Его рабочий пиджак висел переброшенным через спинку стула. Максим заботливо убрал его оттуда и повесил на вешалку. Со стороны оно выглядело очень даже трогательно. Правда, между тем и этим он успел незаметно опустить в боковой карман связку ключей, захваченную из библиотеки.

Немного постояв для вида у постели, он сказал:

— Наверное, лучше я пойду к себе. Если дядюшка захочет меня снова увидеть...

— Не волнуйтесь, я вас непременно позову.

Максим с чувством облегчения вышел за порог. Он прошел коридором до следующей двери, у порога остановился и прислушался, а затем осторожно нажал на дверную ручку. Впрочем, дождь, барабанивший в окна, отчасти заглушал другие звуки.

Библиотека в сумраке ждала его возвращения. Максим решительно приблизился к столу. Третий ящик сверху. Папка в коленкоровом переплете. Он схватил ее подмышку и тут же повернул назад. У порога еще раз прислушался. За дверью попрежнему стояла тишина.

* * *

Запершись на ключ у себя в комнате, он нетерпеливо раскрыл папку. Внутри оказалось несколько толстых тетрадей, помеченных различными периодами, начиная с 1948 года, то есть времени, когда дядюшка впервые приехал на Цейлон, если верить тому, что он сам о себе рассказывал.

Не надеясь найти ответ на свои вопросы в том, раннем периоде, Максим лишь очень бегло стал просматривать первую, самую ветхую тетрадь, исписанную неровным почерком, все время разными чернилами, а бывало, и карандашом, однако с явным апломбом и претензиями на изысканный стиль. Тем не менее дальше он углубился в чтение, незаметно для себя став проявлять к нему интерес. Пожелтевшие страницы раскрывали перед ним историю человека, самой жизнью несправедливо выброшенного за борт и вынужденного бороться за свое место в ней, начиная с нуля. Полустертый след карандаша, которым он упрямо продолжал писать на коленях в каком-то грязном сарае при свете догорающей

головешки, мог оставить только такой безумец, решивший покорить мир.

* * *

Дядюшка ступил на цейлонский берег матросом французского торгового судна или, правильнее сказать, бывшим матросом, так как при этом затребовал полный расчет в надежде попытать счастья на сапфировых приисках. Впрочем, выплаченного жалования едва хватило ему на первое время, чтобы добраться на место и кое-как устроиться. Каждый потерянный день обходился недешево, нужно было где-то есть и спать. Он так и явился к Пулу наниматься на работу в матросской куртке, висевшей на нем будто на вешалке. Тем не менее Пул сходу выявил сообразительный ум в восемнадцатилетнем парне и взял его на заметку. Он стал работать вместе с Чаном, который завербовался за полгода до него. Чан многому его научил, а потом сам ученик обошел своего учителя.

Максим пропускал технические детали, в описание которых часто вдавался дядюшка. Правда, некоторые его замечания стоили того, чтобы с ними по крайней мере познакомиться, и при этом кто бы подумал о таком себе простачке, привезенном в товарном вагоне из сталинской Украины.

Пул являлся для него несомненным авторитетом. Среди массы необразованных темнокожих рабочих он был единственным настоящим выходцем из метрополии. К тому же, по его собственному признанию, диплом он получил в Кембридже, а это во все времена значило немало. Итак, дядюшка определенно был заражен вирусом снобизма. Хотя для Максима это давно уже перестало быть тайной.

Пул жил с дочерью на имя Долли, она была на два с половиной года старше дядюшки и на пятнадцать сантиметров выше его ростом. Дядюшку не назовешь низкорослым, прикинул Максим, тогда какой же она должна была быть каланчой! Кажется, она была не настолько красива, насколько требовало его тщеславие, но достаточно умна и приветлива, чтобы они стали хорошими друзьями. В основу общих интересов легли музыка и литература. В доме у Пула имелась собственная библиотека и пианино, раздобытое им в Коломбо специально для дочери. Дядюшка все время подчеркивал, что Долли была серьезной, воспитанной девушкой, обожающей своего отца и свои увлечения. Отец в свою очередь боготворил ее и, отмечая порядочность молодого славянина, поощрял их дружбу. Дядюшка явно намекал, что вовсе не собирался флиртовать с Долли, которая в этом плане интересовала его меньше всего, и Долли, повидимому, отвечала ему тем же, относясь к нему как к брату. Дядюшка настолько прочно занял свое место в этой семье, что Пул в день его рождения подарил ему аккордеон, и он тут же, вместе с Долли, исполнил на нем парочку украинских песен, чем привел гостей в полный восторг.

Однако это не помешало ему без сожаления расстаться с обоими, когда подвернулась возможность уехать в Кашмир, чтобы поменять свое занятие старателя на более выгодное. В одно прекрасное утро вместе с Чаном он сел в поезд, отправлявшийся в Дели, и вернулся только через семь лет на яхте Генри Хептона. Относительно Пула он слышал, уже находясь в Индии, что, когда по приискам прокатилась волна беспорядков, его тело обнаружили в какой-то яме с проломленным черепом. О судьбе Долли он ничего не знал и не пытался узнать.

Покинув Цейлон, дядюшка надолго осел в Джамму, втором по значению городе провинции. Со свойственной ему деловой хваткой он быстро втянулся в жизнь местной шушеры. Когда падал спрос на змей, он занимался мелкой контрабандой на индо-пакистанской границе и наоборот, когда власти начинали наступать на пятки контрабандистам, возвращался к змеям. В любом случае от него требовались сноровка и навыки хождения по горным тропам. Отсюда и интерес к альпинизму с самого начала зародился в нем как жизненная потребность.

Однажды им пришлось заночевать в доме скупщика на пакистанской стороне. Скупщик еще не вернулся из Равалпинди, куда повез товар, доставленный ему накануне, и тон задавала его тридцатилетняя жена, бойкая Амрита, с выступающей грудью и круглыми бедрами. Уперев руки в бока, она великолепно управлялась с пятью мужчинами при помощи одного только хлесткого языка.

«Ну-ка вы, четверо, живо поднимайтесь наверх. Сейчас я вас всех пристрою, кого на раскладушке, кого на стульях, а кого и на комоде. Жестковато, но ничего, перебудете, — после этого внезапно потеплевшим взглядом она приласкала дядюшку. — А ты, красавчик, посиди пока здесь. Этим неотесанным мужланам все равно, где спать, им что на диване, что под ним — никакой разницы. Для тебя же найдется место получше: на моей кровати».

С лестницы прозвучало дружное улюлюканье.

«Эй, вы, заткните глотки! Я жду еще гостей, кроме вас, потому и не ложусь спать. Мой муж уехал на ночь в Равалпинди, но это еще не означает, что я тут-таки слягу в постель с первым, кто попадется под руку!»

Особенно старался один, у которого лицо было изъедено оспой.

«Нет, Амрита, с первым попавшимся ты, конечно же, не пойдешь. Этот, — злобно кивнул он в сторону дядюшки, — для тебя, как видно, не первый попавшийся. «Красавчик»! — передразнил он.

«Помалкивай лучше! Смутишь молодого человека!»

«А тебя — нет?»

«Знаешь, Кумар, я давно привыкла к твоим кабацким шуткам. Тебя просто зависть доняла, что никто на тебя не смотрит, так ты каждому готов за это горло перегрызть. Верно, Кумар?»

Обезображенное лицо Кумара налилось кровью. Глаза зажглись мстительным блеском.

«Эй, красавчик! Можешь не звать на помощь. Я такую, как твоя, стану раздевать не меньше чем за тысячу рупий. Индийских!», — напоследок уточнил он, поскольку индийские рупии были дороже пакистанских.

Пока она спроваживала всю эту братию наверх, в комнатушку под чердачной крышей, дядюшка, уронив голову на локти, от усталости незаметно уснул прямо за столом. Проснулся он оттого, что Амрита осторожно тормозила его за плечо.

«Пойдем, ты заслуживаешь на большее. Ты не такой, как они».

На этом запись обрывается.

А еще, отсиживаясь в Джамму, кутил он как-то с приятелями в кабаке. Это был такой себе ресторанчик с низким потолком и лампой в простом абажуре, вокруг которой непрерывно вились струйки сигаретного дыма. По вечерам тут собиралась толпа жаждущих выпить. В самый разгар веселья на сцену вышла смуглая танцовщица и принялась исполнять «танец змеи». Она была очень грациозна в своем костюме, тесно облегающем ее фигуру и подчеркивающим плавность движений. Приятели оценивающе разглядывали ее тело и пришли в восторг.

«Мне бы ее хоть на часок».

«И на часок дороговато обойдется. Только для избранных клиентов. Брось даже мечтать. Нам с тобой эта птичка не по карману».

«А как насчет вон той?»

От соседнего столика только что отошла скромная на вид, но при этом очень миловидная девушка с более светлым оттенком кожи и гривой темно-каштановых волос, стянутых на затылке, в переднике и головном уборе официантки. Из-под передника выглядывало легкое платьице, колебавшееся при малейшем движении, а из-под него — стройные ноги. Тем не менее полукровка сама только что в восхищении смотрела на сцену.

Кто-то даже присвистнул. Как она сюда попала?

«Ничего курочка! Раньше ее тут не было».

«Наверняка приехала откуда-то из провинции. В Сиалкоте знавал я одну такую. Вон как глаза прячет. Сразу видно, недотрога! Не удивлюсь, если вдруг узнаю, что она еще девушка».

«Девушка? А что, это может быть интересно. Ставлю два против одного, что она уже вышла из этого возраста. Кто хочет со мной поспорить?»

«Два против одного? Отлично, идет. А кто это проверит?»

«Конечно, я».

«Э, нет, так не пойдет. Никто не сможет ничего доказать».

«Тогда говори, что ты предлагаешь».

«Пусть это сделает незаинтересованное лицо. Мы должны кинуть жребий. Естественно, спорщики не участвуют в жеребьевке. Проигравший к тому же оплатит расходы. Ну как, по рукам?»

«Согласен. По рукам!»

Жребий выпал дядюшке. Кто-то дружески похлопал его по плечу.

«Везет тебе, парень! Остальных прошу делать ставки!»

Дядюшка увязался провожать ее домой. Поначалу она отказывалась. Но за спиной у него торчали друзья, которым было до смерти интересно увидеть, как он сейчас станет ее охмурять. Пришлось проявить настойчивость.

Дорогой они разговорились. Она и впрямь оказалась полукровкой, белым был ее отец, которого, впрочем, она никогда не знала. Старая история. Ее звали Ашей. Они брели улицами, узнавая друг друга все лучше. Кажется, она была удивлена, не встретив с его стороны попытки облапать ее руками. Это возымело действие. Она призналась ему, что приехала в город с мечтой выступать на сцене. Она без памяти влюблена в актерскую жизнь. Она умеет петь и танцевать. Правда, пока никто не хочет и слышать о том, чтобы взять ее на сцену. Но она не теряет надежды. Аша вскочила на парапет, окаймлявший фонтан, и в точности повторила «танец змеи», который они видели в ресторане. Дядюшка достал из кармана свирель, подаренную ему ко дню рождения, и подыграл ей на свирели. Они собрали целую толпу зрителей.

На следующий день он сообщил приятелям, что она оказалась девушкой. Вот только не уточнялось, каким образом дядюшка это узнал.

Максим не мог оторваться ни на секунду. По мере приближения к концу эпизода ему становилось жарко. Дочитав до точки, он вытер вспотевший лоб. Невероятно, но сцена, которую он должен был играть вместе с Ашей, до мельчайших деталей повторяла эпизод, описанный в собственном дневнике его дядюшки!

* * *

Неожиданный стук в дверь заставил его поспешно спрятать папку в ящик стола, тогда как сверху остался лежать текст его роли.

Это был Чан. Быстрый взгляд, брошенный им поверх стола, убедил его в том, что молодой господин не теряет времени даром. На самом деле так оно и было.

— Сэр, — озабоченно сказал он, — прошу извинить за беспокойство, но я пришел напомнить о том, что в этом доме ужин обычно подают в семь часов. А поскольку сейчас уже начало восьмого...

— Спасибо, Чан, но сегодня я не буду ужинать. Я совершенно не голоден.

— Извините, сэр, — настаивал он, — но я не могу принять такой ответ. Вы должны хорошо выглядеть. Мистер Пул не позволил бы вам этого. А я обещал ему присмотреть за вами.

Максиму пришлось подчиниться.

— Ладно. Я приду через минуту.

Впрочем, присмотрись Чан повнимательнее, то, вероятно, заметил бы, что имя «Петр» в тексте Максим своей рукой вычеркнул и надписал сверху: «дядюшка», что было намного ближе к правде.

Аша была на него обижена за то, что он не прислушался к ее мнению, и не больно хотела разговаривать. А его так и подмывало кое о чем ее спросить. Он даже схватил ее за руку, но она вырвалась. Ну и пусть, решил он. Скоро он и так узнает все. По меньшей мере до утра дядюшка останется в своей спальне. У него есть еще время, чтобы прочесть дневники и положить их на место, прежде чем тот хватится. Похоже, его ждет бессонная ночь.

Или еда на этот раз оказалась невкусной, или он действительно потерял аппетит. Он бросил салфетку на стол и поднялся в комнату к дядюшке.

На покорителя Нангапарбат жутко было смотреть. В нем едва теплилась жизнь. Бледный, осунувшийся, он наконец уснул после изнурительной борьбы со смертью, которую только что выдержал. Максим постоял у его постели, всматриваясь в это обескровленное лицо, когда-то способное пробуждать зависть. Просто не верилось, что этот больной, зависимый от окружающих старик и есть тот самый парень из Джамму. Он содрогнулся при мысли о том, что когда-нибудь сам будет вот так же беспомощно лежать на пуховых подушках, а следующее поколение у его изголовья — недоумевать по поводу услышанных признаний.

Он пробыл там не больше минуты, а ему показалось, что все сорок лет, разделяющие того дядюшку и нынешнего. Вдруг спящий перестал сопеть и пошевелился. Максиму не хотелось, чтобы тот увидел его у своей постели, поэтому, стараясь не скрипеть половицами, он вышел на носках и осторожно прикрыл за собой дверь.

Ни об Аше из Джамму, ни об Амрите дядюшка так ни разу больше и не вспомнил. Отдельные мгновения, мимолетные встречи.

Одного Максим не мог понять: где же Петр Шемейко, чей аккордеон поднял он со дна моря? Он уже заканчивал чтение дневников, а возлюбленный племянник до сих пор не объявился.

Это имя он увидел почти в самом конце, и даже обрадовался. Еще немного, и наступит полная определенность. Этому должно быть очень простое объяснение. На сегодняшний день с него вполне хватало сюрпризов. Если бы!

Петр Шемейко приехал навестить дядюшку ровно год назад, и тот сразу же принял его с раскрытыми объятиями. Встреча прошла в необыкновенно трогательной обстановке. И, судя по восторженным отзывам, с этого момента дядюшка души в нем не чаял, внезапно проникшись к найденному племяннику сильной и нежной привязанностью. Еще никого в своей жизни он так не любил. За этими строками виднелись скупые слезы, медленно скатывающиеся по дряблым щекам.

Пока они жили вдвоем, Чан прекрасно справлялся один со всеми обязанностями по дому. Но с приездом племянника дядюшка решил взять еще прислугу, и тогда в доме появилась Долли, хорошо воспитанная белая девушка из порядочной семьи, попавшей в трудное положение.

Максим едва различал текст. В комнату незаметно прокрались сумерки. Только сейчас он обратил внимание, насколько стало темно, и включил настольную лампу.

Долли, подумал он. Как странно. Еще одно совпадение?

Кажется, Петр чувствовал себя счастливым. В свою очередь, дядюшка был совсем не против того, чтобы они вместе проводили время. Он знал об этом его увлечении и сквозь пальцы смотрел на то, что она всего лишь прислуга. При такой терпимости его племяннику можно было только позавидовать.

У Долли оказался приятный голос. В день рождения дядюшка подарил ему аккордеон, чтобы он мог ей на нем аккомпанировать. Вместе у них получился стройный дуэт. Дядюшка даже пригласил гостей и попросил их выступить перед ними со своей программой, и, если верить тому, что он об этом рассказывал, они имели огромный успех. Сам дядюшка был попросту в восторге. Как составитель и режиссер этой программы, он считал, что они превосходно с ней управились.

Но затем случилось нечто непредвиденное. Задержавшиеся на ночь гости утром разъехались, а вот Петр...

В этот день дядюшка посвятил ему лишь одну строчку. Вероятно, он не нашел бы способа лучше отразить свое разочарование. Максим впился в нее глазами. Очень странно.

«Я приказал Чану отвести его в террариум. Жаль! Впрочем, мы с ним такие разные...»

И дальше ни слова о племяннике. С каким-то презрительным равнодушием дядюшка обошел молчанием обстоятельства его внезапного отъезда. Или, правильнее сказать, исчезновения. Максим еще раз вернулся к последним словам, в которых говорилось о Петре. Как будто следующую страницу просто вырвали. Он даже сверил даты. Нет, все правильно. Запись сделана ровно на следующий день.

И больше ничего. Никаких объяснений, кроме одной этой фразы.

Максим оказался прав: что-то произошло между ним и дядюшкой, в результате чего аккордеон очутился на морском дне, а Петр уехал не пожелав проститься.

Уехал, ушел, сбежал? Об этом ни слова. Ни слова?!.. Неправда! А эта строчка? Его кинуло в жар.

И сразу же — знакомая дата... Ну конечно! Вот где он ее видел: конечно же, в террариуме! В журнале Чана!

Он вздрогнул. «Я приказал отвести его в террариум».

По спине у него пробежали мурашки. Но ведь это же означало... Нет, он отказывался этому верить! Мог ли дядюшка поступить таким образом?

Максиму показалось, что если он сию же минуту не проверит все до конца, то до утра не доживет.

За окном было уже совсем темно. Он схватил фонарь, чтобы не зажигать в террариуме свет, который сквозь прозрачный потолок могли увидеть из окон коттеджа, и выбежал на крыльцо. Тут его начало знобить. Удивительно, как при этом он еще сохранил способность рассуждать трезво.

Стуча зубами от страха, он все же заставил себя войти в террариум. Каждый сгусток темноты таил в себе невидимую опасность. Острый луч фонаря выселял ее из одного места и загонял в другое, такое же. Казалось, шаг в сторону — и он обязательно должен был на что-нибудь наткнуться. Иногда и в самом деле, пронизывая стеклянную перегородку, луч выхватывал из темноты гладкие кольца, отливающие матовым блеском. Потрясенные во время отдыха, они начинали шевелиться.

Луч фонаря скользил по табличкам, прибитым к ограждению. Возле отсека с надписью «Немезида» он остановился. Затаив дыхание, достал журнал и открыл его, сперва на последней странице, там, где была закладка. Попад под луч, белая бумага поначалу заслепила глаза. Затем указательный палец побегал по строчкам, пока не нашел запись, относящуюся к тому дню, когда исчез Президент. Напротив даты, в графе исполнения стоял прочерк! Все было именно так, как он и предполагал. Но если раньше где-то в глубине его души еще теплилась надежда, то в этот миг от нее не осталось и следа.

Сдерживая волнение, Максим пролистал журнал в обратную сторону. Вот день, когда исчез Петр Шемейко. Никаких сомнений! В этот раз у Немезиды тоже не взяли яд.

Руки у него задрожали, и он едва не уронил тетрадь. Так вот что имел ввиду дядюшка, говоря о террариуме! Мысленно он повторил запомнившуюся фразу. Господи, подумал Максим, это же совершенно очевидно! И как можно было не увидеть? Ну еще простительно для кого-то, кто не знал дядюшку. Нет, просто раньше он боялся в это поверить. Собственный племянник! Мороз шел по коже от всех этих открытий, одно похлеще другого. Он представил, как, отчаянно отбивающегося, с перекошенным от ужаса лицом того подсаживали в вольер с коброй. И некому было придти на помощь. Хотя, нет. На стороне жертвы — молодость и сила. Не так-то легко было бы Чану с ней управиться. Как же ему это все-таки удалось? Узнает ли он когда-нибудь? Как и о том, что заставило дядюшку так поступить.

Привлеченная светом, змея приподняла голову и рассматривала Максима своим тусклым, немигающим взглядом. Она была свидетелем и участником этой жуткой сцены. Вглядываясь в ее бесстрастные глаза, он словно надеялся прочесть в них ответ, что же здесь все-таки произошло.

С этого момента рукопись стала вызывать у Максима огромное отвращение. Ему пришлось постараться, чтобы преодолеть это в себе, прежде чем он открыл следующую страницу.

Около полугода прошло с тех пор, как исчез Петр. Дядюшку не тревожили ни сомнения, ни угрызения совести. Он предпочитал попросту не вспоминать о своем племяннике, так, словно его никогда и не существовало. Однако следующие строки застали Максима уж точно врасплох.

Внезапно оживший Петр Шемейко снова прибыл на Цейлон! Прямо из Винницы самолетом через Киев и Дели. Живой и невредимый Петр Шемейко. Как будто ничего не случилось. Максим не верил своим глазам. Получается, что он все же обманулся, и что ни о чем таком дядюшка даже не помышлял, а полгода назад Петр-таки действительно уехал, пускай причина этого внезапного отъезда и оставалась неизвестной. Ну что ж, видимо, примирение состоялось, и теперь все должно пойти на лад. Сам же Максим чувствовал облегчение и, конечно, определенную неловкость оттого, что приписывал дядюшке убийство собственного племянника. Возможно, немало темных дел оставалось на совести человека, связанного с наркобизнесом, но только не это. А что же тогда террариум? Наверное, тут следует искать другое объяснение.

Встреча прошла гладко. О старом не вспоминалось. Дядюшка распорядился достать из погреба бутылку выдержанного вина, и они мило отпраздновали его возвращение.

Как и тогда, дядюшка восторженно описывал очередной приезд племянника. К тому времени в доме появилась новая прислуга. На этот раз ею была Амрита.

Максим протер глаза, воспаленные от бессонной ночи, и вторично перечел это место.

Снова они были вместе, только теперь Петр и Амрита. Как и в случае с Долли, дядюшка не возражал против этой дружбы. Хотя она была старше его лет на десять, но ее привлекательная внешность и общительный характер стирали разницу в возрасте. Все шло как нельзя лучше. Дядюшка опять настоял на том, чтобы поставить небольшой спектакль, и чтобы они оба приняли в нем участие. С увлечением взялся он за его постановку. Петру и Амрите отводились главные роли. На вечер были приглашены гости. Их было немного, но подготовка велась всерьез. И, как результат, спектакль прошел под взрыв аплодисментов. Гости горячо поздравляли дебютантов, а дядюшка, по его собственным словам, давно не испытывал такого воодушевления.

Утром гости разъехались. А вслед за ними исчез и Петр — неожиданно, ни с кем не простившись. И вновь — молчание, которым дядюшка окутывал обстоятельства, связанные с его внезапным исчезновением. Ни слова о том, что послужило поводом к разрыву. Ни слова — об отъезде. Только скупое, но леденящее кровь упоминание о террариуме.

Максим вытер ладонью испарину, проступившую у него на лбу. Он как будто выкладывал мозаику, был близок к решению, но так и не находил цельного узора. Дважды Петр срывался и уезжал, и в обоих случаях сразу после спектакля. В этом было что-то роковое, а точнее сказать, просматривалась определенная закономерность. Потом ему пришло в голову, что, похоже, на этом закономерность не заканчивалась.

Ожидание обнаружить нечто большее заставило его взять в руку фонарь и еще раз отправиться в террариум. Луч беспокойно подрагивал впереди него, пока он осторожно шел

узким проходом. К тому времени надщербленная луна уже выплыла на середину неба. Месячный свет, пронизывающий стеклянную крышу, бледнел и таял при его приближении.

Он снова подошел к отсеку Немезиды. Змея отдыхала, свернувшись в кольцо. Максим нетерпеливо потянулся к журналу. Перевернул несколько страниц в поисках графика за октябрь прошлого года. Вот и он. Его глаза с жадностью рыскали вверх и вниз по графе, высматривая нужное число. Но еще до того, как он его обнаружил, Максим успел заметить, что в этом месяце не было ни одного пробела.

Прежде времени на него напали сомнения. Неужели предчувствие его все-таки подвело? Но он знал, что не остановится, пока не добудет исчерпывающие доказательства того или обратного.

Максим перешел к следующему отсеку и взял в руки журнал, подписанный: «Фараон». Подсвечивая себе фонарем, пролистал страницы. Октябрь прошлого года. Дрожащий луч упирался в раскрытую тетрадь, а ему казалось, что это цифры прыгают у него перед глазами. Впрочем, одного взгляда, брошенного мельком, оказалось более чем достаточно. Вот он, знакомый прочерк, оставленный рукой Чана! Как раз напротив даты, совпавшей с последним отъездом Петра.

* * *

Звезды мерцающей россыпью повисли над головой. Утро обещало быть солнечным. А пока что погруженный в темноту океан сливался на горизонте с небом. Гребешки волн едва заметно искрились в серебристом свете луны. Максим постоял у самой кромки берега, стараясь уловить дыхание моря. Почти не различимое, оно было здесь-таки, у самых его ног. Белесая пена, чей отблеск еще пробивался сквозь мрак ночи, покрывала невидимые волны. По неосторожности он подошел слишком близко, и одна из них, кажется, успела лизнуть носки его обуви.

Хотя Максим тотчас об этом забыл. Всасывающий шелест волны во время отката прозвучал как угрожающее сычание змеи. Он инстинктивно отскочил, как если бы услышал его на самом деле, но заставил себя про это забыть, разделся и шагнул вперед.

Он плыл, врезаясь в море с непонятным сладострастием. Теплый поток незаметно бежал по телу, как во сне. Он окунулся с головой, стремясь почувствовать его каждой клеткой. Океан напоминал о себе лишь прикосновением. Но Максим ощущал себя его частью.

Оглянувшись, он неожиданно для себя не увидел берега. Только очертания пальм и острую крышу дядюшкиного дома. И тут его впервые достало сосущее под ложечкой чувство оторванности от земли. Ненавистная крыша внезапно превратилась в желанный ориентир, и тогда он понял, что у него нет, и, пожалуй, не будет другого выхода.

Хочешь не хочешь, а ему придется через это пройти, через прошлое, которое он успел возненавидеть, — до конца.

* * *

Ночь перевалила за середину, когда в тетради перед Максимом оставался тонкий слой

непрочтенных страниц. Настороженно приближался он к тому моменту, когда на сцену должен был выйти он сам. Причин для беспокойства набралось более чем достаточно. И он оказался прав.

16 февраля, в тот самый день, когда Максим спустился по трапу самолета на цейлонскую землю в аэропорту Катунаяке, в своем дневнике дядюшка оставил следующую запись:

«Сегодня поистине счастливый день. Я уже начал сомневаться в том, что когда-нибудь он наступит. Но зато теперь чувствую себя так же легко, как и в давние времена... Впрочем, я успел забыть, когда это было. Эти строки я пишу взволнованной рукой, потому что сегодня в мою жизнь вернулся Петр. И надеюсь, теперь уже навсегда...»

В окна входил бледный рассвет. Небо занималось над краем океана. Переменчивый ветер то начинал трепать занавесками, то снова затихал, ненадежный, как и предстоящий день.

Наверное, все уже проснулись. Рискованно было бы сунуться в библиотеку прямо сейчас. Он мог столкнуться с Чаном на лестнице, и тогда будет трудно объяснить, что он так рано собирается делать наверху. Необходимо дождаться удобной минуты, чтобы нанести дядюшке визит, а по дороге нырнуть в библиотеку.

Похоже, утром дядюшка почувствовал себя лучше. Аша успела отнести ему в спальню завтрак, состоящий из ветчины и яичницы, зажаренной с овощным гарниром — вероятно, ему было не просто лучше, а гораздо лучше. Как только он сможет сидеть за столом, то сразу же потребует, чтобы его перенесли в библиотеку. Максим правильно поступил, что не поторопился с дневниками, но слишком затягивать может быть опасно вдвойне.

Поэтому он заткнул папку за пояс, а чтобы не было видно, одел пиджак, застегнув на нижние пуговицы, и в таком виде поднялся наверх. Не доходя до дядюшкиной спальни для верности оглянулся по сторонам и юркнул в библиотеку, плотно прикрыв за собой дверь.

Комната оставалась нетронутой со вчерашнего дня. Все было попрежнему, тот же стул в стороне, как бы не на месте, и даже стакан на полу. Вот только лужа успела высохнуть.

Максим шагнул к столу. Третий ящик сверху, он прекрасно его запомнил. Папка снова заняла свое место, а он мимоходом бросил взгляд на снимок двух близнецов, украшавший стол. опережая еще не созревшую догадку, рука сама потянулась за ним.

Отпечаток был плохого качества, любительский, и носил все характерные приметы фотоснимков того времени. Бумага — потрескавшаяся на сгибах, но вот только почему-то не пожелтевшая. За такой срок? Значки на лацканах, впрочем, просматривались достаточно отчетливо. О чем подумал дядюшка в тот момент, когда Максим, чтобы упрочить его доверие, брякнул, будто видел точно такой же у своего отца? Безусловно, это была неудачная шутка, и скорее даже не шутка, а накладка, прокол. Хотя упрекнуть ему себя не в чем, тогда он еще ничего не знал.

Братья тесно прижимались друг к другу. Их взаимная привязанность не вызывала сомнения. И все же, вглядываясь в их лица на этой старой фотографии, он поймал себя на мысли, что не верит ей ни одной секунды. Что-то было здесь не так, определено. Но вот что? В это время он пробовал сформулировать какую-то мысль, только она от него постоянно ускользала.

Пока он вертел фотографию в руках, то обнаружил, что между стеклышками за ней спрятано еще несколько шпук. Он вынул стеклышки, и фотографии рассыпались вокруг него на полу. Он нагнулся и поднял первую попавшуюся. На ней стоял только один из близнецов, трудно сказать, который, хотя нет — наверное, смеющийся, потому что этот тоже улыбался, растянув рот до ушей. Точно, он. Они так похоже смеются. Просто один к одному.

У Максима вдруг пересохло в горле. Он положил рядом оба снимка, тот, на котором они стояли вместе, и тот, на котором мальчик был сам. Никакой разницы. Даже крупинцы пыли, оставшиеся на фотопленке, те же. Ну конечно, фотомонтаж! Это же очевидно! И как он на это попался? Присмотревшись, он увидел тонкую белую окантовку вокруг одной из фигур, заметную на темном фоне. Грубый, дилетантский фотомонтаж! Из двух снимков дядюшка

сделал один. Второй наверняка где-то здесь. Но искать уже не имело смысла. В подлинности найденного снимка он не сомневался. Бумага действительно пожелтела от времени, а в углу белела фиксажная надпись, оставленная фотографом тех лет: «П. Ш., 1942 год». Вот теперь все становилось по своим местам.

На столе около телефонного аппарата, как всегда, на видном месте, лежала телефонная книга, заполняемая от руки. Дядюшка вполне обходился без справочников, да и о том, что он вообще куда-то звонил, Максим ни за что бы не узнал, если бы не сердечный приступ. Он открыл ее и прошелся по алфавиту. Его палец остановился на букве «П» — «полиция». Действительно, на всю страницу только и значился один номер, принадлежавший полицейскому участку. Максим забрался рукой за шкаф и включил телефон. Услыхав гудок, набрал номер. Долго никто не подходил. Наконец в трубке раздался шорох, и ему ответили на сингальском, но существуют слова, которые, вероятно, можно понять на любом языке.

— Полицейское управление слушает... Алло! Это полиция Киринды. Кто у телефона?

— Сэр... — сдавленным голосом произнес Максим. — Вы говорите по-английски?

— Продолжайте, я вас слушаю, — ответили теперь уже по-английски, хотя и с сильным акцентом.

— Мне необходимо поговорить с кем-то из вашего начальства, — неуверенным тоном заявил Максим.

Его фразу переваривали в течение пяти-шести секунд, что было, наверное, все же многовато.

— Я инспектор Вирасурия, — прозвучал ответ. — В настоящее время поблизости нет никого выше меня рангом.

— Хорошо. Я звоню с виллы, принадлежащей мистеру Пулу, это на границе с национальным парком Яла...

— Можете не объяснять, я знаю, где это, — перебил Вирасурия. — Так что у вас за проблемы?

Максим опасливо покосился на дверь и прикрыл трубку ладонью.

— Что у вас там стряслось? — повторил полицейский.

— Я хочу сделать заявление, — он собрался с духом. — Здесь готовится убийство.

Вирасурия, кажется, пришел в замешательство.

— Вы что-то произнесли, я хотел бы услышать это еще раз, — затребовал он.

— Здесь готовится убийство, — настойчиво повторил Максим. — Завтра, нет — послезавтра, наутро после спектакля... Именно послезавтра.

— Какой еще спектакль? Вы можете говорить вразумительнее?

— Послушайте, это не розыгрыш. Вы должны вмешаться. Этот мистер Пул — опасный маньяк.

— Что вы имеете в виду?

— То, что он уже убил двоих, и готовит очередное преступление.

— Вы сказали, убил двоих. Я правильно вас понял?

— Именно так.

— Когда это произошло?

— В прошлом году, один раз — в марте, другой — в октябре. Если хотите, я могу назвать точную дату...

— Боюсь, что у нас не зарегистрировано ни одно нераскрытое убийство, которое подпадало бы под вашу версию... А вы это можете доказать?

Этот Вирасурия был неповоротлив, как слон. Максим начинал терять терпение.

— Доказательства? Вам нужны доказательства? Они у него в письменном столе. Третий ящик сверху.

Очевидно, Вирасурия еще колебался.

— Вы только что сказали, что мистер Пул готовит следующее убийство... Насколько я понимаю, вам известно, кто станет его жертвой.

— Известно, — глухо сказал Максим. — Его очередная жертва, это я.

— Н-ну хорошо, — Вирасурия вздохнул прямо в трубку. — Приезжайте ко мне в управление, мы продолжим разговор в моем кабинете.

— Но это невозможно! — застонал Максим. — Дорога размыта. Между виллой и ближайшим селением — десять миль непроходимых джунглей. Мы отрезаны от внешнего мира. Я в ловушке. Мне отсюда не выбраться без вашей помощи. Пожалуйста, помогите мне!

Похоже, Вирасурия задумался.

— Не скрою, — признался он как бы нехотя, — у нас кое-что есть на вашего мистера Пула. Мы уже давно к нему присматриваемся. Грязный торговец «белой смертью»! Вот только маловато улики, чтобы предъявить ему обвинение. Очень скользкий тип, — он снова замолчал, в этот раз надолго.

— Инспектор! — позвал Максим, испугавшись, что их, возможно, разъединили.

— Хорошо, — снова услышал он голос Вирасурии, — попробую вам помочь.

— Что мне делать?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Не подавайте вида, будто вам что-то известно. Ведите себя так же, как и раньше. Старайтесь безукоризненно подчиняться всем его требованиям. Он не должен ничего заподозрить, это главное. Мы же в это время что-нибудь придумаем.

— Поторопитесь, прошу вас!

— Не беспокойтесь. И помните, самостоятельно — никаких шагов. Я категорически запрещаю вам предпринимать что-либо без моего ведома.

На другом конце повесили трубку. Максим успокоился. Полиция в курсе дела. Это уже обнадеживало.

Под дверью он прислушался. Снаружи не доносилось ни единого звука. Тогда он нажал на ручку и вышел в коридор. И тут же чуть не налетел на Ашу, которая пятясь выскочила из дядюшкиной комнаты: у нее в руках был поднос, заставленный грязной посудой. Она охнула, но, узнав Максима, быстро успокоилась.

— Что ты тут делаешь? — спросила она и бросила взгляд на дверь библиотеки.

Максим его перехватил.

— Разве не видишь? Собрался навестить родного дядюшку. Я ведь, кажется, его ближайший родственник. Не правда ли?

Аша опустила глаза и хотела было пройти мимо. Но Максим удержал ее за локоть.

— Нам нужно поговорить.

— Не сейчас. Я очень занята.

— Начхать мне на твою занятость! Думаешь, это важнее того, что я собираюсь тебе сказать?

— Послушай, у меня совершенно нет времени...

В этот момент хлопнула входная дверь. Оба замерли, повернув головы в сторону лестницы. Снизу послышались голоса Чана и доктора Мак-Раста.

— Входите, сэр, прошу вас. Извините, что не смог встретить вас на пирсе. Знаете, мистер Пул... Ему нужен постоянный уход.

— Да, да, конечно. Не беспокойтесь. Все в порядке, Чан. Как он себя чувствует?

Аша проскользнула мимо Максима.

— Не исчезай, — полушепотом сказал он ей на ухо. — Я скоро приду.

Набравшись смелости, Максим переступил порог дядюшкиной спальни. Он спрашивал себя, сможет ли сыграть роль любящего племянника так, чтобы тот ничего не заподозрил. Но в нем с одинаковым успехом боролись совершенно противоположные чувства, и он не знал, сумеет ли возненавидеть человека, одной ногой уже стоящего в могиле.

Дядюшка лежал в своей кровати, обложенный подушками. Его голова была высоко поднята: в горизонтальном положении он попрежнему задыхался. Впрочем, сейчас он выглядел намного лучше вчерашнего. На дряблых щеках выступил легкий румянец. Глаза оживленно реагировали на каждый звук. А взгляд наполнился неожиданным оптимизмом, как если бы ему пообещали новую жизнь.

— А, Петр, — его лицо расплылось в приветливой улыбке. — Рад тебя видеть.

Рады, что не сбежал, дядюшка? — так и подмывало его спросить.

Максим заставил себя улыбнуться хотя бы краем губ.

— Вам уже легче, дядюшка?

— А имею ли я право сейчас умереть?

— Позвольте, но кто вам сказал, что...

— Ах, не стоит! — дядюшка махнул рукой. — Слово в слово я могу повторить все, что говорил, в том числе и тебе, Алистер Мак-Раст за этой дверью. Будто я не замечаю, как они с Чаном шепчутся в стороне, после того как Мак-Раст померяет мой пульс, и не понимаю ничего из того, что происходит вокруг этой постели. Или ты думаешь, я цепляюсь за жизнь, точно какое-то примитивное существо? Поверь мне, Петр, я уже давно успел свыкнуться с этой мыслью. Ничто так не примиряет со смертью, как сама старость. Следующее поколение приходит и вытесняет предыдущее. Земля, по которой я еще хожу, на самом деле уже не моя. Это время мне уже не принадлежит. Поэтому не вижу никакого смысла оттягивать свой уход. Кроме как по одной единственной причине...

Максим надеялся, что дядюшка закончит начатую мысль, однако тот неожиданно замолчал.

— Какой, дядюшка? — нетерпеливо спросил он, только тот, кажется, и в самом деле решил промолчать.

— Зато у тебя усталый вид, — сказал дядюшка вместо ответа, обратив внимание на круги у него под глазами. — И вот это уже никуда не годится. Ты переутомляешься. А завтра тебе следует быть в идеальной форме... — он вдруг забеспокоился. — Ну сколько можно? Куда подевался Чан? — видимо, он твердо решил уклониться от ответа на вопрос. — Вот уже полчаса не могу его дождаться. С годами он становится таким неуклюжим.

Максим очень удивился, вспомнив, как минуту назад тот оправдывался перед Мак-Растом.

— А разве он не был только что у вас?

У него внутри что-то екнуло: второй аппарат стоял в комнате у Чана, что, если тот находился у телефона и слышал разговор? Его мог выдать звук набора... Нет, ему не хочется об этом и думать.

Доктор и Чан без стука вошли в дверь. Мак-Раст, на ходу поздоровавшись, сразу же

приступил к осмотру.

— А ты сегодня выглядишь так, словно тебя подменили, Джонатан, — сказал наконец он, сворачивая стетоскоп и дружески похлопывая больного по плечу.

— Мне приснился удивительный сон, — признался дядюшка, — как будто янки только что заняли город, я лежу на шелковистой траве, а в небе больше не кружат самолеты. Я слышу над собой голоса, разговаривающие по-английски: «Он дышит, его нужно положить на носилки» — «Там еще один, мы не заберем сразу двоих» — «Да, но тот старый и немощный, а этот молодой и красивый, лучше спасем его»... Как давно все это было!

* * *

Аша находилась на кухне, поглощенная мытьем посуды. Максим остановился сбоку, дожидаясь, когда она обратит на него внимание. Напрасно.

— Аша, послушай, если ты вздумала строить из себя обиженную принцессу, то время, надо сказать, выбрано неудачно.

Она даже не повернула головы. Тогда он перекрыл кран. Струя стала тоньше и наконец превратилась в одиночные капли, все реже разбивающиеся о дно умывальника. Наступила глубокая тишина.

— Нам есть что сказать друг другу, не так ли?

— Что тебе надо?

Ее нежелание разговаривать только подстегнуло его. Он схватил ее за плечи и силой развернул к себе. Глядя ей прямо в глаза, спросил:

— Для начала: как мне тебя называть?... Как тебя зовут по-настоящему?

Ее ресницы испуганно задрожали. Она старалась отвести взгляд, но всякий раз он успешно ловил его снова, как бы она ни пряталась.

— Почему ты молчишь? Аша, ведь не твое настоящее имя?

— Нет, — выдохнула она, глядя мимо него. — Как ты узнал?

— Потом. Сначала твоя очередь. Итак?...

Она зябко передернула плечами.

— Мне нечего рассказывать. Твой дядюшка, когда привез меня сюда, заявил, что отныне все будут называть меня Ашей и что я должна забыть о том, что раньше носила другое имя. А если я невзначай пророню хоть слово, то сразу окажусь на улице. Мне было некуда идти, родственники, у которых я жила, наверное, избавились от меня с радостью. Я очень боялась, что он сдержит свое обещание. К тому же, откуда мне было знать, что для тебя это имеет значение!

— Откуда было знать! Она еще рассуждала!

Аша, добрая, наивная, глупенькая Аша!

— Петр, пожалуйста, поверь, — сказала она умоляющим тоном, — я не придавала этому значения. Ну разве оттого, что мое имя будет звучать как-нибудь иначе, что-то изменится? Твой дядюшка не лишен странностей, это верно. Но он достаточно богат, чтобы им потакать, а у меня не очень-то большой выбор, чтобы отказаться.

Максим остановил ее нетерпеливым движением руки.

— Послушай, в том-то и дело, что ты не Аша, а я не Петр! Дядюшка просто обожает присваивать всем подряд собственные имена. Зато с некоей Ашей он познакомился в

Джамму, когда ему было столько же лет, сколько сейчас мне. Так же как с Амритой и Долли.

— Какой еще Амритой?

— Все это персонажи из придуманных им пьес. Точнее, они вовсе не придуманы. Потому что это реальные персонажи из его собственного прошлого. И этот спектакль — всего лишь отображение небольшого эпизода, пережитого им самим. Ты же знаешь, он просто помешан на этом! Вся его жизнь осталась там, в пятидесятых годах, здесь у него ничего нет, кроме воспоминаний, которые он отчаянно пытается воскресить.

— Пусть даже и так, нам-то что до этого? Нам-то ведь все равно? — спросила она с надеждой, что он это подтвердит.

— И впрямь. Никакой разницы, если не считать того, что дядюшка привык убивать своих актеров.

— Актеров? — Аша вздрогнула, механически повторив за ним последнее слово.

— Таких же, как и я. Успокойся, тебе ничего не грозит. Ты его не интересуешь. Ему нужен только я. Иначе говоря, Петр.

— О Боже! Нет, это невозможно!

— А я говорю, возможно! Вспомни, что случилось с Президентом. В этом доме стоит запах смерти.

Она подняла на него глаза, отражавшие недоверие и ужас.

— А как же настоящий племянник?

Он позволил себе иронически усмехнуться перед тем, как она услышит правду. Аша терпеливо ждала.

— То-то и оно. Не было и в помине никакого племянника. Ни сейчас, ни раньше. Вообще, никогда. Не было ни его, ни брата.

— У твоего дядюшки не было брата?

— Представь.

— Да, но на фотографии...

— В свое время и я на это купился. Только этот снимок — фотомонтаж, два кадра, совмещенных вместе. Оба близнеца — один и тот же мальчик, он сам, Петр Шемейко, мой дорогой дядюшка. Да, ты не ослышалась. Потому что это и есть его настоящее имя. Во всяком случае, оно было у него до той поры, когда он стал называть себя Джонатаном Пулом.

Аша отпустила прикушенную было губу.

— Продолжай...

— И я, и все, кто был здесь до меня — актеры, изображавшие его самого в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. «Баритон» подыскивал их для него на его родине, стараясь, чтобы они были похожими на настоящего Петра Шемейко, то есть на него. Вот почему дядюшка принял меня с распростертыми объятиями. Те мальчики с фотографии... Впервые ее увидев, я был тронут, я сказал себе: как сильно любят они друг друга! И в конечном счете я ведь оказался прав! Нет, он не любил никого, ни племянника, ни брата... Всю жизнь он любил только себя. Единственное, чего я до сих пор не могу понять, так это почему он их всех убивал. Если он видел себя в них, то как же мог уничтожить олицетворение собственного прошлого?

Аша слушала, не спуская с него глаз. Максим с сосредоточенным видом продолжал, как бы пробуя ответить на собственный вопрос.

— Может быть только одно объяснение. «Баритон» предупредил меня, что если я плохо сыграю свою роль, дядюшка со мной расправится. Возможно, здесь-то и кроется ответ. Те двое где-то сфальшивили, дядюшка это заметил и в какой-то момент перестал верить, что они, это — он сам. Наступившее разочарование тут же переходило в ненависть к тому, кого еще вчера он любил всем сердцем. Обманутые надежды способны породить жажду мести. Но в еще большей степени, думаю, для него это могло быть отречением от них. Он как будто говорил: это не я! Во всяком случае, надо иметь в виду, что убить кого бы-то ни было, за исключением настоящего Петра Шемейко, для него — сущий пустяк.

Аша была в растерянности. После паузы Максим снова схватил ее за руку.

— Аша, я должен бежать! Сейчас же, немедленно! Боюсь, этот Чан что-то подозревает. Я пришел за тобой. Давай убежим вместе!

— Нет, нет, — она испуганно вырвала руку. — Я... я не могу.

— Ты боишься?... Напрасно. Мак-Раст наверху, у дядюшки. Его катер ждет у пирса. Как раз сейчас самый удобный момент, другого такого может не быть.

— Но ведь ты же сам сказал, что меня он не тронет!

Максим засопел.

— Что ж, я не вправе тебя уговаривать. Ты должна решить это сама. Как знать, может, тебе и в самом деле лучше не подвергать себя риску?... Ладно, оставайся. Скоро здесь будет полиция, она и заберет тебя отсюда.

Он еще хотел добавить что-то по поводу того, как ему невесело с ней расставаться, но замаялся, потому что не хотел напоследок быть неискренним: пока приходилось притворяться перед дядюшкой, она была ему нужна, чтобы отводить душу. Но не существовало такой цены, которую он не мог бы заплатить за решение покинуть остров.

— Извини! Мне пора идти.

— Конечно, иди, — кивнула она. — И не беспокойся обо мне.

— Надеюсь, что все будет в порядке.

— Я тоже, — в ее глазах промелькнула грусть и исчезла. — Поднимусь-ка лучше наверх, попробую их ненадолго отвлечь.

Вдруг он догадался, что по отношению к ней нельзя вот так просто взять, повернуться и уйти.

— Аша!

Она остановилась. Еще секунда — и они разошлись бы в разные стороны. Он подошел, обнял ее за плечи и осторожно привлек к себе. Она не сопротивлялась. Но Максим не поцеловал ее, из боязни, что прощание может слишком затянуться. Ее волосы, лаская, лишь бегло скользнули по его щеке.

Думая о том, что больше он ее никогда, вероятно, не увидит, он спрашивал себя и не мог найти ответ, хочет ли унести это воспоминание с собой.

Катер слегка покачивался на волнах, со скрежетом вытирая борт о деревянные сваи пирса. Охранять его было некому, все находились наверху, у дядюшкиной постели.

Максим быстро спустился от беседки к морю и бегом пересек длинный пирс, хотя его и так уже никто бы не догнал. На ходу освободив конец каната, прыгнул в катер. Тот качнулся, между ним и причалом образовалась широкая брешь.

Сегодня ему пришлось провозиться с зажиганием дольше, чем тогда, когда он собирался бежать на джипе. Тем временем корму развернуло волной, и катер начало относить к берегу. У него внутри все оборвалось: если сию минуту мотор не заведется... Он вообразил змеиную улыбку Чана. Едва удалось, подавив страх, снова сосредоточиться над зажиганием.

Запустился! Максим вытер рукавом вспотевшее лицо и направил катер в открытое море. Теперь лишь бы не напороться на рифы, коварно прятавшиеся под водой. После всего, через что он прошел, это было бы слишком. Хорошо, что он запомнил, хотя бы в общих чертах, путь, которым они возвращались от миссис Хептон. Он внимательно следил за ориентирами и за гладкой поверхностью воды, под которой могли в любую секунду появиться смутные очертания коралловых рифов. Даже назад не оглянулся ни разу, хотя ему не терпелось узнать, заметили ли его бегство. Скорее всего, да, но теперь им оставалось только бессильно кусать локти.

Скоро берег превратился в сплошную зеленую полосу. Максим повернул руль и пустил катер параллельно ей. Ветер яростно свистел в ушах, забивался в ноздри и рот. Солнце слепило глаза. Он ничего этого не замечал. И не было вялости после бессонной ночи, проведенной за чтением дядюшкиных дневников.

Ему не хотелось задумываться над тем, что же будет дальше. Однако в двух вещах был все же уверен: никогда больше не вернется он на эту землю и ни за что не войдет ни в один террариум.

Киринда обнаружила себя белеющей набережной в расплывшейся тени высоких пальм. Сначала берег показался ему незнакомым. Но потом он разглядел яхту, на которой они танцевали под старую мелодию боссановы, и все остальное тут же приобрело узнаваемый вид.

Неожиданно из-за мыса выскочил катер береговой охраны и кинулся ему наперерез. Над водой угрожающе взвыла пронзительная сирена. Катер явно нацелился в его сторону. Расстояние сокращалось на глазах. Впрочем, Максим не собирался убегать. Голос, прозвучавший через рупор, потребовал остановиться. Вблизи от берега Максим и без того шел на малых оборотах. Тем не менее на требование полиции он заглушил двигатель.

По переброшенному мостику на его катер сошло несколько полицейских. Ему объявили, что он арестован, и на него надели наручники.

Оба катера, береговой охраны — впереди, за ним — катер Мак-Раста, на котором оставался Максим, уже без моторов, по инерции подходили к берегу. У пирса их дожидался полицейский джип.

Борт ударился о сваи пирса, катер резко качнуло. Максим в наручниках потерял равновесие и упал бы, если бы не полицейские. Те же руки подтолкнули его сзади. Очутившись на берегу, он обратился к сержанту, который ими всеми командовал, и потребовал связаться с инспектором Вирасурия. На что тот, небрежно пожав плечами,

пообещал, что очень скоро такая возможность ему представится.

Присутствие полиции собрало на набережной толпу, которая с ленивым любопытством наблюдала за тем, как Максима провели по пирсу и втокнули в джип, а по краям сели полицейские. До него доносились восклицания, но он ничего в них не понимал. Как и того, почему он в джипе и в наручниках. Он успокаивал себя, что это ненадолго.

Полицейское управление, оказывается, находилось совсем недалеко от рыночной площади. Он узнал фонтан, украшенный лотосами. Они совершили вокруг него полуоборот, обдав клубами серого дыма. Затем свернули в одну из тесных улочек, примыкавших к площади. Он успел заметить флаги, полицейского, стоящего у входа, прежде чем автомобиль влетел в раскрывшиеся перед ним ворота.

С четырех сторон их окружали высокие угрюмые стены. Максим вышел из джипа, и в этот момент с него сняли наручники. Полицейские под руки ввели его в здание. Тут сопровождающий передал его встретившему их еще одному полицейскому со словами:

— Этого — к Вирасурии.

Максима повели полутемным коридором. Вдруг тяжелая рука легла ему на плечо. Другая в это время открыла дверь.

Шагнув вперед под действием легкого толчка, он оказался на пороге тесноватого кабинета, всю мебель которого составляли письменный стол и еще ряд стульев у стены, доходивший до самого порога. Впрочем, от края до края всего-то и помещалось не больше пяти стульев. Окно было забрано решеткой и, повидимому, никогда не открывалось: в этой тесноте стоял едкий, задымленный воздух, кажется, пропитавший тут все подряд. Тучный человек в гражданской одежде (видна была только светлая рубашка с коротким рукавом, обнажавшая волосатую грудь), пуская дым к потолку, смерил его взглядом и снова уткнулся носом в стол. Затем что-то произнес на сингальском языке, не поднимая головы. Пепельница стояла у него под рукой, закрывая часть текста, который он так увлеченно читал.

— Простите, сэ, вы, как я понимаю, инспектор Вирасурия? — радостно поинтересовался Максим.

Тот снова, нахмурившись, посмотрел на него снизу вверх.

— С каких это пор арестованные начинают сами задавать вопросы? — на этот раз он заговорил по-английски, хотя и с заметным акцентом.

Максим поторопился внести ясность.

— Если я арестован, то, очевидно, в результате какого-то недоразумения. Я Петр Шемейко, племянник мистера Пула.

— Вижу, — бросил Вирасурия, доставая из груды скоросшивателей, находящихся у него под рукой, новую папку.

— Ну, и... — протянул Максим, удивленный тем, что ему не удалось произвести на полицейского никакого впечатления.

Вирасурия пожал плечами.

— А разве из этого что-нибудь следует? Лично я не знаю ни одной причины, по которой племянник мистера Пула не может быть арестован в том случае, если он нарушил закон.

— О чем это вы? — Максим был совершенно сбит с толку. — Повторяю, я Петр Шемейко...

— Это я уже слышал, — не слишком вежливо перебил его инспектор. — И тут нет

никакой ошибки. Вы угнали катер доктора Мак-Раста. Не знаю, как там у вас на вашей родине, а здесь посягательство на частную собственность считается преступлением. И вы ответите за это перед законом.

— Что?! Послушайте, моя жизнь подвергалась опасности, меня собирались вот-вот убить, а вы мне — про катер?

На этот раз удивился почему-то Вирасурия.

— Так вашей жизни кто-то угрожал? Интересно знать, кто же?

Максим едва не задохнулся от возмущения.

— Вы что, ничего до сих пор не поняли? Слышите, это я вам звонил сегодня утром, это со мной вы говорили по телефону всего лишь несколько часов назад! Не ожидали меня увидеть? Ну да, я сказал вам, что не смогу выбраться без вашей помощи, но мне случайно повезло, и, как видите, я здесь. Так чего же вам еще надо? Пошлите кого-нибудь на виллу, арестуйте ее хозяина, и дело с концом.

Откинувшись на спинку стула всем своим грузом, Вирасурия самозабвенно покуривал сигарету, тогда как его глаза с нескрываемым интересом изучали одежду сидящего напротив наглого арестанта.

— Значит, вы звонили мне сегодня утром? — переспросил он в перерыве между двумя затяжками.

Максим в подтверждение кивнул головой, хотя тон собеседника насторожил бы кого угодно.

— И вы утверждаете, что разговаривали именно со мной?

Максим оторопел.

— Что за вопрос, вы же мне сами представились! — однако у него по спине пробежал неприятный холодок.

Вирасурия состроил гримасу, из которой следовало, что он сомневается в способности Максима отвечать за свои слова.

— Что ж, допустим, — внезапно он изменил тактику и обвел рукой стол, заваленный папками и просто кипами бумаг. — Сами видите, сколько у меня работы, я вполне мог проявить рассеянность. Так может, вы мне напомните в двух словах, о чем мы с вами говорили по телефону.

Максим постарался овладеть собой. Вирасурия вел себя так, словно утром не было никакого телефонного разговора. Все это выглядело крайне подозрительно. Но он не должен был дать ни малейшего повода этому толстому полицейскому сомневаться в нем самом.

Стараясь сдерживать эмоции, он изложил суть дела. Вирасурия в это время пускал кольца дыма к потолку и бросал на него загадочные взгляды.

— Так, так, — закивал он головой, когда Максим остановился. — Ну и где же трупы тех, кого ваш дядюшка успел отправить на тот свет? Остались хоть какие-нибудь следы? (Максим развел руками). Видите ли, насколько мне память не изменяет, в наших досье не зарегистрировано ни одно, по крайней мере, нераскрытое убийство, не было и пропавших в этот период.

— Вы уже говорили об этом по телефону, — со вздохом напомнил Максим.

— Неужели? Вот видите.

Максим не стал спрашивать, почему у него такая цепкая память на преступления, совершенные год тому назад, и такая никудышняя — на телефонный разговор, состоявшийся не далее как сегодня утром.

— А еще вы сказали, — продолжал он, снова начиная терять самообладание, — что у вас на него заведено дело, и что вам только не хватает улики. Кстати, вы пообещали вытащить меня оттуда, хоть об этом вы, надеюсь, не забыли? Вы посоветовали мне сидеть и ждать вашего появления, а быть может, все-таки забыли?

— Знаете, похоже, я был прав, советуя вам оставаться на месте. Зря вы меня не послушались, тогда и не натворили бы глупостей.

— На что вы намекаете? Послушайте, мой так называемый дядюшка — маньяк-убийца, или вы до сих пор этого не поняли?!

— Он — маньяк, — невозмутимо сказал Вирасурия. — А вы?

— Что — я?

— Вы разве не маньяк?

Максиму вдруг нестерпимо захотелось его задушить.

— Значит, вы мне не верите?! Тогда объясните, с какой целью вы стали водить меня за нос, когда я вам позвонил? — он и впрямь вскочил и грозно навис над Вирасурией, подмяв руками его документы.

Тот быстро сунул руку под стол. В кабинет влетел полицейский и силой усадил Максима на место.

Поправив смятые бумаги, Вирасурия уже успокоенно заметил:

— Должно быть, вы забыли, где находитесь. Здесь пока еще полицейское управление, а не сумасшедший дом!

— Если бы вы захотели, то смогли бы сами убедиться в том, что я сказал правду!

— Э, — Вирасурия небрежно отмахнулся. — А впрочем... Ответьте хотя бы еще на один вопрос. Если вы не племянник мистера Пула, как вы утверждаете, то, в таком случае, кто же вы на самом деле? Назовите ваше настоящее имя.

Кровь хлынула Максиму в лицо. Такого оборота он не ожидал. Секунду они молча сидели друг против друга. Вирасурия наслаждался его глубокой растерянностью. Вдруг почувствовав себя окончательно загнанным в угол, Максим поник головой. Вирасурия многозначительно переглянулся с полицейским и торжествующе ухмыльнулся.

Его рука потянулась к телефонному аппарату.

— Соедините меня с виллой мистера Пула. Номер...

У Максима потемнело в глазах. Вирасурия продиктовал тот самый номер, по которому он звонил в полицию несколько часов назад!

— Кто у телефона? Это вы, Чан? — словно сквозь туман видел он одутловатое лицо Вирасурии, развернувшееся к нему в профиль. — Вирасурия. Можете ни о чем не беспокоиться. Передайте вашему хозяину, что его племянник у нас. Впрочем, насчет остального вы оказались правы. Этот молодой человек целиком во власти каких-то несвязных представлений... Да, к сожалению. Типичная паранойя. Знаете, лучше бы им занялись врачи. Я бы все же отправил его в клинику для... такого рода больных, ну, вы меня понимаете, — он спохватился, вспомнив, что Максим все еще рядом и сделал знак полицейскому вывести его за дверь. Прикрыв трубку ладонью, добавил. — Присмотрите за ним хорошенько.

Максима вывели в коридор и усадили на скамью. Он перестал возмущаться и присмирел. Спорить бессмысленно! Он сам постарался убедить полицию в том, что он душевно больной. Его маскарад плюс этот трюк с телефонным номером, а тут еще и висящее над ним обвинение в Польше. Полиция, это была западня. Не пошевелив и пальцем,

дядюшка снова уложил его на обе лопатки.

Вирасурия, распахнув дверь, остановился на пороге своего кабинета.

— Должен сказать, вам еще повезло, мистер Шемейко. Ваш дядюшка против того, чтобы вас поместили в лечебницу. Он обещал мне присматривать за вами. И хотя это против правил, однако учитывая, с кем имеешь дело, я согласился вернуть вас на его виллу, при условии, что вы и носа оттуда не высунете. Вам ясно? — увидев, что Максим не собирается протестовать, он удовлетворенно кивнул головой. — Вижу, вы начали приходить в себя. Ну что ж, это обнадеживает. Постарайтесь поскорее выбросить из головы всю эту чертовщину и больше не огорчайте вашего дядюшку, — затем он что-то бросил на своем языке полицейскому, и тот подтолкнул Максима к выходу.

* * *

Тем не менее, обратно его снова везли в наручниках, очевидно, по указанию Вирасурии. С угрюмым спокойствием смотрел он на приближающийся берег, черепичную крышу дядюшкиного коттеджа и деревянный пирс, на краю которого стоял Чан, готовясь закрепить канат.

Полицейские поддержали его снизу, а Чан подстраховал сверху, пока он взбирался по трапу. Спустя какое-то время Максим хладнокровно воспринимал поражение, надеясь лишь на то, что по пути ему не придется столкнуться с Ашей. Ему не хотелось, чтобы она его увидела в сопровождении полицейских.

Они отвели его в комнату Чана на первом этаже, и только здесь освободили от наручников. Чан потребовал, чтобы их оставили наедине. Полицейские вышли, он плотно прикрыл за ними дверь.

— Итак, вы меня не послушались.

— Мне вам нечего сказать, — испытывая к нему глубокую неприязнь, ответил Максим.

— Зато у меня к вам есть претензии.

— А мне на них наплевать. Сейчас ваша взяла, но не надейтесь в следующий раз схватить меня голыми руками.

— Посмотрим, — многообещающе заметил Чан.

Максим отвернулся, его рот вызывал у него такое же отвращение, как и его змеи.

— Я был прав, что не доверял вам. К счастью, мне удалось убедить мистера Пула принять дополнительные меры предосторожности. Он вписал в свой блокнот второй принадлежащий ему телефонный номер, как номер полиции, и держал его на видном месте, чтобы вы без труда смогли им воспользоваться. Вы думали, что перехитрили нас. Какая самоуверенность! Вам и не пришло в голову, что на вилле может быть две линии. Обе одновременно включаются наверху. Если ни я, ни ваш дядюшка этого не делали, то, следовательно, это могли сделать только вы. Едва зазвонил телефон, как я уже знал, кто звонит и с какой целью. Вы же в это время были убеждены, что разговариваете с полицией. Как вам мой сингальский акцент? Совершенно меняет голос, не правда ли?

— Когда я это понял, было уже слишком поздно.

— Вы поступили очень неразумно. Теперь я буду вынужден прибегнуть к крайнему средству, — сказал Чан, открывая аптечку и доставая оттуда посудину для кипячения шприцов.

На глазах у Максима он насадил иглу, резким движением надломил горлышко ампулы и всадил в нее шприц. Максим с возрастающей тревогой следил за его действиями.

— Будьте добры закатать рукав.

— Что?!

— Прошу вас, закатайте рукав, — повторил Чан терпеливо.

— А вы считаете, можно вот так взять и ввести человеку Бог знает что, не спросив даже, что он об этом думает?

— Вы правы, — Чан оставался невозмутим. — Я действительно об этом не спрашиваю, так как все равно уверен, что вы согласитесь.

— Наглости у вас хоть отбавляй!

— На вашем месте я бы не торопился с выводами.

— Вот как! Интересно, что же в этом шприце?

— Во всяком случае, не то, о чем вы подумали. (Он позволил себе утверждать, будто читает его мысли!). Это лишь успокоит вас на некоторое время... Вы готовы? — Чан сжимал двумя пальцами обращенный кверху шприц.

— Вы это серьезно?

— А разве похоже, чтобы я шутил? Послушайте, там, за дверью, остались полицейские. Для них вы не более чем сумасшедший. Если они заметят в вашем поведении малейший намек на агрессивность, вас немедленно упекут в «психушку», из которой вы едва ли когда-нибудь выйдете. Предпочитаете, чтобы я их позвал? Достаточно одного моего слова... Так что вы решили выбрать?

Максим ненавидел Чана тем сильнее, чем бессильнее был против его аргументов. Это чувство не покидало его до последней минуты, когда он услышал, как игла проколола его кожу. Он, полный жизни, отнюдь не слабый молодой человек целиком зависел от беспомощного дядюшки и старого Чана.

Очнувшись, он тут же догадался, что лежит на земле. Под ним был мягкий мох, от земли исходил теплый пар. Протерев глаза, Максим приподнялся на локтях и осмотрелся вокруг, но ничего не увидел, кроме темноты. Темень, хоть глаза выколи. Над головой, правда, нависали черные кроны деревьев, а в их просветы заглядывали случайные звезды. Луна пряталась за тучами. Когда она выйдет, он сможет рассмотреть больше. Возможно, это наведет его на какую-то мысль и позволит хотя бы частично восполнить пробел в своей памяти. Пока же он и понятия не имел о том, как тут оказался. Помнил только, как позволил сделать себе укол, и как после него куда-то провалился. Долго же он спал. Сейчас была уже ночь, значит, прошло не меньше пяти... или даже шести часов. За это время Чан мог отвезти его куда угодно. Только вот почему он бросил его одного в джунглях? Максим напрасно старался припомнить хоть что-нибудь. В памяти попрежнему чернела невосполнимая дыра.

Необычную атмосферу создавало полное отсутствие ветра, ни малейшего дуновения. Хотя откуда в джунглях взяться ветру? И еще вокруг стояла невероятно глубокая тишина, как если бы он находился в звукоизоляционной камере. Ощущение этого вселяло в него необъяснимый страх. Но ведь это джунгли, попробовал он себя успокоить, тут всегда так.

Луна окружила сияющим ореолом край облака. Вот-вот она выплывет на чистое небо, и по крайней мере тогда уже не будет этой пугающей темноты. Максим попробовал встать на ноги, желая встретить ее стоя. Однако пружинистый мох зашатался под ногами, он потерял равновесие и чуть было не упал. Не упал по одной единственной причине: его протянутые руки неожиданно натолкнулись на какую-то гладкую и твердую поверхность, неизвестно откуда взявшуюся на его пути. Он попробовал обойти препятствие, но тщетно. Впереди была стена! На ощупь она показалась ему очень знакомой. Его мозг еще отказывался что-либо понимать, а он уже знал, что упирался в стекло. Стекло в джунглях?! Как бы не так!

В это мгновение лунный свет просочился сквозь листву. Максима будто ударило током. Это были не джунгли. Он находился в террариуме, в свободном вольере между отсеками Немезиды и Фараона. Дверь в сетчатом ограждении была заперта на замок.

* * *

Хорошо, что он уже был на ногах. Одно лишь воспоминание о мшистом настиле, на котором он только что лежал, могло вызвать очередной приступ тошноты.

Кобра была совсем рядом. При луне ее кожа отливала матово-серебристым блеском. Видимо, ее беспокоило присутствие человека и то, что он начал двигаться. Их разделяла перегородка из стекла, такая же, как и с другой стороны. Она состояла из двух частей, нижняя половина была подвижной, она могла приподниматься и управлялась тем же способом, что и крохотные шторки, имевшиеся в каждом отсеке — разница только и заключалась, что в размерах. В этом случае оба вольера сливались в один. Сейчас она была опущена. Хотя радости это ему доставляло, в общем-то, немного. Максим надолго в страхе прилип спиной к двери, словно боялся упустить момент, когда кто-нибудь придет его вызволять. Холодный пот выступал у него на лбу.

Зато теперь он отчетливо представлял, что на самом деле произошло с теми двумя.

Обманным путем Чан завлекал ничего не подозревающую жертву в вольер. Черт, снова этот ревматизм! Всегда он невовремя! Прошу вас, сэр, будьте так любезны, подлейте водички вон в тот сосуд, а то мне самому никак не согнуться». Жертва не успевала опомниться, как дверь запиралась на замок, и она оказывалась в западне. Если же этот метод почему-то не срабатывал, ее усыпляли, например, подмешав снотворное в сок. Максим смутно припомнил, как, сделав укол, Чан усадил его в кресло-каталку. Пробуждение происходило уже в террариуме, за запертой дверью. В следующем акте убиралась перегородка между вольерами. Возможно, пока человек вел себя спокойно, змея и мирилась с его присутствием. Он мог передвигаться по обширному вольеру, который становился еще просторнее после снятия перегородки, но не имел права на сон. Поэтому рано или поздно разыгрывалась драма не для слабонервных — тем более что она могла продолжаться бесконечно долго. Все зависело от самой жертвы. Доведенный до отчаяния человек должен был по собственной воле ускорить развязку. Можно и так сказать, что дядюшка их не убивал. Они сами сделали это за него — сами сделали свой выбор.

Да и Максиму было что вспомнить. Дядюшка определенно не любил физического насилия: он предпочитал, чтобы жертва сама ложилась на алтарь, увлекаемая одной лишь силой его ума. Своеобразный способ удовлетворить свое непомерное тщеславие! Именно это обещал ему «баритон» еще в Варшаве, и Максим действительно не мог пожаловаться на отсутствие свободы выбора.

Еще не остывшее тело погружалось на джип, и на несколько часов Чан уезжал с виллы, как было в то утро, когда исчез Президент. По дороге он сбрасывал его на обочину. И никаких следов преступления. Ни у кого не вызовет подозрение человек, умерший в таком месте, как джунгли, от укуса змеи.

Издали хлопнула входная дверь. Над головой вспыхнул ослепивший его электрический свет. Максим воспрянул духом. Хотя, если судить по уверенным шагам, это мог быть только Чан. А впрочем, не все ли равно? Пусть будет кто угодно, что может быть хуже одиночества в подобном окружении! Только на секунду ему стало страшно: а не для того ли тот, собственно, явился, чтобы поднять ту самую перегородку? Но он сразу же себя успокоил. Всех своих актеров дядюшка убивал только после спектакля. Вплоть до этого момента ему ничего не грозит, они будут его запугивать, но не более. В его распоряжении оставались сутки и еще целая ночь. За это время он обязательно успеет что-нибудь придумать.

Чан появился в проходе, хозяйским оком поглядывая по сторонам. У соседнего отсека он ненадолго задержался. Потом подошел к Максиму.

— Ну как, отдохнули, сэр? Надеюсь, вы не испытывали никаких неудобств? Я оставил вас в том месте, которое облюбовала для себя Немезида. Надо сказать, она ужасно привередлива, ищет, где помягче, зато, свернувшись в клубок, будет лежать там часами.

— Эй, вы хотите, чтобы меня стошнило? Какого черта вы меня тут заперли?

— Вам не понравилось?

— Не морочьте мне голову! Почему вы это сделали?

— Чтобы вы наконец поняли: с вами не склонны шутить. Эта ночь послужит вам хорошим уроком.

— Что до шуток, по-моему, это вполне очевидно, — Максим с отвращением покосился вправо от себя, где ползала любимица Чана. — А что до остального... — он еще думал: сказать или промолчать? Но решил идти до конца. — Вы ведь все равно этого не сделаете. Я знаю, что бывает после спектакля. Но до тех пор я вам нужен живой. Или я ошибаюсь?

Чан не повел и бровью.

— Ну что ж. Ваша правда.

— Тогда, может быть, для начала все-таки откроете дверь?

— Не раньше, чем я буду уверен в вашей лояльности.

— Послушайте, вы пришли, чтобы выпустить меня отсюда, или чтобы поиздеваться? Не собираетесь же вы меня, в самом деле, держать тут до завтра?

— До завтра? Ни в коем случае. Гости уже собрались. Ждут только вас.

— Гости?... Какие еще гости? — Максим сделал судорожный глоток.

— Миссис Хептон, доктор Мак-Раст и несколько других, с которыми вам пока еще не приходилось встречаться, — ответил тот бесцветным голосом.

Ему совсем стало нехорошо.

— Разве спектакль перенесен?... — он оторопело посмотрел сквозь сетку, но в спокойных глазах Чана был готовый ответ. — О, неужели я столько проспал?! Больше суток — на этой постели?... Чем вы меня напичкали?

— Вы меня сами к этому вынудили. Сколько раз я пытался воззвать к вашему благоразумию, и все напрасно. Оставьте я вас на свободе, вы опять что-нибудь выкинули бы, — Чан достал из кармана ключ, показывая его Максиму. — Пообещайте больше не делать глупостей, и я выпущу вас сию же минуту.

У Максима заблестели глаза.

— А если я дам вам такое обещание, этого будет достаточно?

— Я поверю не вашим словам, а тому здравому смыслу, который, как я надеюсь, одержит над вами победу.

Проклятый вьетнамец! Но все равно, лишь бы быть подальше отсюда!

Чан вставил ключ в замочную скважину. Дверь ловушки открылась бесшумно, ни разу не заскрипев. Максим выбрался из вольера, с трудом передвигая ногами.

Они вышли в парк. Максим на полную грудь вдохнул живой ароматный воздух, не пропущенный через кондиционеры. Ноздри приятно щекотнул запах сандаловых деревьев.

К нему возвращалась уверенность. Теперь можно было без риска задать следующий вопрос.

— Так что же, по-вашему, должен мне подсказать этот здравый смысл?

— У вас нет другого выхода, кроме как делать то, что вам предлагают.

— То есть продолжать играть свою роль... роль молодого Джонатана Пула?

Чан посмотрел на него прищурившись.

— Петра Шемейко, — поправил он.

— Но ведь мы оба знаем, что наступит потом.

— Постарайтесь не допустить ошибки. Сделайте все правильно. Если дядюшка будет вами доволен... Ведь он вас очень любит — пока верит, что вы, это — он. Во всяком случае, это ваша единственная возможность. Бежать вам все равно некуда. Джунгли, это вам не «Диснейленд». А на всех дорогах и во всех населенных пунктах вас будет ожидать полиция. При этом у вас ни документов, кроме, конечно, «засвеченных», ни денег, чтобы купить себе новые. Поверьте, стоит вам лишь немного отъехать от виллы, как на вас тут же наденут наручники. Надеюсь, вы не забыли обещание, которое дал вам инспектор Вирасурия?

Максим призадумался.

— А вы не боитесь, что я открою правду вашим гостям? — спросил он вдруг.

— Какую правду? — Чан пренебрежительно пожал плечами. — Скажете им, что

дядюшка убил ваших предшественников? Смешно. Вы же не сможете ничего доказать. Дневники? Вы их больше не найдете. А на слово вам никто не поверит. Они прекрасно знают, что Петр Шемейко не может убить собственное воспоминание. Вы добьетесь только того, что вам станут сочувствовать. С местной полицией вы уже познакомились. Теперь настал черед познакомиться с гостями.

— Как знать, а если мне удастся все же поколебать их уверенность?

— Не преувеличивайте свои возможности.

— Но они поверят, если я смогу объяснить им причину.

— А вам она известна?

— А вам? — тут же спросил Максим. — Черт возьми! Почему же все-таки он их убивал?

В ответ Чан задумчиво покрутил головой.

— Боюсь, этого не знает никто.

Из окон первого этажа струился яркий свет и лилась спокойная музыка Гленна Миллера. В дядюшкиной фонотеке не было ничего более современного. На пороге Максим услышал приглушенные голоса. Возможно, где-то в глубине души он приготовился увидеть мужчин в военных мундирах черчиллевской армии. Но тогда его ожидало бы разочарование, на самом деле все оказалось значительно проще. Человек десять гостей расположились на мягких диванах, и еще меньше разбрелось по широкой гостиной. Дядюшка сидел на краю дивана, по-светски болтая с престарелой леди. Очевидно, леди была до некоторой степени глуховатой, потому что каждую вторую фразу ему приходилось повторять дважды.

Увидев Максима, он поманил его рукой, а когда тот подошел, встал с его помощью и сказал так громко, чтобы привлечь общее внимание:

— Дамы и господа! Разрешите вам представить Петра Шемейко, моего дорогого племянника!

Гости приветливо заулыбались, кто-то произнес: «Добро пожаловать на остров Цейлон!». Максим заметил, что его пристально разглядывают. В этот момент тетушка Патриция, как всегда в трудную минуту, со своим тактом пришла ему на помощь.

— Петр, подите-ка сюда, мой милый. Джонатан, позволь мне его обнять, и пусть он побудет около меня. Я успела по нему соскучиться.

Целуя в обе щеки тетушку Патрицию, Максим в то же время успел обратить внимание, что дядюшка глазами велел Чану задержаться.

Аша разносила по гостиной мороженое в высоких вазочках из цветного стекла. Нужно было ее предупредить. Он знал только один, традиционный, способ, как это сделать. Когда она приблизилась, он снял вазочку с мороженым для миссис Хептон, и при этом со всей возможной неловкостью постарался задеть ложечки, лежавшие на подносе. Одну из них ему удалось сбросить на пол. Аша тут же стрельнула глазами по сторонам, проверяя, кто что видел.

— Ах, прошу прощения! — сказала она и потянулась за упавшей ложечкой.

Максим нагнулся одновременно с ней. Сценарий был расписан еще до них.

— Узнай, что дядюшке понадобилось от Чана, — сказал он ей полусшепотом, а, выправившись, ответил громко, так, чтобы слышала миссис Хептон. — Не стоит извиняться. Это исключительно моя вина.

Аша нарочно замешкалась возле дядюшкиной собеседницы, тем самым отвлекая ее для него. Воспользовавшись паузой, дядюшка подозвал Чана. Тот наклонился над диваном и стал что-то объяснять.

— Спасибо, Петр, — тетушка очаровательно улыбнулась, принимая мороженое из его рук. — Это очень любезно с вашей стороны.

На лице Максима появилось загадочное выражение.

— Можно, тетушка, вас о чем-то спросить?... Вы преданы дядюшке, не так ли? Всецело душой. Наверное, не задумываясь спасли бы его от тюрьмы, если бы она ему грозила, а у вас была бы такая возможность. Ради него вы готовы на все. Не отрицайте, я давно за вами наблюдаю, и успел догадаться, что вы и дядюшка...

— Петр! — укоризненно остановила его миссис Хептон. — Мы с ним как брат и сестра!

— Разве? А мне показалось, что вас связывает нечто большее.

— Исключительно романтические воспоминания, Петр, о былой юности, только и всего. К тому же, поверьте, между мной и Джонатаном никогда ничего не было.

— Тетушка! — он посмотрел на нее с упреком. — А как же «неудачное» путешествие на плоту?

Миссис Хептон зарумянилась.

— Ах, вот оно что! — протянула она после небольшой заминки. — И как же вы это определили?

— По спичкам.

Она сокрушенно качнула головой.

— Ну хорошо. Да, признаюсь, я устроила это нарочно. Незаметно перерезала веревку, связывающую плот, в результате чего мы оказались в воде. Вы правы, спички, чтобы можно было развести огонь, я заблаговременно спрятала в пластиковый пакет, в мои планы не входило стать лакомством для хищников. До сих пор не могу определенно сказать, догадался ли Джонатан, что на самом деле тогда произошло... Я была в него влюблена, это тоже правда. И хотела остаться с ним на берегу. Да вот проблема: он этого не хотел.

— Он вас не любил? — догадался Максим.

— Ну вот, слава Богу, мы все выяснили, — закончила недовольно миссис Хептон.

Он немного подождал, из уважения к ее чувствам.

— Но, во всяком случае, вы-то его любили, и, как мне кажется, остались верны этой любви по сегодняшний день. И вот что я подумал. Если бы, к примеру, вам пришлось выбирать между мной и дядюшкой, на чьей стороне вы бы оказались?

— Не понимаю, — ее брови сошлись у переносицы.

— Не понимаете? Или не хотите понять, потому что вам так же трудно сделать этот выбор, как между двадцатилетним дядюшкой и шестидесятилетним?

— Петр, Бога ради, объясните, что происходит?

— Прежде всего, я никакой не Петр...

— Что вы сказали?

— Ах, оставьте, тетушка, не делайте удивленное лицо. Когда-то вы были актрисой, и надо думать, очень неплохой. Но всему есть предел. Этот обман зашел слишком далеко.

— Дорогой мой, о чем это вы?

— Прошу вас, не надо! Вы прекрасно знаете, о чем, тетушка. И все это знали, с самого начала, — он обвел глазами гостиную. — Все, кроме меня.

Миссис Хептон поняла, что ей придется уступить.

— Да, это так. Хотя, поверьте, мне искренне жаль. Петр... ах, все равно я не могу вас иначе называть! Когда-то я просила вас не судить наше поколение уж больно строго. Вы должны понять: эти воспоминания — все, что у нас осталось. Так простите же ему эту невинную хитрость с племянником.

— Вы тоже принимали в ней участие. Ведь именно вы помогли дядюшке уговорить меня сыграть в его идиотском спектакле. Вы были с ним заодно!

— Не сердитесь, — мягко остановила его тетушка. — Я была вынуждена это сделать — для него. Еще раз прошу, не осуждайте нас.

Чан был, конечно, прав, она ему ни за что не поверит, подумал Максим.

В десяти шагах отсюда дядюшка спрашивал у Чана, и Аша все это слышала:

— Ты заглядывал к нашим питомцам?

— Безусловно, сэр.

- Ну и как они себя чувствуют?
- Фараон, кажется, немного приуныл.
- А Немезида?
- Она, как всегда, в форме.
- Тогда не бери у нее завтра яд.
- Слушаюсь, сэр.

Отпустив Чана, дядюшка встал и объявил всем, какой он приготовил сюрприз. Небольшой спектакль с участием его племянника. Гости дружно зааплодировали и разместились полукругом у небольшого помоста, заранее сооруженного на свободном пространстве. Шум быстро стих. Тогда Максим понял, что безвозвратно пришел его черед.

Слова, которые он произносил со сцены, нельзя было ни забыть, ни перепутать: сейчас от этого зависело все. Аша выглядела чуточку бледной и играла хуже, чем на репетиции, но только Максим, который репетировал вместе с ней, видел ее сегодняшние накладки. В целом же они припасли несколько интересных решений, которые должны были покорить публику, что в конце концов и случилось. Когда он достал из кармана подаренную ему свирель и, присев на краю помоста, заиграл печальную мелодию, а Аша на вытянутых носках медленно закружилась над ним в грациозном танце, вокруг наступила многозначительная тишина. Наверное, так же было и возле фонтана, в Джамму, много лет назад. Конец был встречен громкими овациями. Дядюшкино лицо сияло от удовольствия. Максим взял Ашу за руку, и они, поклонившись зрителям, сошли со сцены.

— Петр, я хочу тебя обнять, — растроганно сказал дядюшка, в глазах у него блестели слезы. — Это было восхитительно! Спасибо! Посмотрите на него, посмотрите, — повторял он с гордостью, обращаясь к гостям. — Какой он молодец, правда?

Гости по очереди подходили и поздравляли обоих: Максима и дядюшку. Максиму трясли ладонь, или обнимали его, или целовали в щеку, если то же самое проделывали с дядюшкой. Он обратил внимание, что между ними не делали никакой разницы. Только миссис Хептон издали смотрела на них с невыразимой тоской, причину которой было нетрудно понять.

* * *

На ночь гостей разместили по свободным комнатам, в доме их вполне хватало. У пирса не осталось ни одного катера, они все должны были вернуться только утром. Поэтому если бы Максим вздумал снова обратиться к безумной затее с побегом, она так или иначе была бы неосуществима.

Он лежал на кровати в одежде, по привычке просунув руки под голову. Он бы и так не уснул. Завтра или дядюшка попытается его убить, как тех двоих, или на этот раз все обойдется. Если его отпустят, он уедет отсюда как можно дальше, чтобы зажить нормальной жизнью и никогда больше не вспоминать Цейлон. Похоже, дядюшка остался доволен. Гости и он сам признали в нем Петра Шемейко. Значит, цель достигнута? А с другой стороны, с его предшественниками поначалу ведь было то же самое.

Максим посмотрел на часы. Было уже далеко за полночь. Гости наверняка видели второй сон. Он спустил ноги на пол и осторожно приоткрыл дверь. Его встретила мертвая тишина. Он благополучно достиг конца коридора, выглянул за угол, убедившись, что там

никого нет, пересек холл и крадучись прошел мимо комнаты Чана.

В спальне Аши горел свет, пробивавшийся сквозь щелку двери. Он тихо постучал. Аша впустила его в комнату.

— Я уже начала волноваться, думала, ты не придешь.

— Я должен был прийти. В такую ночь я ни за что не остался бы один.

— Знаешь, наверное, ты был прав в отношении своего дядюшки. С каждым днем он вызывает во мне все больший страх. Да, именно страх. Кажется, теперь я начала его узнавать. Я его боюсь!

Он совсем забыл, что просил Ашу подслушать разговор между дядюшкой и Чаном. Теперь это казалось ему не настолько важным. Но то, что она ему сообщила, повергло его в полную растерянность и сделало похожим на тень.

Насупившись, он заходил по комнате, потом сел в кресло и задумался. Аша, не выдержав, поинтересовалась:

— О чем ты сейчас думаешь?

— Думаю о тех, которые были передо мной. Пробую понять, где же они промахнулись. И знаешь, чем дольше над этим размышляю, тем больше убеждаюсь, что они сыграли свою роль именно так, как того требовал сам дядюшка. Господи, но тогда почему же он их убил?

Аша ничего не ответила. Максим смотрел мимо нее с отчаянием.

— Что бы ни ожидало меня завтра, я чувствую собственное бессилие, и это меня больше всего угнетает, — он подавленно опустил голову, закрыв лицо руками.

Аша подошла и обняла его сзади, стараясь утешить по мере возможности, в ответ он не задумываясь мягко коснулся ее пальцев.

— Позволь, я у тебя останусь, — попросил он, ощутив ее тепло.

Она завернула обратно прядь его волос, упавшую ему на лоб.

— А если нас увидят, что тогда?

— Ерунда, все спят.

Аша с ним не согласилась.

— Это ничего не значит. Всякое может случиться. Мистер Пул очень плох. За последние три ночи меня будили пять раз. Что будет, если Чан застанет нас вдвоем? Ночью, в моей комнате... Твоему дядюшке это не понравится.

Максим сосредоточено нахмурил брови. Аша, сама того не ведая, навела его на свежую мысль. Что она там сказала про дядюшку?

Она продолжала что-то говорить, он ее не слушал. Вдруг он оборвал Ашу на полуслове, схватив ее за руку.

— А и в самом деле, интересно, как отреагировал бы дядюшка, увидев нас тут вдвоем? ... Знаешь, я начинаю думать, что если они сделали все по правилам, и это не помогло, то, возможно, было бы лучше, если бы они поступили вопреки им? — Максим откинулся на спинку кресла, его глаза снова заблестели. — Вот послушай. В каждом из этих случаев дядюшка использовал разные эпизоды из своей жизни. Эпизоды-то разные, но есть в них и кое-что общее: женщины! Меня все время удивляло: с какой стати он выбрал именно эту тему? Почему не Нангапарбат или кино, предмет своей гордости? Что такого было в этих серых, в общем-то, далеко не героических эпизодах его юности? Сколько ни старался, я не находил там ничего, на мой взгляд, стоящего внимания. И все-таки — женщины. Дядюшка предпочел их Нангапарбат и кино. Почему для него это так важно? То, что он не был влюблен, совершенно очевидно. Для него это всего лишь мимолетные встречи, не более

того. Будь в его жизни любовь, страсть, она обязательно нашла бы отражение в дневнике. Первая женщина, первое увлечение... Но там нет и намёка на что-либо подобное! Наоборот, я бы даже сказал, он проявлял к ним скорее безразличие, чем интерес. Вот, кстати, и моя дорогая тетушка со своей стороны это подтвердила. И что же в итоге? А вот что, — Максим прищелкнул пальцами, заостряя ее внимание. — С каждым актером дядюшка непременно устраивал спектакль, гости приглашались на вечер, а уезжали только утром. Следовательно, была еще ночь. Всегда одно и то же: последняя ночь накануне того дня, когда он расправлялся со своими актерами! Ночь, которая становилась как бы естественным продолжением спектакля... И не только ночь! Нет, да что там, все мое пребывание на Цейлоне — вот настоящий спектакль. Вот это я и упустил из виду! Теперь-то ты понимаешь?
...

Аша смущенно пожала плечами.

— Не знаю... Женщины, гости, ночные спектакли...

— Ну, и... — Максим досадливо поморщился. — Женщины, гости, ночные спектакли... — повторил он за ней. — Как ты не понимаешь? Дядюшка никого никогда не любил. Он был... импотентом! (У Аши вытянулось лицо). Вот именно! Представь: дядюшка — змеелов, дядюшка — покоритель Нангапарбат, дядюшка — кинозвезда. И вдруг: дядюшка — импотент. Какой удар по его тщеславию! Нет, это была как раз та часть его самого, с которой он ни за что не согласился бы примириться. Для него было крайне важно уничтожить, вытереть навсегда этот факт из своей жизни. Именно это он и собирался сделать с моей помощью. Ты должна была стать той самой Ашей, которая развеяла бы все сомнения. Ты и я, мы призваны были заполнить мучительный для его честолюбия пробел молодых лет. И вот здесь он, как обычно, оказался на высоте. Уже одно то, что мы сблизилась, никак не назовешь случайностью. Нас было только двое в этом сумасшедшем доме, окруженном джунглями. Как же тут не сблизиться, на радость дядюшке! В противном случае мы бы сами сошли с ума. Разве нет? Он, конечно, знал, что, рано или поздно, это должно произойти, и прежде всего потому, что сам толкал нас в объятия друг друга. Радуюсь тому, что нашли себе отдушину, мы ни на секунду не переставали быть марионетками в его руках. Ему оставалось только дожидаться, когда взойдет посев. При этом никто не имел права догадаться, что же происходит на самом деле. В этом он боялся признаться даже самому себе. И еще мне кажется, теперь я понимаю, почему он отказался лечь в клинику: не потому ли, что там могли обнаружить этот его недостаток? Смерть его так не пугала, как правда.

— Так значит, те актеры...

— Они обманули его ожидания. Убивая их, вместе с ними он хотел убить самую мысль о том, что был импотентом.

Аша кивнула головой, показывая, что поняла, а потом снова засомневалась.

— Хорошо. Но ведь это только предположение.

— Которое легко проверить.

— Каким образом?

— А вот каким, — он взял с ее стола кухонный нож и решительно надрезал тыльную сторону своей ладони. Кровь частыми каплями потекла на белую простынь. — Это все, что я могу для него сделать.

Прикрыв ладонью рот, Аша, очевидно, хотела сдержать испуганный крик, как будто и в самом деле это была ее кровь.

Максим не стал возвращаться к себе. На рассвете в доме поднялся переполох. Это означало, что Чан уже вошел к нему в комнату и застал одну лишь примятую постель.

Аша выглядела соблазнительно в ночной рубашке. Еще больше, чем в купальнике. Ее обнаженные плечи отливали равномерным матовым загаром, оттененным белой тканью. Жаль, что утреннее солнце не проникало в ее комнату.

Оба вздрогнули на требовательный стук в дверь. Следующая минута, вне всякого сомнения, была решающей. Максим кивнул головой. Аша подошла к двери и повернула торчащий ключ.

На пороге стоял Чан, как никогда, побагровевший от злости. Гости толпились за его спиной.

У Максима появилось ощущение, словно он кого-то любил, а потом вдруг вспыхнул яркий свет, и зал оказался наполненным зрителями.

— Сэр, — грозно произнес Чан, — своим исчезновением вы подняли на ноги весь дом. Мы боялись, как бы с вами ничего не случилось. У меня на это была особая причина. Вы же знаете, я отвечаю перед вашим дядюшкой... Тем более то, что мы здесь находим, заслуживает самого глубокого порицания. Как вы могли решиться на этот безнравственный поступок, да еще в то время, как дядюшка в таком состоянии! Вы, на которого он возлагал столько надежд!

В этот момент гостям пришлось расступиться, чтобы пропустить дядюшку. Тот вошел, опираясь на руку Мак-Раста.

— Ох, сэр, — покаянно пожаловался Чан, — искренне сожалею, что не сумел предотвратить это безобразие...

Дядюшка прикипел глазами к красному пятну, расплывшемуся по простыни. Что-то в них появилось неземное, так что вряд ли он прислушивался к тому, о чем продолжал говорить Чан. Гости предпочитали не вмешиваться. Вдруг, очнувшись, он обвел потеплевшим взглядом окружающую его толпу.

— Пожалуйста, Чан, не трогай их, — сказал он. — Разве ты не видишь? Они еще так молоды. Прошу вас, господа. Давайте простим их за то, что они совершили. В конце концов, кто из нас в этом возрасте не совершал подобных ошибок?

Спустя полчаса Максим услышал, как Чан в открытую дверь панорамы Нангапарбат на втором этаже, обращаясь к дядюшке, сообщил об отъезде гостей. Последний катер только что ушел в море.

— Прекрасно, Чан, — ответил дядюшка, выходя оттуда и закрывая за собой дверь. — Я очень доволен.

Увидев Максима, он поманил его пальцем.

— Петр! Подойди сюда... Не бойся, ругать я тебя не стану, — прибавил он, видя, что тот колеблется. — Я только хочу еще раз на тебя взглянуть.

Максим подошел, решив показать дядюшке, что он его несколько не боится. Их глаза

встретились совсем близко, в полуметре друг от друга. Изборозженное морщинами дядюшкино лицо выражало только нежность и ласку.

— Видишь ли, Петр, хоть ты и заслуживаешь на самое суровое наказание... — он сокрушенно покачал головой, — но что я могу поделать, когда ты весь в меня! Дай-ка я тебя обниму... Я очень люблю тебя, Петр!

Дядюшка прижал его к себе, обнимая и похлопывая по спине. Затем смахнул набежавшую слезу и оглянулся, подзывая Чана.

— Пошли, Чан. Отведи меня пожалуйста, к Немезиде. Настало время, теперь я встречаюсь с ней со спокойной душой.

Солнце успело высоко взойти над океаном. Пальмы бросали на песок густые и короткие тени. Море безмятежно напускало волны на берег, презирая течение времени.

Аша присела на берегу, подогнув колени и уткнувшись в них подбородком. Максим догнал ее и тоже сел рядом.

— Куда это они? — поинтересовалась она.

— В прошлое, — ответил он, пожимая плечами, и это было правдой. — Здесь им больше нечего делать. Как сказал бы дядюшка, этот мир давно уже им не принадлежит... И знаешь, что? — добавил он после того, как Аша промолчала. — Возможно, с моей стороны это и самообольщение, но все же я надеюсь, что мне никогда не придется состариться.

Она легко догадалась, что он хотел этим сказать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net